

Сестра Тамара Теума

Как Тереза из Лизьё побывала в России и Казахстане

Дневник путешествия реликвария

с 24 февраля 5 июля 1999 года

Перевод: Юлия Куркина (Санкт-Петербург)

Сценарист: Арина Гусева (Москва)

Святая Тереза Младенца-Иисуса и Святого Луки

Предисловие

«Царица!» Какое имя, заключающее в себе одновременно и уважение, и любовь, могло бы лучше выразить действие, которое производит Тереза на русскую душу? Переписка монастыря кармелиток в Лизьё после 1920 года свидетельствует о том, что русскоязычные христиане хорошо ее знали. Те, кто после большевистской революции нашел себе прибежище в Риме, приняли участие в создании Руссикума*, посвященного маленькой кармелитке. И столь же естественно, сколь и пророчески в 1930 году Пий XI провозгласил святую Терезу покровительницей России. Вскоре она стала там одной из самых любимых народных святых, а ее малый путь и духовное детство напоминали русским людям о святом Серафиме, тоже проповедовавшем смирение.

Пренебрегая как советской пропагандой, так и религиозными формальностями, Тереза не остановилась даже перед тем, чтобы прослыть русской святой, чтобы завоевать сердца людей и поддерживать их в аду, в котором они жили. Трудно усомниться в том, что Тереза, вместе с Папами, внесла свою таинственную лепту в развал СССР. И тем не менее, маленькая святая, 60 лет ожидавшая освобождения страны, удочерившей ее, вынуждена была прождать еще 10 лет, чтобы совершить по ней свое первое путешествие. О нем нам и рассказывает сестра Тамара Теума.

«С Терезой невозможно бороться!» Она заставляет признать свои права на Россию, подобно законным князьям, которые возвращались в страну после долгого изгнания. Даже в этом она, словно балованная дочь Отца (какова она и есть), позволяла себе шалости, в последний момент меняя программу, ведя самыми рискованными путями, безбоязненно встречая сюрпризы погоды, живя под временными навесами, проходя в окна, напрашиваясь и в посольства, и в заведения для самых бедных. «Маленькая королева» даже позволила себе роскошь быть перенесенной шестью юными охранниками Кремля, одетыми в парадную униформу и черные перчатки, – форму, приличествующую переносу царских останков. «Отец народов», когда-то бывший семинаристом, наверное, перевернулся в гробу!

Но во всех этих приключениях в бывшем Советском Союзе Тереза не искала своей личной славы, а исполняла свое неизменное и неутолимое желание: дать людям познать

* Папская коллегия Руссикум (лат. *Pontificium Collegium Russicum*) — католическое учебное заведение в Риме, готовящее священников византийского обряда. - Здесь и далее * обозначены примечания редактора.

Божие милосердие. Сестра Тамара, проехавшая от Москвы до Владивостока, от Сибири до Казахстана, влекомая покровительницей миссий, дает нам возможность погрузиться в «реализм воплощения, совершающегося в повседневности», свидетельствует, что «и на глубине преисподней может открыться небо, если беда преображается любовью». Как тонко подчеркивает автор, «царица» показала и путь примирения между Католической и Православной церквами: детство и простота против западного рационализма; Святой Лик, Милосердная Любовь против восточного фатализма.

*Монс. Доминик Рей,
епископ Фрежюса-Тулона*

Введение

5 июля 1999 года, Тереза, по казахскому обычаю облеченная в голубое покрывало, наконец вернулась в Лизьё с опозданием на несколько дней и несколькими неприятностями по прибытии, но как раз вовремя, чтобы отправиться в Аргентину! Ее миссия – приблизить души к Богу – была выполнена. Тереза – зачинщица «невозможных авантюр», как сказала бы Мария Виновская¹. «Что я думаю? Думаю, что Тереза есть Тереза!» – сказала Ирина Альберти², узнав про наш безумный проект.

Тереза... Это больше, чем имя, – это присутствие с настойчивым упорством избалованного ребенка, знающего, что Отец его любит! Она так и не оставит меня в покое, пока не выполнит свою миссию – пока не «поможет полюбить Бога так, как она Его любит». В России прошедшее время не стерло памяти о ней, она осталась живым присутствием, в котором хочется просто быть.

Я решилась написать это свидетельство по настоятельной просьбе многих друзей – епископов и священников, которые помогали мне и содействовали в организации этого путешествия. «Вы должны нам книгу!» – говорили они мне. Я попыталась собрать воедино свои воспоминания и чувствую себя, как Гедеон, которого Господь пришел искать в его точиле. И все же, чем больше я размышляю о пережитых событиях, тем больше чувствую, что все связано и переплетено. Наша жизнь – священная история, которая создается, как вышивка, маленькими точками; с изнанки мы видим только узелки и обрезанные нити, но иногда Господь переворачивает полотно и показывает проделанную работу. Он извлекает пользу из всего.

¹ Мария Виновска – польский католический филолог и журналистка. Эмигрировав во Францию в 1940 году, она была тайным участником французского Сопротивления. После войны она стала активным членом польских эмигрантских кругов во Франции. В 1950 году получила приз Французской Академии за книгу «Безумец из Нотр-Дама отец Максимилиан Кольбе». Была подругой юности Кароля Войтылы и Стефана Вышинского, поддерживала их в борьбе с коммунизмом.

² Ирина Алексеевна Иловайская – русская журналистка, семья которой, эмигрировавшая после революции, много сделала для борьбы с коммунизмом. В Париже она основала русскоязычный еженедельник «Русская мысль». Она была личным секретарем Солженицына, и именно она перевела его книги на французский язык и опубликовала.

Не случайно Тереза пересекла Россию в 1999 году, в год Бога-Отца, и одним из плодов этой миссии сейчас, когда я пишу эти строки, стал приезд в Россию Святой плащаницы и Святого Лица: «Кто видит Меня, видит Отца...».

Казалось бы, ничто не предвещало мне этой миссии. В день моего облачения одна сестра сказала: «Напиши письмо святой Терезе и увидишь: она исполнит все твои желания». Странно, но я написала: поехать в Россию. Почему? Загадка!

Через три дня после этого я оказалась в офисе Робера Массона, в то время главного редактора «*France Catholique*». А я была тогда редактором газеты «Огонь и свет», хотела выпустить номер, посвященный восточным странам, и пришла посоветоваться с ним. «Россия!» – без предисловий сказал он. В то время как раз праздновали тысячелетие ее крещения, и он, сняв трубку, тут же позвонил в Москву Владимиру Зелинскому, который долгое время был нашим драгоценным советником.

Через три недели, желая поговорить о святом Силуане, по наущению отца Марка, одного православного священника и друга, я оказалась в монастыре святого Иоанна Предтечи в Малдоме (Эссекс), чтобы встретиться там с архимандритом Софронием Сахаровым – духовным наследником святого преподобного Силуана, которого в России православные почитают как старца. Архимандрит дважды уделил мне время для длительных бесед, которые были наполнены такой радостью Святого Духа, что мне казалось, будто я три дня провела на горе Фавор. Рано утром, когда я уезжала, святой старец, поддерживаемый двумя молодыми монахами, пришел со мной повидаться. Он был лучезарен и благословил меня трудиться ради единства Церкви. Почему меня, столь недостойную? Это так и осталось тайной.

Подобно мотыльку, слишком близко подлетевшему к свету и опалившему себе крылья, я с большим трудом спускалась обратно вниз. На моей душе тяжким бременем лежало сознание своего ничтожества, погрузив ее в долгую ночь. Но именно в этом состоянии оставленности я готовила свою миссию.

Мне довелось встретиться с удивительными людьми, пытавшимися бороться с тьмой и тайно делавшими свое дело в мрачные годы Советской власти: с Ириной Альберти, Марией Виновской, с которой я несколько раз встречалась в ее скромном доме 99 по улице Вожирар в Париже, где она жила инкогнито. Эти две сияющих звезды не дожили до того, чтобы увидеть плоды своих трудов, но их поддержка была решающей. А еще – с Татьяной

Горичевой³, Ивом Аманом⁴, отцом Бернаром Дюпиром⁵. Меня принимали с удивительным радушием. «Ходите, пока есть свет», – говорил мне отец Владимир Зелинский⁶. Россия переворачивала страницу своей истории; и именно он ввел меня в круг духовных детей отца Меня и посоветовал пойти к ним одетой в монашеское облачение. «Вы – маленькая иголочка, пусть за вами потянется длинная нитка», – говорил мне отец Дюпир. Ирина вторила: «Россия – очень сложная страна, но Господь всегда ясно указывал путь каждому, так что следуйте за своей золотой путеводной нитью».

Россия развязывает страсти, и было в самом деле опасно пуститься в путь вне этих нитей, сотканных Господом⁷.

Он Сам пригласил меня идти вперед шаг за шагом, в тонком луче Его света.

³ Татьяна Горичева была воспитана в духе коммунистического атеизма, была преподавателем марксистской философии и пережила *spleen*, свойственный экзистенциализму Сартра и абсурду Камю, Ницше... В 1973 году, в возрасте 26 лет, она увлеклась йогой и, читая – как мантру – «Отче наш», внезапно открыла для себя существование Бога. Буквально в несколько минут она стала верующей и христианкой, крестилась в православие и нашла себя в Церкви, которую назвала «единственным чистым островком в океане государственной мертвечины». Потом она сотрудничала с несколькими подпольными диссидентскими изданиями, написала несколько книг, желая оставить свидетельство своего пути к Богу и обращения. В 1980 году, когда ей стало угрожать заключение в психиатрическую клинику, она эмигрировала во Францию.

⁴ Ив Аман – славист, профессор кафедры иностранных языков и культур Париж X (Нантер). Преподавал современную русскую историю в центре междисциплинарных многоязычных исследований. Занимая в советские годы должность в русском посольстве, он тайно содействовал возрождению Церкви в России вместе со своим личным другом о. Александром Менем.

⁵ Отец Бернар Дюпир, бывший человеком молитвы и действия, неустанно подвизался ради свободы христиан, гонимых в коммунистическом мире. Он получил образование в Руссикуме и был рукоположен в двух обрядах – латинском и византийском. Многих студентов посвятил в православную культуру в известном клубе «Два Медведя», который создал в 1956 году в помещении бистро «Три Лиса», находившегося в Латинском квартале.

⁶ «Святой Дух действует в людях, а они не знают, не понимают, какая в них совершается работа. Мое обращение произошло почти мгновенно: Святой Дух приготовил внутри меня почву без всякой интеллектуальной подготовки, без всякого внешнего влияния», – свидетельствует Владимир Зелинский. Он происходит из атеистической семьи, был воспитан в духе атеизма, имеет прекрасное образование и переводил для правительства книги атеистических философов: Ницше, Камю, Сартра, Хайдеггера, пока однажды, когда ему было 28 лет, его не пригласили выступить с докладом в церкви. У входа он перекрестился, чтобы сделать как все (над входом в православный храм обычно есть икона, перед которой люди крестятся, прежде чем войти), – и тотчас его охватило чувство: «Бог есть, и Он смотрит на меня». Став христианином, он стал и диссидентом, возглавлял семинар отца Александра Меня. Теперь он православный священник, профессор в университете Брешии в Италии и свидетельствует о своей вере во многих книгах и статьях.

⁷ Неслучайное совпадение: государственный переворот, который в результате стал концом СССР, случился 19 августа 1991 года, для православных русских – в день Преображения, в праздник, который означает радость лицезрения Света, то есть Христа во Славе, и преобразования этой радостью.

Благодарности

Почтительно благодарю монс. Ги Гоше, которого я встретила в Венаске незадолго до того, как он отошел к Отцу, и который очень порадовался выходу книги о приключениях Терезы в России. У него остались незабываемые воспоминания о путешествии с нею по Сибири.

Спасибо Женевьеве Эскьер, которая сумела размотать запутанный клубок путевых записок и извлечь из него материал для книги.

Спасибо моей матери, которая посвятила меня Терезе при рождении, под бомбежками, и признавалась, что молилась ей обо мне каждый день моей жизни.

Спасибо моей сестре Мари-Клод, которая очень любит Терезу и очень точно запомнила многие случаи и события, восстановленные мною благодаря ей.

Спасибо отцу Мари-Лорану, который поверил в эту книгу и терпеливо помогал мне довести ее до завершения.

В поисках русской души

Тереза и Россия, история любви

История, восходящая к началу XX века

В 1930 году папа Пий XI объявил святую Терезу, канонизированную им пятью годами раньше, покровительницей России, находившейся в то время под игом коммунизма. Не великого деятеля, не великого богослова выбрал Папа святым покровителем России в самые мрачные времена ее истории, а простую монахиню, созерцательную душу, с мирской точки зрения не сделавшую ничего особенного.

Чтобы узнать, как святая Тереза стала покровительницей Католической церкви в России, нужно вернуться в 1923 год, когда несколько «влюбленных» в нее решили создать в Риме церковь и семинарию и посвятить ей. По предложению монс. Д'Эрбиньи SJ, кардинал Вико представил этот проект папе Пию XI, который воспринял его с большим энтузиазмом. Потрясенный тем, скольким русским пришлось бежать от коммунистического режима и преследования христиан в СССР, он молился только о знаке, чтобы начать основание семинарии для России.

Молясь о том, чтобы нашлись необходимые средства, он призвал на помощь святую Терезу и в тот же день получил письмо от матери Агнессы – сестры Терезы и настоятельницы монастыря кармелиток в Лизьё, которая от имени Терезы жертвовала ему большую сумму денег «для апостольского начинания, которое Вам сейчас наиболее близко». Сумма была почти достаточной для строительства русского колледжума. Он принял это как ответ самой Терезы и вскоре писал: «От всего сердца благословляем эту святую, как и промыслительное предложение, столь удивительно совпавшее с замыслом, столь занимавшим наши мысли». 11 февраля 1928 года первый камень Руссикума был торжественно освящен под сводами Санта Мария Маджоре. Именно при таких обстоятельствах Тереза была провозглашена покровительницей России после святого Николая чудотворца.

«Воистину она дочь нашего народа!»

Однако Тереза не дожидалась этого события, чтобы дать возможность узнать и полюбить себя в России. В июле 1925 года о. Невэ, настоятель прихода в Макеевке на

Украине сообщал в *Annales de Lisieux* очень интересные детали о почитании Терезы, которое уже процветало повсюду. Вот что он пишет:

Я с радостью заметил, что даже в красной Москве почитание Терезы очень распространено; чтобы утолить благочестивую жажду собратьев, я вынужден был пойти поперек себя и совершить акт вандализма, то есть вырвать из всех книг, которые у меня были, все гравюры и образы нашей дорогой святой... Я хотел бы поскорее приехать в Лизьё, чтобы поблагодарить Бога за все милости, которые посреди всех бедствий Он оказывает нам через благое заступничество святой Терезы Младенца Иисуса.

9 октября 1929 года в русской газете «Возрождение», издававшейся в Париже, Л. Любимов писал:

Как и следовало ожидать, в святой Терезе Младенца Иисуса православных русских привлекает простота, смирение и доброта, одним словом, ее духовное детство. Они счастливы найти в ней свои любимые добродетели, видеть, что они не только вдохновляют великое множество католиков, но что они канонизированы римской властью.

В январе 1930 года *Annales de Lisieux* опубликовали размышления о. Давида Майяра, который по состоянию здоровья был репатриирован из России, где заменял монс. Невэ на должности настоятеля Макеевки:

Как же любят повсюду нашу дорогую маленькую святую, как она повсюду завоевывает сердца для Своего Возлюбленного! В России сейчас все обречены на молчание, но Тереза продолжает работать и втайне: миссия, которую поручил ей Папа, внушает столько надежд. Она все более любима нашими отделившимися православными братьями: каждый день приносит все новые доказательства этого факта. Кто хоть раз призвал ее, уже не может освободиться от ее веселой настойчивости, и она всячески старается показать, что, если можно так выразиться, «не сводит с них глаз». Недавно один православный священник сказал своей жене, которая стала католичкой и жила в провинции, что собирается во вторник приехать с ней повидаться. Этот священник, вообще человек смелый и хороший, не переставал докучать своей жене по поводу ее перехода в католичество, но, как и она, молился святой Терезе. В понедельник вечером он вдруг почувствовал, что должен скорее уехать из города и ехать к жене, и в девять вечера сел в поезд. В тот же вечер около 11 часов в городе произошли массовые обыски и аресты среди духовенства и верующих. Сотрудники ГПУ трижды приходили взять его, но не нашли. Верные люди предостерегли его, и он, переодевшись, сумел скрыться. Сколько людей, страждущих душой или телесными болезнями, говорят: «Тереза следует за мной повсюду. Я все время говорю с ней, как если бы видел своими глазами; она всегда утешает».

А один из ее почитателей признается: «Она всегда добивается для меня того, о чем я прошу».

В советское время очень трудно было получить надежную информацию о действительном положении Церкви в России. Тем не менее в 1932 году Тереза была известна настолько, что председатель Совета воинствующих безбожников писал: «Мифическая особа, к которой обращаются с молитвой, не существует и никогда не существовала ни в какой части вселенной».

Я нашла в архиве Лизьё несколько интересных сведений о том, какое влияние имела святая Тереза на русских людей в 40-е годы. Вот что пишет мадемуазель Извольская, дочь русского посла в Париже и министра иностранных дел России Александра Извольского:

Из всех святых святая Тереза, вероятно, наиболее популярна. Не только ее сочинения привлекают православных, но и она сама. Ее фотографии можно найти в домах на почетном месте, отведенном для семейных икон. Говорят, что святая Тереза совершила для русских людей множество чудес словно для того, чтобы выполнить поручение папы Пия XI, объявившего ее покровительницей страждущей России. Священник, хорошо знавший русских, жаловался, что они постоянно призывают ее на помощь: «Их молитвы чаще касаются материальных вещей, чем духовных, но, к сожалению, она всегда исполняет их все!»

Издатель «Etudes Carmelitaines», – пишет она чуть дальше, – попросил меня провести опрос о почитании святой Терезы в России. Большинство тех, кого я опрашивала, ответили, что малый путь святой Терезы и ее духовное детство действительно очень созвучны русскому благочестию и духовности. Она напоминает их любимого святого Серафима, тоже проповедовавшего путь смирения. И все же привязанность русских к святой Терезе остается тайной. Ведь ее тексты столь типичны для западной духовности, а жизнь юной французской кармелитки так мало напоминает жизнь русских святых, что мне трудно понять пристрастие моих соотечественников. Даже то общее, что есть у нее со святым Серафимом, не объясняет этого. Тут должно быть какое-то сверхъестественное объяснение. Удивительным образом она стала одной из самых любимых русскими святыми и покровительницей Советского Союза.

«История одной души» в русском переводе

В 1954 году монастырь траппистов в Брикбеке приступил к изданию «Истории одной души» на русском языке, о чем монахи и сообщили своим друзьям и благотворителям:

Два года назад мы приступили к русскому изданию «Истории одной души». Специалисты рекомендовали тираж не более 3000 экземпляров. Но помощь нашей дорогой

маленькой святой и Ваша удивительная щедрость потеснили все эти человеческие предосторожности: нам удалось напечатать целых 22500 экземпляров, и большую часть их уже бесплатно раздали по ту и другую сторону «железного занавеса» православным или неверующим русским, в том числе, тысяче православных священников, епископов и архиепископов. Одному Богу известно, что за работу совершила в русских душах эта маленькая святая... Мы получили множество благодарных писем от простых православных верующих: «Что за восхитительная маленькая святая! Я была одинока. Теперь она стала для меня горячо любимой сестрой. Ее фотографии неотразимо привлекают меня, дают ощущение ее присутствия рядом со мной...»

Министр вероисповеданий царской России* писал:

Я уже знал французский текст «Истории одной души»; какая радость была найти ее на русском! Читаю и перечитываю с воодушевлением. Эта маленькая святая перевернула мою жизнь... Воистину, она дочь нашего народа!

А вот что пишет один епископ Московского Патриархата:

С огромным удовольствием получил вашу книгу и выражаю вам свою благодарность. В самом деле, католикам и православным нужно как можно глубже, как можно полнее узнать друг друга. А что лучше говорит о религии, чем жития святых? Путем, так сказать, «обмена» житиями наших святых мы, быть может, научимся лучше узнавать друг друга, чем путем разговоров. Разве жития святых – не свидетельства живого опыта, созвучного учению Церкви, к которой они принадлежат?»

За два года до путешествия Терезы монс. Шёнборн пророчески подарил Патриарху Московскому Алексию II частицу ее мощей.

Старая сестра Елена, уже больше пятидесяти лет православная монахиня, инвалид, почти слепая, не утратила ни живости ума, ни остроты памяти. На наш вопрос: «Знают ли в России святую Терезу Младенца Иисуса?» она с некоторой хитрецей ответила:

Конечно! Ее прекрасно знают некоторые монахини, которые молились ей в подпольных монастырях 50-х годов и получали многие милости. Если углубиться в православную среду, мы обнаружим, что Тереза не побоялась даже сменить имя! Так однажды наша игуменья поставила фото Терезы в молитвенный уголок подпольного монастыря, где мы регулярно собирались. Но нам она представила ее как святую «Нину» – русскую святую, история которой точно не известна. Однако ее взгляд нас пленил. Из всех русских святых мы сразу выбрали ее своей защитницей, и все эти годы тайной жизни она пользовалась почетным местом, так сильно мы ощущали ее присутствие. Ничего другого мы так и не узнали об этой маленькой

* Видимо, речь идет об А.В. Каргашёве, который был последним обер-прокурором Синода и министром исповеданий Временного правительства. Впоследствии эмигрировал.

монахине с таким нежным лицом. Только годы спустя я узнала, кто такая наша «Нина». Могу сказать, что она стала верным другом многим русским людям...

Первые шаги в России

Святая Тереза действительно действует в России очень активно. Мы можем об этом свидетельствовать, поскольку в 1989 году, в начале перестройки, тогда еще хрупкой, очень сильно ощутили ее заступничество и даже назвали свое апостольское служение «делом Святой Терезы». Нам хотелось пользоваться покровительством той, которая сказала, что «будет проводить свое небесное жительство, творя добро на земле». Именно под этим покровом мы совершили свою первую гуманитарную поездку в Москву на Пасху 1991 года, когда царили ужасная скудость и дефицит, привезя сорок тонн продуктов, медикаментов и одежды.

Этот первый проект мы задумали, не имея ни денег, ни водителя, ни грузовика, ни груза, но Провидение разрешило все это в несколько дней. Пересечение границ и путешествие по незнакомым дорогам в незнакомой стране с незнакомым языком оказалось еще большим чудом, не говоря уже о распределении помощи. Мы были первым французским гуманитарным грузовиком, попавшим в Москву. После того, как мы проехали пятьдесят часов по плохим дорогам от Киева до Москвы (900 км), нас встретил и принял отец Василий Фонченков, симпатичный, колоритный и несколько громогласный, словно кавказский горец, который, при всем своем убежденном православии⁸, был горячим почитателем Терезы. Увидев, что на него ложится тяжелое бремя гуманитарной помощи в Москве, и поняв, что ему это не по силам, он тайно совершил паломничество в Лизьё, чтобы поручить свое служение Терезе⁹. Каковы же были его чувства, когда он узнал, что вся наша миссия поручена ее покровительству. Он растрогался до слез и позже признался: «Я просил у нее очень многого, и очень многое получил благодаря ей». О чем он говорил, мы не знаем...

Мы привезли первую помощь действительно в то время, когда катастрофически не хватало всего, и именно благодаря святой Терезе он смог начать свое «Движение милосердия», которое действовало потом несколько лет.

⁸ Вместе с отцами Глебом Якуниным и Александром Борисовым он входил в группу священников, в самом начале перестройки решивших войти в московское Правительство (Моссовет), чтобы в нем была представлена Церковь.

⁹ Впрочем, мы и нашли его, и вступили с ним в контакт благодаря одному «случайно» встреченному православному прихожанину из Лизьё.

Чтобы показать свою готовность, Тереза добилась для нас благодатной возможности приложиться к мощам святого Серафима Саровского, которые были только что найдены в музее атеизма в Санкт-Петербурге и с великой торжественностью перенесены в Дивеево¹⁰ через Москву, как раз тогда, когда мы были там. Как любил говорить отец Александр Мень: «Стены, разгораживающие нас на земле, не достигают неба...». В Боге нет разделений.

Несколько месяцев спустя, в середине августа, колокола пасхальным звоном приветствовали возвращение святого Серафима в Саров. Они возвещали конец атеистического режима, рухнувшего через несколько дней, 19 августа, в день Преображения по православному календарю.

Мы же снова были в Москве с группой молодежи, сопровождая другой 40-тонный грузовик¹¹ с медицинскими материалами, бельем и медикаментами. Приютило нас посольство Франции. Так мы оказались в столице в самый разгар путча. Отец Александр Борисов¹², чья церковь святых Космы и Дамиана в Шубине служила и типографией, в тот день служил в помещении на первом этаже, и там узнал новости о путче. Он умудрился подпольно напечатать воззвание к солдатам, которое начиналось так: «... Коммунисты снова хотят бросить вас против собственного народа...», а заканчивалось: «Не убий!» Поскольку он был членом Российского библейского общества, у него всегда лежали стопки Евангелий. Одевшись в свое священническое облачение, с нагрудным крестом и значком депутата Москвы он стучался в люки танков. К вечеру им удалось раздать солдатам больше двух тысяч Евангелий и воззвания. Только один военный отказался принять подарок. Они ликовали, потому что удалось избежать опасности гражданской войны.

¹⁰ Женский монастырь основан святителем Серафимом по указанию Божией Матери.

¹¹ Который мы взяли у друга общины Альбера, послужившего нам и шофером.

¹² Отец Александр Борисов очень много сделал для возрождения Церкви и единства христиан. Он был другом детства отца Меня и его верным духовным последователем. Его приход состоял из духовных чад отца Меня, то есть, в основном, из интеллигенции, вместе с которыми мы впоследствии организовали многочисленные паломничества в Лурд и Лизьё.

Во время путча...

Мы тоже ходили между танками и носили свои посылки в больницу N 1 на Ленинском проспекте. Ее курировал отец Аркадий Шатов, и она находилась в ужасном состоянии разрухи. Наши первые приношения были приняты прямо как дары волхвов.

Небо обнимало землю, и мы могли единым сердцем воспеть:

Аллилуйя, воскрес Христос, возрадуемся!

Базилика Лизьё

Истоки путешествия

Пятидесятница 1995 года

«Я хотела бы возвещать Евангелие во всех частях света»¹³, – писала Тереза, поступив в монастырь, чтобы исполнять эту миссию путем молитвы и жертвы. Замысел «путешествия» Терезы по России был ее собственным решением! Все произошло как бы помимо нашей воли, в базилике Лизьё в воскресенье Пятидесятницы 1995 года.

Я только что вернулась из России, чтобы присутствовать на рукоположении одного брата. Точнее, я вернулась из миссии в Казахстане с отцом Пьером Дюмуленом¹⁴. Туда нас пригласил отец Томас Пета, бывший тогда настоятелем Озерного, небольшого степного городка на северо-востоке этого огромного Казахстана, который я видела впервые.

По возвращении в Москву я переночевала одну ночь у отца Александра Борисова¹⁵, в его отсутствие, а утром – вот сюрприз! – заметила, что сестра Ольга, с которой я ездила на эту миссию, уехавшая обратно в Швейцарию накануне вечером, по оплошности увезла одну из моих сандалий, оставив мне свои – обе на левую ногу – ходить невозможно. В конце концов я нашла пару банных шлепанцев из белого пластика, которые были мне ужасно велики. Дождь лил как из ведра, а я в такой обуви отправилась в аэропорт, чтобы через несколько часов оказаться в базилике Лизьё с белым подолом, еще забрызганным грязью степей. Я пришла раньше и под просторным куполом базилики случайно встретила ректора, отца Раймонда Замбелли. Тереза к этому времени еще ни разу не покидала пределов Европы, и я была очень далека от мысли привезти ее в Россию.

первое знакомство с сестрой Шанталь

Зато я была свидетельницей благодарности, с которой приезжали к ней в Лизьё паломники (в том числе и моими стараниями), получившие через нее множество милостей. Однако эти милости оставались уделом тех, кто мог себе позволить отправиться в

¹³ Рукопись В, 2.

¹⁴ Со-основатель семинарии в Караганде, а затем в Санкт-Петербурге.

¹⁵ Он был ректором храма свв. бессер. Космы и Дамиана в Шубине в самом центре Москвы. См. предыдущую главу.

паломничества, которые мы организовывали летом. Представив себе, сколько добра Тереза могла бы принести своим присутствием, я словно в рассеянности спросила: «Почему бы Терезе не поехать в Россию?», не слишком раздумывая, и, честно, говоря, озабоченная тем, чтобы отец Замбелли не заметил, как нелепо я обута. Он, кажется, был удивлен, но после минутного размышления, сказал: «Тереза – не наша собственность! Знаете, какой сегодня день? Видите, где мы находимся?» А мы стояли под большой мозаикой увенчания Терезы на небесах. «Что ж, я согласен при условии, что епископы сами попросят об этом, и Патриарх будет извещен».

Все это, разумеется, потребовало времени, вот почему епископы Бразилии нас опередили. Главную трудность представлял контакт с российской поместной католической иерархией, в то время занятой перестройкой системы Апостольской Администрации в довольно сложном внутрицерковном контексте. Как представить им проект так, чтобы не получить сразу решительный отказ? Помимо того, что я не знала, как относится к святой Терезе духовенство (по большей части польское), в глазах Православной церкви проект мог выглядеть агрессивным прозелитизмом. К тому же Тереза никогда не выезжала за пределы западного мира, и все полагали, что ее тело сохранилось, что речь идет о мертвом теле из монастыря Кармель в Лизьё!

К счастью, тело Терезы не сохранилось, и она могла «осыпаться», как выразилась сама в стихотворении, написанном незадолго до смерти:

Но я мечтаю о другом – осыпаться... Розу с осыпавшимися лепестками выбрасывают на ветер. Роза без лепестков не ищет ничего, отдает себя, чтобы больше не существовать! (Поэмы, 51).

Моей поверенной была сестра Шанталь, французская монахиня, в то время настоятельница Сестер матери Терезы в России. Мать Тереза обещала Фатимской Божией Матери, что ее сестры будут читать молитву розария в странах бывшего Советского Союза. Это сестра Шанталь основала там общину и взвалила на себя и бремя повседневных забот, и бремена бедных, и нужды сестер в столь сложной стране. С первого взгляда мы словно «узнали» друг друга и сразу стали единомышленницами. Она смотрела на меня с верой, и это укрепляло меня. Очень созвучная духу Терезы, сестра Шанталь все время возвращала меня к главному: «Все для Господа!» Она верила в проект.

Ассумпционист отец Ле Леаннек, настоятель прихода святого Людовика в Москве, предложил принять Терезу как маленькую француженку, с дипломатическим паспортом, и встретить ее в храме святого Людовика, на французской земле, как настоящего посла.

В конце концов, сестра Шанталь посоветовала рассказать о проекте монс. Верту, епископу Юга России, который казался ей наиболее способным воспринять его духовное значение. После этого моя община вызвала меня во Францию, и, казалось, проект заглох. Но когда я уезжала, мои самые первые русские друзья Андрей и Ольга Дьячковы спросили, нет ли у меня для них работы перевода. «Почему бы не перевести автобиографические рукописи Терезы?» Вероятно, где-то смутно внутри я все-таки не могла похоронить проект, а может быть, она сама мне это внушила. В конечном счете получилось так, что переводы были готовы как раз моменту ее паломничества! Заодно они перевели и «Историю одной жизни» монс. Ги Гоше¹⁶, которая имела явный успех.

15 августа 1998

Когда примерно два года спустя я вернулась в Россию, проект словно помимо моей воли стал чрезвычайно актуальным. Монс. Кондрусевич, Апостольский Администратор Западной части России, принял его, почти не раздумывая, и позже перед большим реликвариумом в Лизьё признавался: «Может быть, я вел себя как дитя, но когда сестра Тамара предложила мне привезти мощи, я сразу же сказал: да!» На самом деле он был готов встретить маленькие, «карманные» мощи, и потребовалась вся сила убеждения монс. Ги Гоше и отца Замбелли, чтобы уговорить его принять в России весь 140-килограммовый реликварий. Тереза между тем начала свои странствия по миру, и мы уже просто не могли не сделать для России того, что делалось для других стран.

На 15 августа 1998 года католические епископы России и Казахстана были приглашены в Лизьё, и в тот момент начала новой евангелизации этот визит оказался для них очень сильным духовным переживанием. Они испытали на себе благодать Терезы и убедились, что она должна приехать в Россию. Задача перед ними стояла сложная, потому что католики России были в основном иностранного происхождения, по большей части – из семей депортированных. Приезд Терезы становился очень важным событием, что не помешало в последний момент пойти на попятный из-за сопротивления посла Франции. «А если мы все организуем без помощи посольства?» – предложили мы с отцом Шененбергером¹⁷. «Так сделайте», – был ответ епископа. Короче говоря, нужен был осел, который мог бы перевозить реликварий, и мы его нашли.

¹⁶ G. Gauchet, *Histoire d'une vie*, Cerf, Paris, 1986.

¹⁷ Отец Рольф Шененбергер – швейцарский священник, много лет работавший в Восточной Европе. Он стоял у истоков ассоциации «Триумф Сердца», которая трудилась ради единства и примирения, помогая самым нуждающимся, особенно детям и старикам. Он был одной из опор в подготовке и осуществлении проекта паломничества Терезы по России.

Фото с. 29

Реликварий весом 140 кг

(в Томске, Сибирь, 20 апреля)

Реликварий весом 140 кг (в Томске, Сибирь, 20 апреля)

Препятствия множатся

Волей календаря и превратностей, именно 19 октября 1997 года, в тот час, когда Иоанн Павел II провозгласил Терезу Учителем Церкви, мы с московским доминиканцем отцом Анджеем Бейлатом где-то в углу пытались организовать поездку Терезы в Россию. Кроме того, этот день был православным праздником иконы Божией Матери «Радость всех радостей», любимой иконы святого Серафима, перед которой он отошел к Богу, окруженный множеством зажженных им свечей¹⁸. Именно в качестве «Учителя Любви»

¹⁸ Святого Серафима (1755–1833) всегда посещали сотни паломников. У него было обыкновение зажигать перед иконой Божией Матери свечу за каждую из молитвенных интенций, с которыми он к ней обращался.

Тереза хотела посетить самых бедных, брошенных, забытых в этой далекой и таинственной стране. Мы сидели на провалившихся стульях в темном, тесном и захлавленном помещении, служившем в то время ризницей в храме святого Людовика Французского в Москве. И хотя комната пахла почти исторической, глубоко въевшейся шестидесятилетней пылью, мы испытывали радость Святого Духа и единодушие. Храм Святого Людовика еще не был отреставрирован, и окна хора, выходившие на улицу и заколоченные в годы гонений, придавали зданию вид темной пещеры, полной теней истории¹⁹. В нем сосуществовали пять или шесть приходов, иногда довольно сумбурно, подобно детям, одновременно играющим в песочнице... По воскресеньям мессы на русском, латинском, польском, английском, французском, итальянском, испанском языках следовали друг за другом почти без перерыва.

Конечно, тревожная экономическая ситуация России того времени внушала мне беспокойство, поскольку приезд мощей Терезы не был благотворительным мероприятием. Но Господь неизменно отвечал: «Бедных вы всегда имеете с собой...» или «Ходите, пока есть свет...». После всех лет страданий, насилия и беззаконий Тереза хотела пролить бальзам Отчей любви на раны этого народа, ведь ее имя – не только Тереза Младенца Иисуса, но и Святого Лица. Она хотела приехать как сестра милосердия, чтобы вернуть сердца детей Отцу. И Господь действительно сотворил чудо.

Тереза демонстрировала мне свое горячее желание посетить эту огромную территорию, где ее уже знали и любили, через самые конкретные вещи. Она стремилась вперед подобно «маленькой королеве», спешившей прийти, чтобы в этот год Отца говорить о любви Отца и врачевать раны. «Иисус хочет, чтобы мы испили Его чашу до конца... Ах, не будем отказывать Ему ни в чем, ведь Он так нуждается в любви и так жаждет, что ждет от нас хоть капельки воды, способной освежить Его.» (Письмо 107 к Селине).

Зима 1998 года

Был разгар эпохи перемен в России, и достаточно поставить себя в ситуацию той зимы 1998 года, чтобы понять, до какой степени наш проект выглядел несвоевременным. До нас все время доходили катастрофические новости, и мы чувствовали себя музыкантами, играющими для пассажиров «Титаника». При температурах 25-30 ниже нуля жители Сибири подчас оказывались без отопления, электричества, в некоторых местах им

¹⁹ Поскольку храм святого Людовика был французской территорией, только он (и храм Лурдской Божией Матери в Ленинграде) был открыт в годы СССР, хотя приходские помещения были реквизированы ГПУ в 1917 году. Оставалась сама Церковь, за которой следили со всех сторон.

приходилось готовить на улице. А в Москве Госдума только что приняла постановление, в котором призвала мэрию восстановить памятник Дзержинскому на Лубянке. Царил полный хаос, и каждый старался сбежать с корабля; однако никогда к нам не приходило столько трогательных свидетельств об утешении, которое приносило наше присутствие, и это поощряло нас в задуманном предприятии, поскольку что все прекрасно знали, откуда исходило утешение.

Сестра Мариола писала мне из Озерного (Казахстан):

Может быть, в эту зиму у нас будет отопление (при 30-40 градусах мороза). Я пишу Вам при свече, и моя голова так же черна, как ночь кругом. Мы готовимся к приезду святой Терезы, читаем в церкви ее книжку, а молодежь начала готовиться и молитвенно. Об этом можно было бы написать много, но я скажу одно: «дело идет». Тереза запустила машину, и пусть Бог прославится во всем этом!

Она словно вторила тому, что сама Тереза писала Селине:

Не сомневайся, что твоя лодка посреди открытого моря, может быть, уже недалеко от гавани, и ветер скорби, который ее несет, – это ветер Любви, а он быстрее молнии. (Письмо 144 к Селине)

Да, Лик Иисуса лучезарен, но если Он так прекрасен посреди скорбей и слез, что же будет, когда мы увидим его на небесах! (Письмо 95 к сестре Агнессе Иисуса)

Март 1998 года

Небольшое происшествие: в марте 1998 года я возвращалась во Францию с насыщенной программой, чтобы встретиться с монс. Ги Гоше и отцом Замбелли, с которыми мы все организовывали. Я только что покинула совершенно зимнюю Москву, а около Пуатье в этот весенний послеполуденный час стояла прекрасная теплая погода. Это была Пепельная Среда, и моей целью было попасть на вечернюю Мессу в Ажане. И вдруг – резкое торможение на скорости 130 км/час, несколько разворотов и наконец я остановилась у ограждения на встречной полосе, никого, однако, не задев. Я оказалась стиснутой в своей машине, не могла шевельнуться, но словно незримая и нежная рука держала меня, и я, упав головой на руль, без боли, но в полубессознательном состоянии, ждала, что последует дальше... Это было в довольно узком месте автострады, и я слышала, как скрежетали тормоза грузовиков, подъезжавших на скорости и избегавших столкновения в последний момент. Я все ждала последнего удара, но была странно спокойна. Вся моя жизнь казалась мне мгновением. «Господи, помилуй!»

«Она жива!» Милость Господа явилась тут же – с легким пуатевинским акцентом. Молодая женщина-полицейский на мотоцикле, проезжавшая мимо после окончания рабочего дня, увидела случившееся, и, просунув руку через разбитое стекло, коснулась меня. Я вышла из оцепенения и увидела всю плачевность положения.

– Да, я жива, но моя машина! Сегодня Пепельная среда, видно, Господь хотел меня испытать.

– Так она ваша или нет? – морща лоб, с хрипотцой в голосе спросил полицейский, спешно прибывший на вызов.

– Моя, моя, мне ее дал отец! – настаивала я.

– Вы потеряли колесо, сестра, – сказал он, показывая мне колесо, осторожно положенное по другую сторону шоссе. На мне не было ни царапины, и чуть позже я появилась на вокзале в Пуатье – в хабите, обутая и закутанная как в России, под уже жарким солнцем, в сопровождении полицейского, который нес мои чемоданы! Что до машины, от нее мало что осталось. Приехав, наконец, в Прейсас на вечернюю трапезу, я взяла наугад круглую салфетку, и увидела, что надпись на ней гласит: «С Господом моим восхожу на стену...» (Пс 17: 30). Трудно отказать Ему в чувстве юмора!

Но я еще не перепрыгнула эту стену: через неделю отец Франсуа Ксавье, вручив мне ключи от своей машины, попросил оказать ему небольшую услугу и отвезти в Лурд пакет. Между нами было долгое и болезненное охлаждение из-за России, и этот жест его жест был поистине великодушен! Я с радостью приняла предложение, которое давало мне возможность пройти через грот Массабьель и поручить свою миссию Пресвятой Деве, поэтому я, не медля, пустилась в путь. Через час начался сильнейший град, превративший дорогу в каток. Прямо передо мной столкнулись четыре машины, я затормозила, меня стало носить от одного края дороги к другому, но я никого не задела. «Машина Франсуа Ксавье!!!» – подумала я, и тут же – щелчок ремня безопасности, мою голову ужасно тряхнуло, и я ощутила удар – сильнее, чем машина, которая оказалась прочнее и отделалась легче, чем я. Стоял холод, и я с щемившим сердцем на короткий миг зашла в грот, чтобы вложить свои пустые руки в руки Пресвятой Девы и попросить, чтобы все в нашем проекте совершилось по воле Господа. Я чувствовала себя смертельно уставшей, и только потом поняла урок: Тереза дала мне пережить то, чему учила.

Наконец я кое-как смогла добраться до Лизьё, встретила с монс. Ги Гоше и отцом Замбелли, ввела их в курс того, как шла подготовка, чтобы вместе решить, что делать дальше. Эти встречи были очень важны. Они искренне радовались миссии Терезы в бывшей стране Советов, а их неиссякаемое вдохновение оживляло и мой миссионерский дух.

Изобретательность в том, что касалось их маленькой сестры, работала у них безотказно.

Так, например, подводя итог разговору, они единогласно сказали мне:

– Времени мало, и теперь Вам надо поехать в Рим, чтобы самой объявить Святейшему Отцу эту прекрасную новость.

– Какая это была бы милость! – ответила я. Я восхищалась их пылом и любовью к Терезе, их доверие ко мне трогало меня бесконечно, хотя я чувствовала, что совершенно его не стою. В мгновение ока в моей голове пронесся целый поток мыслей: говоря конкретно, я не думала, что все это осуществимо; у меня уже был взят билет в Россию, оставалось слишком мало времени, и я хотела посвятить его матери: нельзя сказать, что она была больна, но, видно, чувствовала свой скорый уход и хотела меня видеть. Иными словами, и я была не в состоянии, и средств у меня не было.

Отец Замбелли, словно прочитав мои мысли, повел меня в свой кабинет, и чтобы покончить с моими сомнениями, вынул из ящика необходимую сумму денег и вдобавок пачку итальянских лир, оставшихся от его последней поездки в Рим. Оставалось только найти подходящий рейс...

Однако я с легкостью нашла очень дешевый чартерный рейс, и это (хотя было очень маловероятно, что я смогу встретиться со Святейшим Отцом) позволило мне пригласить с собой сестру Екатерину-Елизавету²⁰, которая жертвовала много своих внутренних испытаний за Него, за Церковь и за Торжество Непорочного Сердца Марии в России. Я не хотела пользоваться такой милостью одна. К нам смогла присоединиться еще одна сестра, Натали, переживавшая время жестоких искушений и мечтавшая встретиться со Святейшим Отцом. Так сложилось наше знаменитое трио!

²⁰ См. ее книгу-свидетельство: Catherine-Élizabeth, *J'ai vu tomber le Rideau de fer*, Salvator, Paris, 2008.

Иоанн Павел II

Отъезд на миссию

Святейший Отец дважды благословляет наш замысел

26 марта 1998

Как бы то ни было, в Риме было тепло и прекрасная погода. Тереза подарила нам чудесные маленькие римские каникулы. Мы жили на Санта-Мария-ин-Трастевере у Ванды Гавронской, племянницы блаженного Пьера Джорджо Фрассати²¹, с которой я познакомилась несколькими годами раньше на встрече, посвященной единству христиан. Плодом знакомства стала серия статей о Пьере Джорджо в нашем журнале «Огонь и свет», ввиду его возможной канонизации. Так что Ванда была мне очень благодарна, а с нами была чрезвычайно предупредительна и заботлива. Пьер Джорджо и Тереза оказались неотразимым дуэтом, и отцы проявили большое великодушие, чтобы сделать наше пребывание в Риме как можно приятнее.

Мы проживали это время в вечном городе, идя по следам святой Терезы – с мучениками первых веков. Ее присутствие ощущалось очень живо, и мы понимали, какой нам сделан царский подарок. Посещение храмов перемежалось с поеданием изумительного мороженого, и мне даже удалось найти у уличного торговца отличные ботинки на окончание русской зимы, потому что мои начали просить каши. Спасибо Провидению!

23 марта мы приехали к вечерней Мессе в крошечной частной капелле монс. Гнилицы²², и попросили его помочь подтвердить наш договор с Лизьё встречей со Святейшим Отцом. Несмотря на радушие и легендарную готовность помогать, на всю его любовь к святой Терезе и желание что-то для нас сделать, никакой надежды на встречу с Папой он нам не оставил, поскольку Иоанн Павел II в этот день только возвращался из Африки, на следующий день не принимал, потом был праздник Благовещения, и наконец, 26 после обеда мы улетали... В утешение он вручил нам входные билеты на папскую Мессу Благовещения, это нас действительно поддержало, и мы предоставили все Провидению, полагая, что тем все и ограничится. Но мы забыли об упорстве Терезы!

«Этой ночью Тереза не оставляла меня в покое, все словно побуждала что-нибудь предпринять...» – признавался монс. Гнилица на следующее утро. «Молитесь, сестры!» И Тереза действительно продемонстрировала свою решимость, потому что 25 поздно вечером мы узнали, что следующим утром нас примут, что мы должны быть у бронзовых ворот уже в 5.45. Не стоит и говорить, что спали мы мало. Зато 26 марта Святейший Отец частным порядком принял нас. Я еще чувствовала последствия своей последней аварии, и с онемевшей шеей, тремя сместившимися позвонками и туманом в голове шла на встречу с

²¹ Папа Иоанн Павел II причислил его к лику блаженных его в 1990 году.

²² Монс. Павел Гнилица – словацкий священник, тайно рукоположенный после начала известных событий в Чехословакии. Через месяц он стал епископом и готовил возрождение Церкви в ожидании, в ожидании перемен. Он жил в Риме и был особым советником Святейшего Отца по странам Востока. Это он вдохновил отца Рольфа Шененбергера к созданию гуманитарной организации «Триумф Сердца».

Папой, который, казалось, был очень болен и страдал. Я еще острее ощутила свое бессилие и ограниченность, но ведь я была там не ради себя.

Святейший Отец был явно тронут известием и дважды благословил меня, сказав: «Да благословит Бог ваш замысел». Эта поддержка дала мне возможность продолжать миссию в сердце Церкви с благословением преемника Петра и уверенностью, что Бог делает Свое дело. Итак, я вступила на путь, возврата с которого не было. «День без борьбы – потерянный день», – любил говорить наш основатель святой Ефрем, когда дела шли плохо. И во Франции я не теряла время. Этот день был годовщиной перенесения мощей Терезы с городского кладбища Лизьё в монастырь.

Миссия обрастает новыми потребностями

Время шло, задачи прояснялись; в частности, я поняла, что ни в чем не могу рассчитывать ни на поддержку поместной Церкви в России, полагавшую, что расходы берет на себя моя община, ни на общину, у которой, ясное дело, средств не было. Что касается санктуариев Лизьё, то они согласились доверить нам Терезу, но не обязаны были брать на себя расходы. Об этом мне сказали с самого начала. А тем временем у миссии появлялись все новые нужды: надо было издавать книги, печатать фотографии, брошюры, плюс самое путешествие, перемещения всех сопровождающих, а главное, становилось все более очевидно, что нам понадобится транспорт для перевозки реликвария, поскольку российские епархии не могли его предоставить. Я очень устала от всей этой ноши, и думала, что Тереза это прекрасно знает, так что если хочет поехать в Россию, пусть сама отыщет возможности!

Вскоре после этого, Тереза, которая не боится парадоксов и любит машины так же, как лифты, раздобыла для своего путешествия микроавтобус. Нас пригласили братья Жакары²³, организовавшие в Люксембурге встречу, посвященную Милосердию, чтобы мы рассказали о Терезе и России, и, как потом скажет монс. Ги Гоше, который тоже был приглашен, «мы не слишком понимали, зачем мы там». Тем не менее собрание было симпатичное, и я пригласила туда сестру Екатерину-Елизавету, поскольку нуждалась в ее молитвенной поддержке и присутствии. Мы поехали, не подозревая, что поезда в Бельгии и Люксембурге такие дорогие: нам пришлось купить только билеты в одну сторону, уповая, что у кого-нибудь из участников найдется место в машине, чтобы вернуться обратно.

«Ты могла бы воспользоваться этим, чтобы сказать, что тебе нужен транспорт», – прошептала мне на ухо сестра Екатерина-Елизавета в тот момент, когда я должна была

²³ Братья Пьер и Раймон Жакары родились во Франции в 1927 и 1931 гг. и оба стали священниками. Они исполняли свое служение во многих странах, главным образом ухаживая за больными.

8взять слово. «Ой, нет! – ответила я, – Терезе известно, что нам нужно, пусть она все и устраивает, а я об этом говорить не стану». И ни словом об этом не упомянула.

Доказательство того, что Тереза хочет поехать в Россию

На трапезе после встречи Екатерина-Елизавета оказалась за столом рядом с очень простой и симпатичной на вид женщиной, которая непременно желала узнать, в чем мы нуждаемся, и задавала много вопросов. Поговорили обо всем – о книгах, фотографиях, кассетах... Наконец Екатерина-Елизавета вскользь сказала, что нам нужен транспорт, чтобы перевозить мощи. При этих словах женщина даже подскочила: «Ах, это я вам дам! Вот будет доказательство, что Тереза хочет ехать в Россию!» Оказалось, что она возглавляла молитвенную группу внутри Европейского Парламента и хотела сделать все, чтобы помочь нам с транспортом. Мысль о том, что Европейский парламент может предоставить автобус для перевозки реликвария по России, нас очень обрадовала, но, думала я, поживем-увидим.

Как бы то ни было, братья Жакары преподали нам ясный, убедительный и трогательный урок упования на Промысел Божий, высыпав на скатерть стола в трапезной все содержимое картонной коробочки, куда во время встречи опускали пожертвования. Нам казалось, что мы в гостях у дядюшки Пиксу*, было забавно складывать монеты и купюры в стопочки и столбики: бельгийские, швейцарские, французские франки, немецкие марки, лиры – такая веселая неразбериха! Они методично поменяли их по тогдашнему курсу и до последнего сантима отдали нам плоды своих трудов. Благодаря этому мы смогли оплатить свой обратный билет, начать новый этап своего пути, воспевая: Аллилуйя!

Сомнения

Несмотря ни на что, когда я вернулась в свое уединенное жилище в Майенне, меня начали грызть сомнения по поводу будущей миссии: «Все это иллюзия, – думала я, – я сама себе ее придумала, все держится на волоске, и достаточно моего промедления, чтобы ничего не произошло, поскольку я – связующее звено». К тому же о транспорте у меня не было никаких новостей, а я уже должна была возвращаться в Россию. Именно в тот момент я открыла свою почту: меня ждал чек «на покупку транспортного средства для перевозки мощей Терезы в России», как гласили несколько слов, сопровождавших чек. Теперь нам

* Французский анимационный аналог Скруджа Макдональда.

было на что купить хороший микроавтобус. Я передала его брату Жану Раймону из нашей общины, обладавшему практическим умом, и попросила найти что-то подходящее, а сама отправилась в Париж и оттуда самолетом в Москву.

«Очень мило, – говорила я утром Мариэль Бодуэн, провожавшей меня в аэропорт, поскольку никак не могла еще выйти из своего отупения, – но ведь автобус будет куплен здесь, а нужен он мне в России. Кто захочет проделать такой путь? Где найти такого человека? Нужна виза, документы». Она прямо-таки подскочила на сиденье: «Ой, об этом я поговорю с Франсисом, он доставит тебе твой автобус: мы всегда мечтали побывать в России». Она усыновила пятерых детей с разных континентов, помогала многим матерям-одиночкам, и дом ее был настоящим приютом, напоминавшим гудящий улей, так что она была последним человеком, которого я попросила бы о такого рода услуге. Но именно она ее оказала! С этого дня пути назад уже точно не было: бороться с Терезой было невозможно.

Наконец мы едем в Россию

Во вторник 23 февраля 1999 года, ранним дождливым утром, Тереза покинула Лизьё. В конце Мессы, которую служил монс. Ги Гоше, открыли большие ворота в сад, и Тереза в микроавтобусе выехала из монастыря без труб и литавр.

В аэропорт она приехала раньше нас, словно спеша отправиться на миссию. Мы присоединились к ней на следующий день в Руасси. Добрались мы пока без историй. С нами была Сильви Бюиссе, которой предстояло петь песни Терезы, и отец Эрик Юон де Кермадек, генеральный модератор общины Марии – Непорочной Царицы Вселенной.

Они сопровождали миссию в Москве и области и в Санкт-Петербурге. Литургические чтения того дня звучали как настоящее отправление на миссию: «Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напоет землю и делает ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, — так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис 55). А Евангелие – молитва Господня. Целая программа!

С петербургскими семинаристами

Из Москвы в Санкт-Петербург

Среда 24 февраля – суббота 27 февраля 1999 г.

Приезд в Россию инкогнито

Запланированный нами маршрут должен был начинаться с Санкт-Петербурга, но Тереза, видимо, решила иначе. Поскольку реликварий не проходил через слишком узкие двери самолетов, обслуживавших аэропорт Санкт-Петербурга, мы были вынуждены в последний момент изменить свои планы и высадиться в Москве-Шереметьеве в среду 24 февраля в восемь часов вечера, прибыв таким образом в Россию инкогнито.

Старый друг посольства Франции Тереза де Боллардые терпеливо и непреклонно ожидала нас там в сопровождении Марии Терезы, жены посла Гватемалы и еще одной Терезы, жены посла Бразилии. Благодаря дипломатическим паспортам три Терезы прошли через таможенные барьеры, поскольку хотели помочь нам в наших хлопотах. Снаружи нас ждали сестра Кристель²⁴, Франсис и Мариэль Бодуэн и сестра Сара (из общины Блаженств), приехавшие из Франции на том самом подаренном нам микроавтобусе. Отцы Игорь Ковалевский и Андрей Стецкевич из московской епархии приехали в аэропорт встречать мощи от имени епископа. Отец Игорь, один из первых русских священников, рукоположенных в Католической церкви, хотел непременно постараться вынести наш драгоценный груз в тот же вечер, несмотря на поздний час. Однако потом операция потребовала трехдневных формальностей: ведь речь шла о человеческих костях! Вся наша небольшая группа направилась в дальние таможенные ангары, чтобы встретить Терезу.

Служащие спешно мобилизовались, чтобы принять столь исключительную гостью, и это дало отцу Игорю возможность немножко заняться евангелизацией таможенников. Впрочем, «первым евангелизированным» был сам отец Игорь, который сначала принял эту миссию, возложенную на него епископом, без особого воодушевления, зато потом мы видели, как он выходил из таможенного офиса с радостным восклицанием: «Прямо хочется в разгар Великого Поста запеть Аллилуйя!». И мы не отказали себе в этой радости...

На самом деле таможенники, заинтригованные столь драгоценным реликварием, задавали много вопросов. Их впечатлило, какое почитание воздается совсем юной, так рано умершей девушке, лицо которой их заорожило.

- От чего она умерла?
- От туберкулеза.
- Тогда надо вызвать ветеринара.

Дело начиналось плохо! Однако в нашем микроавтобусе очень кстати оказались несколько экземпляров «Истории одной жизни» и фотографии Терезы, только что полученные из типографии, и отец Игорь подарил их таможенникам. Он был тронут, хотя

²⁴ Сестра Кристель – молодая сестра из общины Блаженств, которую община освободила от прежних послушаний, чтобы она помогала мне в этой миссии. Поскольку она говорила по-русски, она оказалась драгоценным помощником и переводчиком, вдобавок в Москве она присоединилась ко мне именно в тот момент, когда, уже имея книжки, брошюры, фотографии, постеры, кассеты с песнями на русском языке, мы встали перед вопросом: как их распространять в огромной стране, где ничего для этого не было организовано? Нам приходилось узнавать время отправления поездов нужных нам направлений, ехать на вокзал и ходить по вагонам в поисках человека, который за определенную сумму готов был взяться за это дело. Затем мы звонили в соответствующие приходы в Сибири, на Урале или в Казахстане, расстояние до которых измеряется несколькими днями езды в поезде (не говоря уже о разнице во времени), и сообщали им час прибытия поезда, номер вагона и имя «агента», у которого нужно было забрать материалы. И эта система хорошо сработала! Сестра Кристель проехала весь маршрут. Для многих из этих людей, отрезанных от всего, впервые видевших монахиню в облачении, она олицетворяла живое присутствие Терезы.

только что сердился на их присутствие в микроавтобусе, который должен был въехать в таможенную зону, чтобы загрузить реликварий.

Было уже за полночь, неясно было, чего ждать, небо было совершенно ясное, но вдруг крупными хлопьями пошел снег, и мы поняли, что дело выиграно. В самом деле, через несколько минут тяжелые решетки таможни открылись, и микроавтобус со своим драгоценным грузом выехал. Мария Тереза вытащила неизвестно откуда великолепный букет роз: какой праздник! Около таможни, под снегопадом, который усиливался, мы устроили что-то вроде плясок народа Израиля. Это нас согрело, потому что холод стоял ужасный. И на протяжении всего путешествия снег был как бы знаком от Терезы²⁵.

Таможенные разбирательства оказались непростыми, но Господь из всего извлекает благо. Поскольку нам не удалось заручиться протекцией Франции, пришлось проходить всеми обычными дипломатическими путями, то есть через нунциатуру и посольство России во Франции. Результатом этого стало неожиданное покровительство КГБ на всем протяжении нашего путешествия.

Патриарх Алексей II, как и митрополит Кирилл²⁶ были лично извещены апостольским Нунцием России, монс. Яном Буковским. Отец Рольф Шененбергер, и я поехали к нему с визитом. Хотя Нунцию еще не сообщили о проекте, который уже начал осуществляться, он принял нас с искренней теплотой. Он очень любил святую Терезу, был рад и обещал, что сам поговорит с Патриархом Алексием и даст ему понять, что в обмен мы могли бы организовать паломничество мощей святого Серафима во Франции²⁷.

«Это дело Католической церкви; спасибо, что предупредили, но нас это не касается», – таков был ответ Патриарха, дававший нам, впрочем, полную свободу действий.

Приезд в Москву был совершенной импровизацией; никто не предполагал, что Тереза явится так скоро. Все еще помнили о маленьких частицах мощей святых Петра и Павла, привезенных двумя годами раньше в тубике из-под аспирина и предназначенных для петербургской семинарии. Таможня хотела, чтобы их освидетельствовала ветеринарная служба, и после целого месяца бесплодных хлопот дон Бернардо Антонини²⁸, ректор семинарии, вынужден был отправить их обратно в Рим, чтобы они не пострадали.

²⁵ Тереза очень любила снег; она всей душой желала, чтобы он пошел в день ее облачения в Лизьё, 10 января 1889 года, и, выйдя после церемонии, увидела, что, вопреки всем ожиданиям двор монастыря был покрыт снегом (см. *Рукопись А*, 72).

²⁶ Нынешний Патриарх Кирилл тогда был митрополитом Смоленским и возглавлял отдел внутренних дел Патриархата.

²⁷ Эта часть проекта начала было обретать форму с согласия Патриархата, но мы последовали совету кардинала Люстиже, считавшего, что лучше от него отказаться. Дело в том, что в тот момент не было согласия между патриархатами, и он опасался подлить масла в огонь.

²⁸ Итальянский священник, глубоко духовный человек, основавший семинарию в 1993 году. Он отошел к Господу 27 марта 2002 года и был причислен к лику блаженных.

Что же говорить о Терезе и ее реликварии из бразильского дерева, весившем 140 кг? Итак, забрав свой драгоценный груз, мы отправились в Москву, направляемые отцами Игорем и Андреем, очень хотевшими, чтобы первую свою ночь в России Тереза провела в соборе Непорочного Зачатия. Но Тереза была патриотичной маленькой француженкой, и решила по-своему. Мы свернули на Лубянку, к храму Святого Людовика Французского, но было уже очень поздно, храм был закрыт, и телефоны не отвечали.

Тогда к великой радости отцов мы все же направились к собору, но – ученик не больше учителя! – там тоже не оказалось места, калитка была закрыта, и собор, который с недавнего времени активно восстанавливался, охраняла только собака²⁹. Нам стоило большого труда пробудить сторожа от глубокого сна, которому он предавался в глубине своего строительного вагончика. Храм был закрыт. Неужели Терезе придется провести ночь на улице, в грязи строительной площадки, под охраной собаки? Невозможно! Тереза де Боллардье предложила для маленькой изысканной француженки французское посольство, а Мария Тереза настаивала на посольстве Гватемалы. Дело в том, что у нее были свои интенции, в которых она молилась уже долгое время: она хотела, чтобы хотя бы один из ее пятерых сыновей стал священником. Желание Марии Терезы – закон, противостоять ей трудно, а Тереза действительно гран-дама! Поэтому свою первую ночь в России она провела в посольстве Гватемалы. Они взялись перевезти ее через несколько часов в храм Святого Людовика, к первой Мессе. Мария Тереза была счастлива.

Когда мы наконец вернулись, было два часа ночи. И все-таки я позвонила отцу Рольфу сказать, что Тереза здесь, и чтобы понять, как организовать дальше. Мы договорились встретиться на следующий день на Мессе, которую в девять часов утра должен был служить монс. Кондрусевич, в полдень надолго уезжавший за границу и желавший непременно встретиться с Терезой в России.

Во время пения *Sanctus* 'а Тереза «выходит из пеленок»

На следующий день, в четверг 25 февраля, как было решено, Алехандро, один из сыновей Марии Терезы к восьми часам (к первой Мессе на латинском языке) отвез реликварий в храм Святого Людовика. Но «где сестра Тамара, у которой ключи от деревянного ящика, в котором находится реликварий?». Никто не знает, и Месса отслужена

²⁹ Собор Непорочного Зачатия, построенный между 1901 и 1922 гг. для польской католической общины в 1930 г., был конфискован и разделен на пять этажей для разных административных помещений. В 1993 году Церкви была возвращена крипта. Именно там Терезу приняли во время проезда через Москву по пути обратно из Санкт-Петербурга.

перед закрытым ящиком. Однако это дало возможность настоятелю прихода отцу Бернару Ле Леаннеку произнести прекрасную проповедь с призывом: отворить свои сердца Божественному присутствию, подобно этому ящику. Начинается следующая, девятичасовая Месса, а сестры Тамары все нет! Монс. Тадеуш нервничает: он провел часть ночи в таможенных инстанциях, через несколько часов он должен уехать из Москвы, и он спешит увидеть ту, что причинила ему столько хлопот; а до нее все не добраться...

Перед самым освящением Даров, во время *Sanctus*'а отец Андрей, неспособный выносить ожидание, по просьбе епископа предпринял какой-то маневр, и ящик, закрытый на двойной поворот ключа, вдруг с удивительной легкостью сам открылся. Тереза «вышла из пеленок» и явилась перед всеми! Удивительно,хватило трех детей из хора, чтобы без усилия перенести ее реликвиарий (весивший 140 кг!): так она, казалось, спешила встретиться с людьми и начать свой путь по территории, отданной под ее покровительство. Текст Евангелия дня гласил: «Просите, и получите» (Ин 16: 24).

Все это время сестра Тамара на другом конце города была парализована из-за целого ряда неурядиц, так что смогла приехать только к концу Мессы. Она нашла сестру Кристель в слезах: ну что случилось? Однако Тереза уже была там во всей красе, ее присутствие наполняло храм, набитый людьми: сарафанное радио сработало как надо. Вместе с сестрой Кристель мы подошли к ней, и все последовали за нами. Приехал отец Рольф, и порядок был восстановлен. Мария Тереза пришла в сопровождении своей подруги Терезы бразильской, которая принесла охапку красных роз и попросила взять их с собой и Терезой в Санкт-Петербург, а потом послать в Бразилию, потому что должна была спешно туда вернуться.

Добровольный узник отец Игорь провел день в решении таможенных формальностей. Епископ, уехавший в страшной спешке, прибыл в аэропорт с опозданием на пятнадцать минут, и изрядно понервничал, прежде чем узнал, что его самолет отправится с опозданием, только в девять вечера. Ему пришлось провести день в аэропорту, и потом он говорил: «С приездом Терезы лукавый как будто пытался все испортить, но безуспешно!» И правда, недоразумения, помехи и препятствия следовали одно за другим. После всех переживаний отец Бернар Ле Леаннек пригласил нас позавтракать, за что мы были очень признательны. Он со своей стороны активно готовил официальный приезд Терезы в свой храм, который состоялся только 13 марта, после возвращения из Санкт-Петербурга, и был очень доволен, что волею судеб ее первые шаги в России были сделаны в храме Святого Людовика Французского. Ведь этот известный храм, который курировали Ассомпционисты, расположенный в самом центре Москвы, на печально известной Лубянке, был французской территорией.

Потом мы поехали к отцу Рольфу в «Дом Марии» – в центр милосердия, основанный им в рамках ассоциации «Триумф Сердца», которую он возглавлял.

Отец Рольф, с которым мы задумывали всю эту миссию, был большим поклонником Терезы; она была его духовной сестрой в апостольстве и священстве. Впоследствии он свидетельствовал:

Когда я впервые встретил сестру Тамару, она подошла ко мне и сказала: «Ты должен помочь мне принять Терезу в России». Я был слегка озадачен и спрашивал себя: «Откуда она знает о моей любви к Терезе?» Однако это была отличная возможность сделать что-то для Терезы, ведь я всегда говорил ей: «Я готов даже ехать рассказывать о тебе в России, если нужно», раз она – покровительница миссий, а Святой Отец провозгласил ее еще и второй покровительницей России. Чувствуя, что Тереза может оказаться действенным средством, которое поможет привести сердца русских людей к Сердцу Божией Матери, я понимал, что Господь дал нам в руки духовное оружие. Я глубоко убежден, что среди средств, которые Бог нам дает, – святые и мученики, и именно от них мы ожидаем всего, поскольку Россия возродится только тогда, когда вновь обретет свои духовные основания.

Там, в небольшой капелле для постоянного поклонения Дарам, была совершена чудесная благодарственная Месса.

На вечернем бдении в храме Святого Людовика волшебный голос Сильви Бюиссе пел песни Терезы, и ее присутствие было живым, почти осязаемым. Было много молитв и слез; люди, которые собрались, несмотря на неофициальность визита, были глубоко взволнованы, долго не расходились. Все конфессии молились вместе: одни крестились справа налево, другие слева направо, но все с равным пылом пришли почтить Терезу.

За месяц до приезда мощей, – рассказывала потом Мария Тереза, – я сказала Терезе: «Пожалуйста, приезжай в Россию и сделай нам много духовных подарков». Я не была знакома с Терезой де Боллардье, и когда мне сообщили, что «она едет в аэропорт встречать сестру Тамару», я позвонила ей и сказала: «Мы с тобой не знакомы, но давай поедem вместе». Утром я пошла на рынок, чтобы купить охапку роз (лепестки этих роз я сохранила до сих пор). Весь день я их бережно хранила, а когда Тереза ночью приехала ко мне домой, я не могла заснуть и все повторяла ей: «Ты, должно быть, хочешь сделать мне большой подарок, раз приехала сюда!» На следующее утро я сопровождала святую Терезу в храм Святого Людовика: она должна сначала была отправиться туда. Отец Бернар звонил в церковные колокола, и слышать это посреди недели было очень странно. Но праздник был большой.

Первую в России Мессу служил священник-француз, ко второй Мессе приехал епископ и открыл защитный футляр реликвария.

Мессы на всех языках следовали одна за другой, после каждой следовало длительное почитание мощей. Благодать ощущалась все так же сильно. Люди были тронуты, молились, плакали. Потом Тереза покинула храм Святого Людовика, чтобы отправиться в Дом Марии – дом для бедных, где она до полуночи стояла в помещении благотворительной столовой, организованной ассоциацией «Триумф Сердца».

В зале, набитом битком, отцы Рольф и Эрик служили Мессу, окруженные бедняками, постоянными посетителями центра. Месса продолжилась безмолвным поклонением.

Мария Тереза сообщила, что она и ее муж Альфонсо решили ехать с нами в Петербург на дипломатической машине и составить нам эскорт, чтобы нас не останавливала дорожная полиция, или не случились еще какие-нибудь неприятности. В то время путешествовать в одиночку было опасно, они боялись за нас и за Терезу. Можно представить, с какой радостью мы приняли их предложение.

Четыре дополнительных исповедника в Санкт-Петербурге

В субботу 27 февраля мы покинули Москву, чтобы вернуться к первоначально задуманной программе. Было четыре часа утра и совершенно темно, когда мы выехали из Дома Марии в сопровождении машины посла Гватемалы.

Сначала мы объехали Москву, чтобы Тереза могла благословить город и его обитателей. Начали с безмолвного стояния «у стола грешника»* – перед мавзолеем Ленина на Красной Площади. Пустили нас туда благодаря бело-голубому флагу посольства, но охранники Кремля не спускали с нас беспокойных взглядов.

Шел густой снег.

Затем Кремль, Лубянка, большие отели, квартал дипломатов и посольств, здания ФСБ, резиденция Патриарха... Мы пели, а снег шел все сильнее.

Потом выехали из Москвы, и снегопад прекратился, вдруг прояснилось. Отец Рольф вел микроавтобус: он решил проводить нас в Санкт-Петербург. В полдень посол вдруг остановился. Что такое, неполадки с машиной? Нет, для молитвы «Ангел Господень»! Дорога была хорошая, светило солнце, и в петербургскую семинарию мы приехали вовремя. Но как только приехали, снова начался сильный снегопад, хотя весь день небо

* Это выражение самой Терезы.

было ясным. На входе в храм семинарии «Мария – Царица Апостолов» (он же был входом в банк) Терезу встретили ректор дон Бернардо Антонини и вице-ректор отец Пьер Дюмулен. Момент, когда семинаристы вносили реликварий в храм, был очень трогательным; казалось, что речь идет о живом человеке, которому рады и которого ждали. Мессу сослужили все священники региона, с ними рядом – человек пятьдесят семинаристов. Людей собралось очень много. Сильви, в то же утро приехавшая из Москвы с Франсисом и Мариэль, полдня работала с органистом Сергеем Зуевым³⁰, и теперь ее голос, возносившийся под своды храма, наполнял все пространство и трогал души. В церкви собралось около 400 человек; молитвы и песнопения сменяли друг друга, царила удивительная атмосфера какого-то общего духовного порыва, люди испытывали душевное потрясение, плакали, исповедовались... Все священники-преподаватели семинарии тоже были потрясены: ведь именно они оказались первыми свидетелями чудес, происходивших в сердцах, – прежде всего, в сердцах их семинаристов, которые уже говорили о Терезе как о близком друге. Сами семинаристы признавались потом отцу Пьеру Дюмулену: «Вы как будто парили на 30 сантиметров над полом!»

Отец Пьер пообещал, что повсюду, куда будут привозить ее мощи, он будет исповедовать до полуночи. И он не только сдержал обещание, но вынужден было позвать на помощь еще четырех исповедников, так много народу хотело приступить к исповеди.

Незадолго до приезда Терезы в Россию ему позвонили из петербургского ФСБ и сказали: «Вам предстоит принять очень важное лицо – некую Терезу, которая прибудет самолетом из Франции, и мы хотели бы знать, кто ее сопровождает». Он объяснил, что речь идет о мощах, но они ничего не поняли. «Это кости, – сказал он, – человеческие кости!». Они повесили трубку.

Через двадцать минут снова звонок: «Это ветеринарная служба. Нам нужно сделать анализ». Долгие препирательства. Теперь мы понимаем, почему Тереза изменила программу и к счастью для себя приземлилась в Москве!

Исповеди

Отец Пьер был непосредственным свидетелем многочисленных чудес во время исповеди. Особенно его поразила женщина, которая пришла в слезах, чтобы признаться, что выдала одного священника, погибшего по ее вине в лагере. Еще он принял целую семью: сначала мать, потом отца. Они были подавлены: два года назад их дочь ушла из

³⁰ Он был семинаристом, и Тереза утвердила его в призвании. Теперь он настоятель прихода в г. Владимире.

дома, отказавшись от веры. Пьер попросил: «Дайте ей как-нибудь знать, что Тереза ее ждет». «Что Вы, это невозможно, она не придет». На следующий день в полночь, когда он уже собирался уходить из исповедальни, дочь вдруг появилась в церкви, и через решетки отец Пьер видел, что собралась вся семья, все обнимались и мирились друг с другом.

Никто не хотел уходить, но все-таки храм надо было закрывать. Что до нас, то было уже очень поздно, мы были страшно голодны, семинарский паек был скудным, и в столь поздний час нас пригласили к себе друзья из общины Эмманюэль, Патрик и Мариза Упер. Во время нашего пребывания в Санкт-Петербурге они проявили себя как истинная христианская семья, и мы отметили у них 34-летие отца Эрика, выпив, как полагается в России, немножко водки.

На следующий день мы разделили воскресную трапезу с семинаристами и отцами Бернардо, Пьером, Уильямом, Георгием Фридманом – свидетелями многочисленных благодатных даров, особенно во время исповедей. Альфонсо предложил благословить Санкт-Петербург, и мы отправились объезжать город с малым реликварием Терезы, дерзнув перейти пешком замерзшую Неву, чтобы потом узнать, что в периоды оттепели это, оказывается, очень опасно. И правда: на следующий день река тронулась, и по течению поплыли огромные льдины. Мы успели в последний момент.

Вечер, большое бдение около Терезы. Сильви поет на французском, Елена – на русском, Сергей играет на органе, Виктор – семинарист, которого Тереза тоже утвердила в призвании к священству, – на скрипке, священники исповедуют, люди молятся и плачут. Как и вчера, церковь полна до отказа, в стороне, посреди группы молодежи молодой доминиканец отец Войцех призывает к святости жизни. Никому не хочется уходить. Сестры матери Терезы пришли со своими бездомными, которые кажутся очень растроганными и не замечают, как проходит время. «Елки-палки, не даете спокойно помолиться!» – возмущается Владимир, больше привыкший к водке, чем к святой воде, одна из сестер в час ночи пытается его растормошить, думая, что он заснул...

Отец Рольф и община Семьи Марии нас покидают, они должны ехать в другой приход с малым реликварием. Отец Рольф тоже потрясен исповедями. Франсис и Мариэль со слезами уезжают во Францию. Альфонсо намеревается организовать приезд Терезы в Гватемалу и предлагает дипломатическими путями помочь нам провезти ее через Москву на праздник святых Петра и Павла после миссии в Казахстане. Так оно и будет.

Отец Георгий и Санкт-Петербургские изгои

У нас состоялась прекрасная встреча с отцом Георгием Фридманом, священником двух обрядов, греко-католического вероисповедания, преподававшим в семинарии. Его жена Валентина приготовила для нас русскую закуску: чай, бутерброды с икрой, пирожные с кремом... С удивительной простотой, артистизмом и юмором он рассказал нам о своей жизни петербургского джаз-музыканта, еврея, атеиста и отчаявшегося человека, которого крещение чудесным образом исцелило от глубокой депрессии, едва не приведшей его к смерти, и тайно рукоположенного в Греко-католической церкви. Сколько причин для его преследования! Когда мы познакомились с ним двумя годами раньше, он еще принадлежал к подпольной Церкви и жил Бог знает в каких условиях в сырой квартире на берегу Невы. Мы воспользовались своим знакомством с дном Бернардо и отцом Пьером, которые занялись тем, чтобы как-то урегулировать в Риме его положение. С тех пор он преподает в семинарии, где его очень любят, и участвует в радиопередачах, когда не окормляет изгоев общества – на улицах, в метро, в больницах. Его жизнь – настоящий роман, и он рассказывает о ней без всякой тени обиды или горечи. Когда же он говорит о Терезе, его лицо светлеет: она перевернула его жизнь, это давняя история. Он показывает «Историю одной души», которую в годы гонений тайно переписал своим прекрасным почерком и переплел в кожу. У него была целая библиотека, тоже собранная тайно. Для него присутствие Терезы в этом городе, который так долго был закрыт, – неожиданное и огромное событие, важность которого нам, вероятно, трудно оценить сполна.

О. Георгий Фридман

Мы предложили ему пойти вместе с ним и Терезой в больницу, в хоспис, где он нес прекрасное служение, духовно окормляя умирающих.

Минуты, когда мы видели его исполняющим это служение, незабываемы. В каждой палате, в которой стояло несколько кроватей, мы начинали с призывания Святого Духа; потом отец Георгий окроплял палату и лично приветствовал каждого из больных. Он предлагал им таинство примирения, и некоторых приходилось для этого выводить из полукоматозного состояния, энергично тормоша. Начиналось долгое перечисление грехов, которые они могли совершить за жизнь (для некоторых это была первая исповедь). При каждом кивке, выражавшем согласие, он просил: «Повторяй: “Господи, помилуй”». Потом – отпущение, причастие и соборование. После этого мы немного пообщались с каждым лично, попели, дали им возможность приложиться к мощам Терезы, что они сделали с большой любовью, и оставили фотографии, оживившие печальные облупившиеся стены их палаты. Тереза могла идти продолжать свою работу дальше.

Приход святого Станислава

Когда мы вернулись, семинаристы устроили Терезе, которую приняли как сестру и покровительницу, очень трогательное прощание. Место, которое она занимала перед алтарем, опустело, и все уходило с чувством глубокой грусти. Тереза переезжала в польский приход святого Станислава³¹, в котором нас ждал отец Кшиштоф вместе с небольшой общиной сестер Шенштадтских. Храм был полон. Три дня мессы и бдения сменяли друг друга, а возглавляли их все общины по очереди (францисканцы, салезианцы, кларетины), с которыми у нас были долгие беседы. Им тоже приезд Терезы в приход, возвращенный всего три года назад, казался настоящим чудом. Люди изумлялись: «Тереза здесь! Такое бывает раз в жизни, но это на всю жизнь».

Семинаристы-салезианцы пригласили нас к себе: Тереза много работала с духовенством и очень об этом заботилась.

В это время, благодаря малым «реликвариям, которые мы взяли у кармелиток Лизьё, она «раздвоилась», чтобы посетить бездомных – подопечных Сестер матери Терезы. Мы молились и пели вместе с самыми больными в их комнатах. Там мы встретились с Еленой. Она была дочерью генерала белой армии и последние семнадцать лет прожила на улице, в жилье из коробок, скорчившись от холода и страха. Когда сестры ее нашли, она была совершенно задеревеневшая, не могла разогнуться и кричала от боли. Когда приехала

³¹ Большинство его прихожан было арестовано в 1931 году, около пятидесяти депортировано. Храм был превращен в склад. В 1955 его открыли, в 1961 снова закрыли, а настоятеля отправили в лагерь. В храме устроили швейное ателье фабрики «Рот-Фронт». Здание было восстановлено в 80-е годы, чтобы стать модным салоном, где проходили показы мод.

Тереза, у нас возникло чувство какой-то особой сопричастности между нею и этими беднягами, которые в большинстве своем только теперь с ней познакомились и приняли с удивительным благоговением. Мы пели и для них. На следующий день все бездомные были на Мессе и подпевали в два хора своими охрипшими голосами (зимняя улица не щадит связок). Все они уцелели чудом, и не было никого, чье тело не пострадало бы. Однорукие, одноногие или совсем безногие, прокуренные и испитые, – но их лица вдруг обрели выражение невинного детского восхищения. Было видно, что они испытывают умиротворение. Когда Сильви пела, это были поистине райские минуты.

В хосписе

Вечером юный францисканец Иринея сделал нам приятный сюрприз, пригласив к себе в монастырь, который раньше был женским православным монастырем, потом заводом, потом складом. Восстанавливали они его своими руками. Предпочтение отдавали бедным, которых принимали в своей чистенькой столовой: каждый день при содействии организации «Каритас» там раздавали более трехсот обедов. Их стол тотчас оказался уставлен праздничными блюдами, которые братья приготовили сами с чисто францисканской простотой и радостью. Сильви пела песни Терезы под сопровождение гитары братьев, к их великой радости. Рядом с Терезой и святым Франциском мы пережили минуты удивительного единодушия, подлинного общения святых, и решили свозить Терезу для своего рода молитвы-вызова на Пискаревское кладбище – огромный мемориал, созданный в память жертв ленинградской блокады.

И вот мы в пути, во главе с отцом Эриком. Души погибших, видимо, нуждались в некоторых жертвах: путь оказался более долгим, чем мы рассчитывали, и очень малолюдным в это время года; почти три четверти часа нам понадобилось пробиваться пешком по густому снегу, в котором мы иногда тонули по колена, прежде чем мы добрались до кладбища. Выглядело оно удручающе: ряды засыпанных снегом квадратных братских могил, голых, без имен и крестов, без всякого знака надежды... Только посреди мемориала, у подножия огромной статуи, поставленной в память народных героев, горел огонь. И все это – под густым снегопадом, под воронье карканье, усугублявшее мрачную картину. После общего благословения кладбища у подножия статуи мы обратились к Марии – Непорочной Царице Мира и начали молиться об избавлении всех этих душ. Потом вернулись обратно, чтобы ехать в приход Святейшего Сердца. Вместе с нами в микроавтобус набились семинаристы, довольные, что могут опять сопровождать свою святую, но поскольку они больше привыкли ездить на метро, проводники из них оказались плохие. Мы заблудились,

и проехав немалый кусок по Санкт-Петербургу (к общей радости), наконец приехали с часовым опозданием. Нас ожидали с большим нетерпением.

Приход Святейшего Сердца³² находится в отдаленном и очень бедном районе города. Это африканский франкоязычный приход, так что публика была довольно пестрая. Отец Пьер Дюмулен служил Мессу, на этот раз на французском языке, и песням Терезы подпевали с большим воодушевлением. Сильви пела, и вдруг мы увидели только что прибывшую из Франции Доминик Лефевр – фотографа *Feu et Lumiere*, с камерой и фотоаппаратом в руке. Сам храм – красивое неоготическое здание из красного кирпича. Но ему возвращены только помещения под самым сводом и несколько комнат на первом этаже, где расположились офисы «Каритаса» и где нам по случаю предоставили... зал Ленина.

Однако вход в этот зал оказался слишком узким, и рака в него не проходила, так что в конце концов ее пришлось поставить в небольшой нише коридора «Каритаса», посреди толпы собравшихся вокруг бедняков района. К мощам выстроилась длинная очередь, и бдения вокруг Терезы продолжались до глубокой ночи.

Одна молодая африканка-протестантка, больная туберкулезом костей, который к тому времени еще никто не диагностировал, ужасно мучившаяся, приехала на носилках из больницы, чтобы приложиться к мощам Терезы, в сопровождении своего мужа, страдавшего от злокачественной опухоли мозга. В замкнутом пространстве набитого людьми коридора ей стало плохо, и нам пришлось отнести ее в офис «Каритаса». Ей принесли небольшую частицу мошей, и она приложила ее к сердцу, пока все остальные молились о ней в коридоре. На следующий день врачам удалось определить, чем она больна, и она смогла получить медицинскую помощь. А ее муж почувствовал, что ему пора обратиться и венчаться с ней в церкви. С тех пор она всегда носила с собой фотографию Терезы. Спустя какое-то время вся семья присоединилась к Католической церкви.

Мы были свидетелями многих щемящих сцен: люди приходили к Терезе как к живому человеку, и, расставаясь, нам приходилось буквально отрываться от них. Отец Эрик уехал рассказывать о Терезе во францисканский приход в Калуге, а мы повезли ее на Смоленское кладбище, на могилу блаженной Ксении. Эта юродивая во Христе, двадцать лет прожившая в совершенном достатке, после смерти мужа, умершего внезапно, не исповедовавшись, и которого она очень любила, по велению Святого Духа раздала все свое имущество беднякам и ушла жить на улицу, одевшись в его военную форму и приняв его имя вместо своего, чтобы искупить его. Так она прожила так сорок пять лет. Предав душу

³² Храм был освящен в 1917 году, после Февральской революции, и колокольню построить так и не удалось. В июле 1936 года он очень сильно пострадал от пожара, устроенного явно намеренно, и 23 мая 1937 года был закрыт для богослужений. Здание было отдано под комбинат и полностью перестроено изнутри: его разделили на четыре этажа и на каждом разместили конторы и подсобные помещения.

и сердце Святому Духу, ночами она молилась на Смоленском кладбище о возведении там храма, посвященного Божией Матери. После ее смерти в 1806 году очень скоро стали происходить чудеса. Приехав в небольшую часовню, где покоятся ее мощи, в конце молебна, мы удостоились помазания елеем.

Потом сходили помолиться на могилу сорока монахов и священников, заживо похороненных в этом месте в сталинские времена. Там произошла удивительная встреча с Тамарой – маленькой старушкой с лучезарным лицом и взглядом. Она повела нас к источнику Спасителя, у которого часто бывала Ксения. До революции это был живой источник, но, когда на месте кладбища, где были похоронены многие святые, построили завод, он пересох. Мы подарили ей книжку Терезы, которую она приняла с умилением, растроганная лицом Терезы, и, прощаясь, сказала: «Вы молитесь, это чувствуется: в вас есть радость, которая идет прямо в душу. Продолжайте молиться».

Приход Лурдской Божией Матери

После этого Терезу перевезли в приход Лурдской Божией Матери³³, где Мессу служил францисканец и настоятель прихода отец Павел. Его молодой викарий, отец Дмитрий, принимал исповеди, как и все священники, оказавшиеся там по случаю. Тереза освобождала сердца. Люди, большинство которых никогда не ступали за порог этого храма, приходили, движимые настоятельной потребностью исповедоваться. Священники – служители таинств – оказались первыми, кто был глубоко тронут и потрясен.

Приход Лурдской Божией Матери – самый большой католический приход европейской России. Именно там совершается большинство крещений, отпеваний и т.д. Только он (и храм Святого Людовика в Москве) был открыт в эпоху гонений. Его реставрировали ввиду официального визита генерала де Голля в Советскую Россию в июне 1966 года. Дело в том, что условием своего приезда де Голль поставил возможность ежедневно посещать Мессу. Ради этого он даже изменил распорядок дня, что вызвало некоторое смятение в официальных делегациях обеих сторон.

В 1967 году помощник настоятеля о. Ян Буткевич был приговорен к семи годам лагерей: видимо, в благодарность за то, что не согласился сотрудничать с КГБ.

³³ Храм был построен в 1909 году для французской католической общины, в то время многочисленной (она насчитывала около 1500 верных). В 20-е годы их осталось не больше сотни: это были французы, слишком старые или слишком бедные, чтобы вернуться во Францию, и несколько поляков. После смерти Сталина один епископ из Риги приехал в храм миропомазать пятьсот человек. На исповедь пришло пять тысяч... В 1963 году детям до шестнадцати лет было запрещено участвовать в религиозных церемониях.

Храм был набит битком. Рядом с реликварием повесили большой образ Терезы и поставили огромный букет роз³⁴. Все те же сцены духовного обновления; верующие всех конфессий приходили к Терезе и выражали свое почитание самым спонтанным образом и с большой верой. Один юноша с особым развитием никак не мог оторваться от Терезы, разговаривал с ней и со своей пронзающей душу простотой приглашал других к тому же. Бдение проводили отец Пьер Дюмулен и семинаристы. Сергей снова играл на органе, Сильви пела, исповедальни были полны. Все та же атмосфера молитвы, люди, чьи лица отмечены печатью страдания, с благодарностью подходили к Терезе. Бдение закончилось поздно ночью.

У Романовых

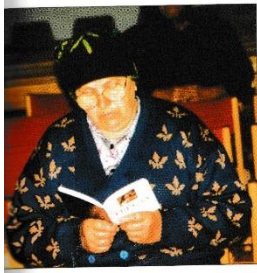
Затем мы вместе с Терезой поехали в сердце Петропавловской крепости, долгое время служившей тюрьмой с ужасными сырыми камерами, расположенными на уровне невской воды. Узники не выживали там долго. Именно там Петр Великий заточил своего сына, прежде чем казнить его. В Петропавловском соборе, в центре крепости, теперь находились могилы всех царей, в том числе туда перенесли останки семьи Романовых. Мы долго молились там за Россию с ее кровавой судьбой, и уехали с чувством странной и трудно объяснимой тяжести.

Салезианцы пригласили нас на братскую встречу и беседу с семинаристами, которые приехали из всех республик бывшего СССР. Их очень интересовала история этого проекта паломничества мощей Терезы по России. Для них это было исключительное событие, а у нас уже были «цветочки», которые можно было им рассказать. Публика молодая и веселая. Они предложили сходить посмотреть на крейсер «Аврора», стоящий на Неве в конце улицы, на которой они жили.

³⁴ Которые стоили очень дорого, и которые приносили чаще всего очень бедные люди.

*В реконструируемом московском храме Непорочного Зачатия
(20 марта 1999 года)*

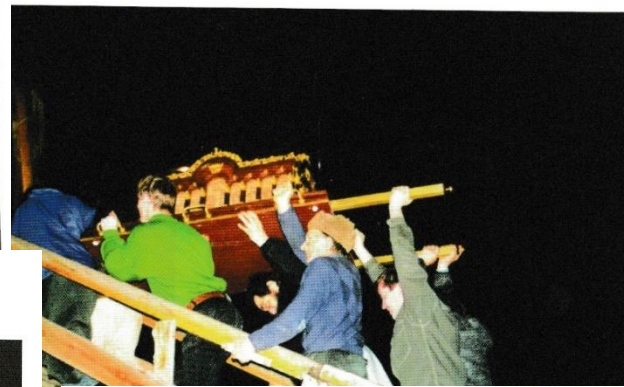
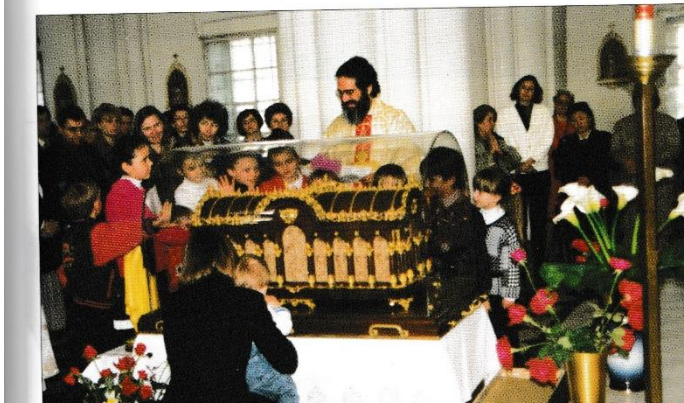

singeries »
Thérèse

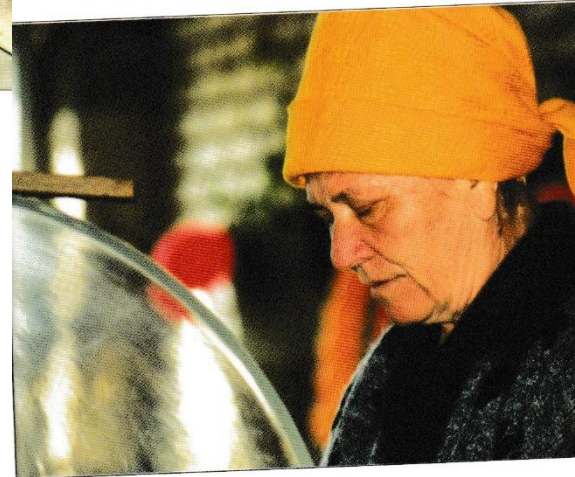
Les livrets de *l'Histoire d'une âme* et la biographie par Mgr Guy Gaucher connaissent un grand succès.

Moscou, 26 février

À Tomsk le 20 avril

Tcharsk 10 mai

À proximité du Lac Baïkal

Западная Россия

С субботы 27 февраля до воскресенья 21 марта 1999 г.

Семинаристы с грустью смотрели, как мы уезжаем, чтобы Тереза могла продолжать свой путь. Как прощальный подарок небольшой хор семинаристов приготовил для нас традиционное песнопение, с которым провожают в путь: «Многая лета!» Многим хотелось бы поехать с нами, они вымыли микроавтобус, приготовили нам в дорогу сухой паек и всерьез намеревались приехать повидаться с Терезой летом в Лизьё. Их сердце было покорено. Мы отправились из Петербурга в Новгород.

Новгород

Проделав больше 200 километров по плохой дороге, мы приехали в Новгород к Мессе в церкви святых Петра и Павла³⁵, в которой Терезу ждали с большим нетерпением. Один приходской художник написал огромный портрет Терезы. У входа отец Мирослав вдохновенно запел песню на стихи Терезы «Твой Лик – отчизна моя» (по-русски), который стал гимном прихода. Он родился в приходе святой Терезы в Польше, где ее очень полюбили. Ему помогал наш органист Сергей из петербургской семинарии, который проходил там практику диакона и был рукоположен на Пятидесятницу в том же году. Он принадлежал к первому поколению русских семинаристов.

Францисканки-миссионерки Марии – Франсуаза (француженка), Данута (полька) и Тереза (каталонка) с удивительным радушием приняли нас в своей маленькой квартире. Они были счастливы, что к ним пришли, потому что эти небольшие общины часто чувствуют себя далекими и словно отрезанными от всего мира. Над Новгородом сияло солнце, и мы снова встретились в храме для молитвы. Люди приносили свои молитвенные просьбы Терезе, все молились. Потом была Месса в прекрасной атмосфере благодати и мира, а потом нам пришлось расстаться, чтобы ехать дальше в Лугу. Отец Мирослав вместе с сестрами ехал перед нами на своей машине, чтобы петь на Мессе, поскольку в Луге приход

³⁵ Эта церковь, освященная 8 сентября 1893 года, была широко известна из-за своего органа и картины, изображавшей поцелуй Иуды. Тогда среди ее прихожан было много местной интеллигенции и военных. Все литургическое убранство и произведения искусства были конфискованы после Октябрьской революции, а барочные башни-близнецы снесены, но храм закрыли только в марте 1933 года. После этого он стал местным автомобильным клубом, потом театром, но это спасло его от уничтожения. Храм был возвращен Церкви в 1996 г.

так мал, что там нет ни хора, ни певчих. Потом мы отправились вглубь России, в приход святого Николая³⁶ – в маленькую, совсем простую и бедную церковь, где нас ждал отец Адам и несколько бабушек. После молитвенного бдения отец устроил нам очень милый праздничный ужин: это было 8 марта, праздничный день женщин в России! Ночевали мы на другом конце города у Эвелины, прихожанки родом из Чечни, вдовы с очень трагической историей. Ее выгнали из Чечни во время войны, когда она уже и так все потеряла. Муж ее умер после приезда в Лугу, оставив ее без средств к существованию. Она тепло приняла нас, и мы расположились в ее гостиной. Наутро она встала рано, чтобы приготовить сытный завтрак, и дала нам в дорогу домашних консервов. Как часто и тогда, и после мы видели эту удивительную щедрость бедняков...

Перенести Терезу пришлось просить молодых милиционеров, поскольку в приходе не было мужчин. Кажется, ей решительно нравились люди в форме! Мы простояли там достаточно долго, чтобы привлечь внимание прохожих бабушек, которые стали останавливаться и собираться на тротуаре, чтобы почтить Терезу, которая уже была в машине. Через 150 км нас встретили в Пскове на даче отца Адама, настоятеля обоих приходов. Гараж пресвитера был переделан в часовню, а подвал – в зал для катехизации, поскольку церковь была уничтожена.

Там нас ждал сюрприз: удивительная и прекрасная икона святой Терезы византийского письма, написанная по нашей просьбе архимандритом Зеноном. Накануне отец Адам (который ничего не знал) с удивлением увидел, что к нему приехал архимандрит в сопровождении двух монахов. Они поставили икону в часовне, пропели молебен и уехали без всяких объяснений. Икона сначала нас поразила, потом, когда мы около нее помолились, стала казаться более родной. Трудно выразить словами, что мы чувствовали: это лицо давало ощущать живое присутствие, а написано оно было совершенно в духе русского благочестия. Люди спонтанно сначала шли молиться перед ракой, а потом охотнее выражали свое почитание перед иконой, в которую была вделана небольшая частичка мощей Терезы. С этих пор икона ездил с нами повсюду³⁷, и очень скоро нашла свой собственный путь.

Часовня была полна, община очень живая. Не заметив, мы провели там пять часов.

На следующий день настала очередь отца Эрика, вернувшегося из Калуги, остолбенеть у иконы Зенона, перед которой мы молились. Все хотели знать, куда она

³⁶ Этот храм был закрыт в 1937 году, в разгар сталинских репрессий. Настоятель, органист и девятнадцать прихожан были расстреляны, а церковь стала спортзалом. Вернули ее в середине 90-х.

³⁷ Эта икона была подарена базилике в Лизьё. Одно время она была выставлена около раки Терезы, а теперь находится в ризнице базилики Лизьё к радости многочисленных приезжающих туда священников. Она тоже исполняла и исполняет свою миссию, не меньше, чем раки.

отправится после окончания паломничества мощей. Ясно было, что она тоже будет «миссионеркой». Почему бы не построить небольшой санктуарий, посвященный Терезе, где-нибудь в сердце России, всегда любившей паломничества? Эта идея очень понравилась отцу Адаму, у которого уже был проект строительства храма в Пскове, а поскольку у него еще не было имени, он подумывал о том, чтобы посвятить его святой Терезе. Икона нашла бы там свое место... Мечты и проекты перемешались... Говоря конкретно, мы решили пока свозить Терезу на место строительства будущей церкви.

Смоленск

После этого мы с сожалением отпускаем отца Яна обратно в семинарию, куда его зовет долг, и отправляемся в Смоленск, находящийся в 450 километрах. Приезжаем мы с опозданием на два часа, поскольку нам приходится ехать более длинной дорогой, чтобы избежать таможенных проблем. Наконец, проехав три четверти часа по городу, мы находим небольшую часовню, устроенную в гараже, стоящем посреди груд металлолома, на кладбище, примыкающем к большому храму Непорочного Зачатия. Этот храм, построенный в неоготическом стиле, в самом плачевном состоянии и до сих пор не возвращен Церкви.

Он служит складом для архивов комсомола. Его история – красноречивая иллюстрация к истории советского периода. Храм был освящен в 1896 году, в нем были большие органы и прекрасные витражи. В приходе насчитывалось около девятисот прихожан. В 1918 г. книги и архивы прихода были конфискованы. После голода 1921 года церковь закрыли, а все, что было внутри – и библиотеку, и литургические предметы, и мебель – все распродали. Ее сделали дополнительным залом музея, который находился в другом месте. Что касается прихода, то прихожане стали собираться в другом месте, пока в разгар террора 1937 года не ликвидировали и его. Прежняя церковь стала хранилищем архивов. Примерно в 1950 году орган разобрали, его трубы пошли на металлолом, а витражи были уничтожены. До сих пор в церкви хранится больше половины городских архивов, некоторые из них относятся к XVII веку, пережили несколько пожаров и войн. Но для публики они закрыты из-за аварийного состояния здания.

Отец Яцек, молодой францисканец, уже семь лет живет там в маленькой кладбищенской часовне, переделанной в жилой домик без водопровода. Он очень тронул нас своей кротостью и миролюбием, спокойной силой, исходившей от него. С ним вместе нас встретили сестры Кристина, Бернадетта и Людмила из апостольской общины донна

Луиджи Орионе. Они приехали одновременно с ним и жили в маленькой квартирке, где отец Яцек иногда находил себе уютное прибежище для отдыха.

Тереза продолжала свои «маленькие фантазии»: она никак не могла пройти в узкую дверь, и нам пришлось влезть на груды железного лома, чтобы внести ее через окно. Община оказалась многочисленной, явно из бедняков, очень искренних и трогательных. Отец Яцек, который не мог нас дольше ждать, как раз закончил Мессу без Терезы. Поэтому мы с отцом Эриком отслужили вторую, за которой последовали почитание мощей и глубокая молитва, длившиеся до ночи. Все эти города очень растянуты территориально, и людям иногда приходится приезжать издалека на старых ветхих автобусах, которые ночью не ходят. Поэтому для них задержаться дольше определенного часа – это настоящий героизм.

Смоленск – город с очень богатой историей и сохранившимся историческим центром, окруженным крепостными стенами и старыми церквями. Будучи входными воротами в Россию, он стал свидетелем многих известных сражений, в том числе во время вторжения Наполеона: здесь сложили свои головы многие представители старой гвардии.

Отец Яцек повел нас показать знаменитый собор и помолиться перед не менее известной иконой Божией Матерью Смоленской, прежде чем ехать в Катынь – печально известное место в лесу под Смоленском, около белорусской границы, где весной 1940 года расстреляли несколько тысяч польских офицеров. По большей части жертвы были офицерами, но были среди них и студенты, офицеры запаса, врачи, инженеры, профессора и представители польской элиты, которую НКВД считал враждебной советской идеологии. Кроме этой бойни в 1940 году, после раздела Польши между нацистской Германией и СССР, произошло много и других массовых казней поляков в разных местах СССР.

Мы с Терезой помолились около большого креста, поставленного в память этих погибших, зарытых на окрестных холмах. В это время густо шел снег, микроавтобус забуксовал, и мы напрасно пытались его сдвинуть то спереди, то сзади, подкладывая под колеса куски картона, читая тропари ангелам, бесконечный розарий, все подряд... Только через нас нам удалось сдвинуться с мертвой точки. Что это была за битва!

Калуга

Наконец мы вновь оказались в пути, но тут нас задержало ГАИ. У нас не было документов на машину, а отец Яцек уже знал, что для них хорош любой повод, чтобы выудить деньги. Мы подарили им фотографии Терезы, и – о чудо! – они разрешили нам ехать дальше. Приехали мы вовремя, к Мессе, но умудрились несколько раз упасть, поскользнувшись на голом льду. Наши облачения, вообще-то белые, были невообразимого

цвета. Терезе снова пришлось пролезать посреди камней и железяк. Снова душераздирающие прощания, и мы опять едем.

350 километров красивой, но скользкой и опасной дороги – и вот мы в Калуге, где в маленькой часовенке из дерева нас ждут францисканцы-конвентуалы: потом в Сибири мы увидим множество подобных строений. Отец Богдан и отец Дарий приехали из Москвы встретить Терезу вместе с тремя другими братьями, а отец Эрик вернулся на место своей миссии. Тереза совершила весьма примечательный вход, сокрушив скамейки, на которых, приготовленные для нее, стояли вазы с белыми лилиями. В результате – две больших вазы разбиты, и не меньше десяти литров воды приходится вытирать с пола. Весь приход ползает на четвереньках, весело участвуя в этой веселой уборке, а тем временем рака, замерзшая снаружи, запотела и закрыла Терезу от наших глаз почти на всю Мессу! Она так хотела прийти на небо с пустыми руками, и эти разбитые вазы будто напомнили нам о бедности и простоте, столь дорогих святому Франциску. А еще это стало для нас свидетельством того, что на протяжении всего путешествия Тереза очень часто как бы отступала, исчезала перед тайной Евхаристии, чтобы первое место в сердцах верующих принадлежало Господу. В этом приходе, где ее так ждали, невозможно было очистить запотевшее стекло, оно тут же снова запотевало. Оно оттаяло само, но только в самом конце Мессы.

Пели, и прекрасно, совсем юная органистка и ее столь же юный хор. Отец Дарий в францисканском стиле подыгрывал на гитаре. Община была очень живая, среди собравшихся – один православный священник и один семинарист, протестантский пастор Юрий и его жена. Юрий очень хотел, чтобы его заперли в церкви на ночь вместе с Терезой, глубоко его тронувшей, но братья, которые не очень понимали, что протестантский пастор хочет делать рядом с Терезой, к его великой печали не разрешили.

История пастора Юрия, которая заслуживает небольшого отступления

Юрий был пастором баптистского вероисповедания в Воронеже, откуда и сам родом. Через два года после этих событий он не мог произнести имя Терезы без глубокого волнения. Вот что он мне писал:

Я познакомился с Терезой давно, благодаря текстам Жака Лёва. Он часто цитировал ее, и я не мог удержаться от слез, читая ее слова. Мальый путь Терезы был для меня открытием: не стыдиться своей малости, потому что как раз она и ведет нас на небо... Потом я купил себе у одного католического священника «Историю одной души». Он был

очень удивлен, увидев меня³⁸. Я стал читать ее вместе с друзьями протестантами, которых тоже интересовала Тереза и ее малый путь. Я не мог делать пометки, как делал обыкновенно, потому что прочитанное меня потрясло до глубины души; некоторые места я читал и перечитывал по многу раз и знал почти наизусть. Многие люди, читая Терезу, смогли наконец исповедовать свои грехи (друзья протестанты). Они благодарили Бога за это Божие дитя, которое пробудило в них интерес к духовности кармелитов, и заказали многотомную историю ордена кармелитов. Узнав, что Терезу привезут в Россию, мы решили ездить за ней. Мы поехали в Калугу, и именно там я пережил опыт присутствия Христа. Я хотел остаться рядом с ней на всю ночь, но отец не разрешил мне остаться одному, хотя для меня это было что-то вроде любовного свидания. Это было, как бывает иногда на кладбище – Тереза присутствовала и отсутствовала одновременно. Это было как ожидание друга: она была рядом и вместе с тем ее не было. Я не знаю, почему мне не позволили остаться на ночь, я не понимал, и мне было очень больно. Но вдруг посреди ночи меня разбудили слова: «Довольно для тебя благодати Моей». Это был настоящий дар Божий и опыт Божественного милосердия – того, что так дорого было Терезе. С тех пор я пытаюсь этим жить. Я всегда читал молитву посвящения Милосердной Любви, кое-что опуская, и спрашивал себя, действительно ли я доверяю Богу и не ищу ли, быть может, каких-то других точек опоры, кроме Его милосердия. Эта молитва стала в моей жизни постоянной. Мои друзья тоже пережили глубокий опыт Божественной любви к ним.

Чуть позже я получила сообщение:

Дорогая сестра Тамара, посылаю Вам два свидетельства. Надеюсь, вы сможете употребить их во славу Божию. Благослови Вас Господь. Юрий.

P.S. Спасибо за диски Сильви, которые вы мне подарили.

Вот эти два свидетельства:

Я услышала о святой Терезе Младенца Иисуса от нашего пастора, а еще прочитала ее письма в журнале Лизьё «История одной души». Восхищаюсь ее любовью к Иисусу, духом детства, таким естественным отношением к святым заповедям, желанием соединиться с Ним и следовать за Ним. Она любила Христа очень лично и нашла собственный путь к Богу и невыразимую радость в страдании ради Его спасения. Все это запечатлелось в моей душе и сердце. Я люблю и песни на ее стихи. Когда я их слышу, моя душа оживает, и я благодарю Господа, что узнала ее. Единственное, чего я хочу, – это обрести такую любовь. Светлана Погорелова (Церковь Святого Духа)

Моя любовь и привязанность к святой Терезе начались внезапно. Сначала это были песни, которые очень трогали меня, особенно одна: «Нет, не боюсь...» Я буквально влюбилась в эту песню, потому что она отражает мой внутренний мир, мои желания и

³⁸ Все это происходило в советское время и делалось тайно. Видимо, священник не понимал, что движет пастором, и боялся провокации.

чувства. Она как бы по-новому осветила мою жизнь, открыла мне Христа и Его любовь ко мне. Как раз тогда все мои друзья из протестантской Церкви читали эту книгу. Наконец она попала и в мои руки.

Прежде всего, я была изумлена глубиной души Терезы и ее естественностью, постоянством желаний, твердостью веры и их воплощением в этом пути любви, страдания, пути малых дел. Влияние ее жизни на мою было огромным. Я перестала мучиться из-за своих слабостей и стала смотреть на свою жизнь иначе. Теперь я знаю, что есть Руки, которые могут меня вознести. Я очень благодарна этой маленькой святой, которая своей любовью к Богу зажигает огонь в сердцах других.

Любовью жить, и страхи изгоняя, // Забыть ошибки всех минувших дней. // Любовь сильнее греха. Она святая. // В короткий миг грехи сгорели в ней....

Юлия Марчукова (Евангелическая Церковь)

Триумфальное и «официальное» возвращение в Москву

В субботу 13 марта мы уезжаем. Пастор Юрий выражает желание лично донести Терезу до машины, и после некоторых колебаний мы отправились в сторону Тулы, сделав ради этого незапланированный крюк в 200 километров. Но мы не пожалели об этом, потому что Терезу там очень ждали. Францисканец отец Мирослав – настоятель приходов Тулы и Калуги. Вместе со всем своим приходом он встречает наш в буквальном смысле молниеносный визит Терезы. Мы привозим ее в часовню, примыкающую к церкви Святых Петра и Павла³⁹, которую, я надеюсь, скоро вернут для богослужений. Во время процессии, обнесшей раку вокруг церкви, отец Мирослав обмороженными руками разбрасывает крупные лепестки красных роз, которые падают на белый снег. Какая красота! Раку ставят в крошечную часовню, в которой она занимает практически все место. После короткой, но благодатной молитвы снаружи приход принимает нас у себя, дав желанную передышку (мы очень замерзли). Наконец мы отправляемся в Москву, где нас ждут для официального визита в храм Святого Людовика Французского.

Тула, 13 марта 1999 года

³⁹ Закрыта в 1932 году, после чего там расположилась редакция журнала «Коммунистическая молодежь». В 1995 году приход нашел себе прибежище в бывшем гараже. В 2004 церковь была возвращена, хотя она требовала серьезной реставрации. Монс. Паоло Пецци приезжал освятить ее 6 июля 2008 года.

В Святом Людовике «маленькую королеву Франции и Наварры» (см. *Письма 59, 62*) с истинно королевскими почестями несут шестеро кадетов кремлевской охраны в полной парадной униформе и черных перчатках, под звуки труб и рога. Этим триумфальным входом мы были обязаны инициативе отца Бернара Ле Леаннека, настоятеля французского прихода, один из министрантов которого, бывший кремлевский кадет, предложил пригласить своих товарищей.

Добро пожаловать в костёл Святого Людовика Французского

Нас с чрезвычайной торжественностью встретило духовенство, одетое в золоченые облачения. На фронтоне красовалась надпись на французском языке: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СВЯТАЯ ТЕРЕЗА!» Это была детская Месса, и церковь была полна. Дети

ждали нас с нетерпением и были возбуждены. В оживленной суете они несли к раке цветы, а родители шли за ними, и наконец все оказались вокруг Терезы. Там мы снова встретили добрых друзей – Марию Терезу, Альфонсо и их детей, Доминик Лефевр и Сильви Бюиссе. Из Ренна поздно вечером прилетел отец Эрве Гослен⁴⁰ из общины Очаг Милосердия в Тресене, чтобы хоть сколько-то побыть с Терезой в Москве, прежде чем ехать проповедовать в Екатеринбург. Сразу за французской Мессой последовала русская. Ради такого случая храм Святого Людовика приукрасился: убрали строительные леса, все пространство храма открыли для публики, и он был набит битком.

На следующий день, в воскресенье *Laetare* Мессу служили в присутствии официальных лиц, было много делегаций из посольств всех стран и народов. Там были Великий Магистр Мальтийского Ордена с супругой, журналисты телеканала *Antenne 2*... Храм был полон, и – все то же ощущение всеобщего порыва и единодушия. И так весь день. Святой Людовик объединяет в себе пять приходов, поэтому в воскресенье там служат девять месс. Благодаря приезду Терезы вдруг обнаружилась целая вьетнамская община, которая собиралась отдельно, даже не зная, что в Москве есть католический приход. После этого были введены мессы и на вьетнамском. Помолиться Терезе приходило много детских групп.

Нас навестил отец Майкл из Магадана, который отвечал за паломничество Терезы в Иркутске и Владивостоке. Он приехал повидать свою любимую сестру и заодно выяснить некоторые детали: будет ли самолет? Можно ли Терезу отправить самолетом? Ведь проблема все та же: это человеческие кости. Как сделать, чтобы доставить малые реликварии в такие отдаленные места, как Алдан, Магадан или Сахалин? Будет ли время вернуться в Москву до пресловутых майских праздников, когда все закрыто на несколько дней? Все это выяснится только в последний момент.

Вечером к нам пришла группа из православного прихода. Они не решились подойти к большой раке в Святом Людовике, и пришли приложиться к малой, а потом долго молились. Вечером большую раку с торжественной процессией перенесли в церковь Святых Петра и Павла, неподалеку от Святого Людовика, которая еще не возвращена. За ней в вечерней темноте, по белому снегу в свете факелов следовала плотная толпа. Отец Майкл Райян по пути ухватил меня за рукав и сказал: «Спасибо, как чудесно, нет слов выразить, как это чудесно!» Он был явно тронут. Я с удивлением на него смотрела, потому что этот отец, ирландец по происхождению, активно работавший в «Каритасе», занимавшийся проблемами туберкулеза в тюрьмах и бедственным положением

⁴⁰ Теперь епископ Ангулема.

африканской общины в Москве, не понимал нашего проекта, и, казалось, предпочел бы, чтобы мы тратили силы и средства на что-то другое. Но Тереза, как врач, приносила душам силу и утешение, и он сам стал этому свидетелем. «Сегодня, – продолжал он с волнением, – один молодой африканец выпал из окна четвертого этажа, его молодые друзья обступили его и с верой стали молиться Терезе... Он встал невредимым! Теперь они все тут, хотят поблагодарить ее.»

Потом мы едем в посольстве Гватемалы с Альфонсо, Марией Терезой и их шестерыми детьми: наконец мы видим их всех вместе, и это прекрасная семья! «Осторожно, а вдруг Тереза хочет, чтобы путь священства выбрали все!» – шепчу я на ухо Марии Терезе, а она в ответ восклицает: «Да, да, прекрасно, пусть берет всех!» И Альфонсо согласно кивает: «Это было бы большим счастьем!» Дети же слушают и веселятся: «Мама всегда добивается того, чего хочет!» Тереза не перестает созидать узы между людьми, укреплять семьи...

Чтобы хоть раз оказаться всем вместе, мы решаем отслужить Мессу. Мы оказываемся в апартаментах общины Блаженств, посреди представителей разных общин: предстоятель отец Эрве Гослен (Очаг Милосердия), а еще – отец Эрик де Кермадек (община Марии – Непорочной Царицы Мира), отец Илья (община святого Иоанна из Вильнюса), отец Дарий (московский францисканец), братья Гаэтан (община «Point Sœur») и Жак (орден Служители Иисуса и Марии), вернувшиеся из Сибири, где проповедовали о Терезе в Барнауле и Томске; Тереза де Боллардье (община Эмманюэль) и сестра Рита (из общины Семья Марии); не считая Сильви Бюиссе и Доминик Лефевр, которые уезжают в Новосибирск. В этом тесном пространстве приходящих и уходящих столько, что у нас не было времени поесть!

Отец Илья и сестра Сара уезжают в «Островок надежды» – приют Александра Огородникова для молодых девушек.

В «Островке надежды»

Александр Огородников, с которым мы много работали вместе, принадлежал к группе диссидентов, боровшихся с атеистическим режимом. Его отец был членом партии, но верующая бабушка смогла как-то тайно окрестить Александра. Он получил коммунистическое воспитание, но потом обратился, и, будучи еще неопитом, создал своего рода семинар для размышлений. В 1976 году, когда ему было 25 лет, его за веру объявили «душевно больным» и отправили в больницу для психически больных преступников и затем в лагеря. Освободили его только через девять лет, благодаря усиленным молитвам

«Kirsche in Not»⁴¹. После этого он посвятил себя служению бедным, детям, изгоям общества, и продолжал бороться за смену бесчеловечной власти. Он был очень рад нас принять и спонтанно организовал молитву в часовне, хотя она еще не была освящена, а положение приюта – очень неопределенно. Мы поставили там малый реликварий, положили фотографии, открытки, а девушки слушали, как отец Илья говорил им о Терезе. Александр свидетельствует о своем личном опыте, пережитом во время поездки в Лизьё, куда мы пригласили его на летнюю молитвенную встречу. У него было глубокое чувство священного. Девушкам предложили подойти приложиться к мощам, и они стали подходить одна за другой, в слезах. Так через Терезу Господу удавалось врачевать болезненные раны сердца. Александр еще раз сказал нам, как важно, что она посетила их дом. Ночью ему приснился сон, который он рассказал, потому что обычно спит мало и снов не помнит. Тут же он проснулся с чувством, что в его приюте произойдет что-то очень хорошее, и, пойдя на литургию, чувствовал большую радость. Поэтому наше предложение принять Терезу в своем приюте он воспринял как дело Провидения. Там мы словно вновь повстречались с нашей сестрой Клер Омонтэ⁴², очень любившей Терезу, приехавшей вместе с другой молодежью помогать Александру в его столовой для бедных: ее фотографии до сих пор висят в офисе Александра.

Нам же вместе с отцом Рольфом и сестрой Ритой, которая была в ассоциации «Триумф Сердца» связующим звеном, нужно было обдумать и организовать следующие месяцы путешествия. В частности, как доставить в самые отдаленные уголки страны малые реликварии и частицы мощей, которые нам дал в пользование монастырь Лизьё.

На прощании в храме Святого Людовика Александр Огородников был тут как тут: прямой и горящий, как свеча, он стоял перед ракой, и между юной нормандкой, добровольно заточившей себя ради Бога, и им, выжившим в сталинских тюрьмах, познавшим гонения и унижения за веру, совершался безмолвный и таинственный диалог. Потом он поднялся, чтобы сделать несколько земных поклонов перед иконой, как это принято в византийском обряде. Все молчало, небесная радость была почти осязаема, Тереза и Серафим ликовали вместе...

Меня обратил отец Александр Мень, который так и остался моим духовным наставником.

Поскольку я отлично знала французский язык и записывала свой духовный опыт, отец

⁴¹ «Kirche in Not» опубликовало письмо, которое он написал своей матери, и в котором подробно рассказывал о жизни в «Пермь-36» – советском ГУЛАГе на границе Сибири и Европейской части. Он так никогда и не узнал, как его личное письмо смогло выйти в публичное пространство.

⁴² Клер – дитя общины Блаженств, несколько раз она приезжала на миссию в Россию вместе с другими молодыми. Мы вместе праздновали в Москве ее двадцатилетие. Через несколько дней после возвращения во Францию она отправилась в небесные обители: автокатастрофа. Но успела оставить свидетельство того, как глубоко ее изменили эти поездки в Россию (в которых она была для нас словно живым присутствием Терезы).

Александр давал мне переводить фрагменты книг, которые ему были нужны для работы. Он не мог публиковаться, но говорил мне: «Мы не должны умереть». Для поддержки он дал мне сочинения Терезы Авильской, и я получила прекрасный пример для подражания.

Однажды он дал мне почитать «Историю одной души», и обе Терезы для меня слились в одно целое. Когда ее мощи находились в церкви Святого Людовика, в воскресенье, в моем православном приходе было большое собрание, и одна женщина предложила нам пойти. Нас было трое, и по пути мы решили, о чем будем молиться.

У Ольги были большие проблемы: она приехала из Молдавии, уже семь лет жила в Москве с маленькой дочерью, не имея своего жилья, снимала комнаты и искала в газетах объявления о продаже комнаты в какой-нибудь двухкомнатной квартире, с надеждой когда-нибудь выкупить всю квартиру. Искала она уже больше года, но безуспешно.

Александр, которому было тогда примерно 55 лет, уже пять лет как был крещен, и у него было трудности с неверующей женой, не желавшей церковного брака, к которому он стремился всей душой.

Что касается меня, у меня был внук, страдавший аутизмом, который не мог нормально учиться в школе. Дети его не любили и издевались над ним. Ему было пятнадцать с половиной, и его будущее было совершенно туманно. Это был очень религиозный мальчик, который ходил в церковь два-три раза в неделю и много молился. Когда мы пришли в храм Святого Людовика, он уже был там и молился Терезе. Все мы преклонили колени перед ракой и стали молиться каждый о своем.

На следующий день утром Ольга открывает очередную газету и видит комнату своей мечты, совсем рядом с приходом Космы и Дамиана, в самом центре Москвы. В другой комнате жила хозяйка, которая предпочла Ольгу супружеской паре, предлагавшей заплатить гораздо больше. Через год Ольге удалось выкупить квартиру, и она совершенно счастлива.

В тот же день, в понедельник, жена Александра показала ему два обручальных кольца, которые приготовила для венчания, и робко спросила: «Ты ничего не имеешь против, если мы обвенчаемся в Церкви?»

В следующий вторник учитель математики моего внука Кирилла впервые позвонил мне, чтобы спросить у меня совета прежде, чем говорить с родителями. Он хотел перевести Кирилла сразу на три года, с условием, что весной он сдаст экзамены, поскольку понял, что он невероятно одарен, хотя все считали его идиотом. Он хотел лично подготовить его к изучению математики в университете, потому что он был особенно способен ко всем «виртуальным» дисциплинам. Кирилл стал заниматься, и все устроилось. Он продолжает молиться о единстве наших Церквей, о Жане Ванье и движении «Свет и вера», и по-прежнему горячо любит Терезу. (Свидетельство Зои Афанасьевой, Москва)

16 марта мы уезжаем в Тверь, и Владимир в сопровождении отцов Андрея Стецкевича и Ильи, а также Марины – старой подруги, с которой мы встретились утром на Мессе, и которая тотчас решила ехать с нами, словно Тереза взяла ее в плен. Она тоже не понимала этого проекта, но тут, видя, что происходило в присутствии Терезы, прошептала утром мне на ухо: «It's great! It's great!» Мы попросили Терезу сказать нам слово на дальнейшее путешествие, и в «Желтых тетрадах» получили такой ответ: «Позвольте мне продолжать мои маленькие ужимки!» (*Желтые тетради*, 22). Что ж, в этом мы получили возможность убедиться!

Мы остановились у Мак-Дональдса, чтобы отведать американскую мечту – гамбургер с традиционной кока-колой, которая, конечно, пролилась на сиденье, а главное – на чистую белую одежду сестры Тамары... Пересечь Россию в белом хабите – неосуществимая задача. Мы стерли следы, как могли, но потом всю дорогу думали, где можно будет постирать. Мы проехали много городов, в том числе Клин (родину Чайковского), Тараканов, Эммаус и через 200 километров оказались в Твери.

Рака опять не проходила в двери часовни и в конце концов нашла себе пристанище в месте для постоянного поклонения Святым Дарам, где Господь, казалось, довольно часто оставался в одиночестве. Мы сразу почувствовали, что Тереза опять скромно отступила. К нашему удивлению, там было немало студентов, интересовавшихся, с какой стороны раки ее лицо⁴³. Но она явно хотела, чтобы все смотрели на лицо Христа.

Отец Ричард, настоятель прихода, – австралиец, бывший военный, уже очень немолодой. Ему пришлось восстанавливать церковь⁴⁴, и он казался очень уставшим и обессиленным. Его служение в основном состояло в посещении тюрем, которых в этом регионе хватало. Служение довольно исключительное для католического священника... Он ходил в три тюрьмы, и четвертая уже попросила его о помощи: это две мужских тюрьмы по две тысячи заключенных в каждой и одна женская с пятьюстами узницами. Он рассказывал нам о безысходности, царящей в этих местах, часто переполненных после закрытия некоторых лагерей. Кроме того, он отвечал за реконструкцию приходской церкви и исполнял обязанности капеллана группы индийских и африканских англоязычных студентов. Он был явно заинтересован в приезде молодого отца Ильи, который должен был летом прибыть сюда на миссию.

⁴³ Многие из них – из Индии; их очень интересовало, как лежит голова Терезы в раке: для них очень важно направление.

⁴⁴ Церковь Преображения Господня была построена в 1864 году; в ней были органы и пресвитерий, и довольно богатая библиотека. Но все это было разрушено в 1920-е годы, библиотека разорена. Церковь использовали для бытовых целей, а в 1974 году снесли окончательно.

Месса началась в часовне, оформленной в стиле самого что ни на есть китча. Из-за американского акцента отца, пестрой публики и старой фисгармонии моментами казалось, будто мы находимся в Техасе. Читали мы 61 главу Исаии: «Я пришел проповедовать пленным освобождение». Эта церковь – место особого молитвенного ходатайства обо всех заключенных региона. Мы оставили для них книги и кассеты. Безмолвная молитва около Терезы продолжалась всю ночь. Отец Илья легко нашел контакт с приходской молодежью. Кроме того, уже во второй раз мы сталкиваемся с сектой Божией Матери.

Приехавшая с нами Марина Дубровская, которая занимается помощью сиротам и детям, оказавшимся в трудной ситуации, оставила свое свидетельство:

Я сопровождала мощи Терезы из Москвы в Тверь. Тверь – маленький спокойный провинциальный городок недалеко от Москвы, на берегу Волги. В 1999 году город очень страдал от безработицы и нищеты; казалось, он откатился на двести-триста лет назад, потому что улицы были совершенно пустынные. Из Москвы мы ехали на машине, и с самого начала я чувствовала, что мотор этой поездки – воля Терезы. Я испытывала очень ясное и мощное чувство ее присутствия за своей спиной. Не я ее сопровождала, а она взяла с собой меня и остальных. На закате мы приехали в Тверь, в маленький деревянный дом с тремя окошками: это была католическая часовня, а рядом строилась церковь. Внести мощи в часовню было невозможно, и Терезу поставили в другую, еще неоконченную. Было холодно. Я держала двери и смотрела, как старики с иконными лицами несли раку к часовне, и вот – эта невероятная, немыслимая встреча Терезы и России состоялась. Пришли люди, зажгли свечи вокруг раки, сестра Тамара принесла икону, которую мы поставили тут же.

Среди людей было много афро-и латиноамериканской молодежи, учившейся в Твери. Мы слышали латиноамериканские песнопения. Пришли и православные, крестились по-своему, смотрели, вглядывались в раку и икону, и их лица смягчались, некоторые начинали плакать. Каждый начинал свой диалог с Терезой, а она пленяла сердца. Выходя, они спрашивали: «Как может быть, чтобы святая пришла посетить нас?» Всю ночь люди продолжали молиться. Все это так и осталось в моей памяти: старинный русский город, Тереза, люди, стоящие на коленях в снегу... Запомнилось и желание Терезы объехать нашу страну с «настырским визитом». Она посетила всех русских католиков и стала другом для многих православных.

Моя любимая история о Терезе: она не хотела, чтобы срезали куст, посаженный на углу между монастырскими стенами. Я видела в этом ее милосердие к тем, кто не может защитить себя, мудрость жизни, удивительную для такой юной девушки. Для меня эта история – свидетельство конца ее жизни и того, чем она была для мира в момент смерти. А была она милосердием и понимала жизнь. Лично для меня это урок ее веры, недостижимой веры, которой она жила и которую воплощала. Именно этому она меня научила во время своего паломничества по России.

Терезины подвиги множатся

Мы снова отправились в путь, раздав прихожанам прекрасные красные розы, подаренные французским посольством, и приехали во Владимир к вечерней Мессе. Нас встретил отец Стефано Каприо из *Comunione e Liberazione*. Он закончил Руссикум и был одним из первых католических миссионеров, присланных в Россию. Его храм – храм Божией Матери Розария⁴⁵ – тоже был одним из первых, возвращенных католикам в 1991 году. Он был очень быстро отреставрирован в местном стиле. Храм очень красивый, и нам довелось услышать там уже привычные для нас Терезины песни, исполненные местным хором с поразительной свободой и непринужденностью.

На следующее утро Тереза подарила нам небольшую экскурсию по Владимиру, Суздалию и Боголюбову, где находится жемчужина церковной архитектуры – церковь Покрова на Нерли, к сожалению, недосягаемая из-за снега. Мы заехали в Кидекшу, увидели собор, расписанный Андреем Рублевым, и отправились обратно в Москву.

По пути мы остановились на въезде, на улице Чечулина, у Сестер матери Терезы, принимавших у себя детей-инвалидов, оставленных родителями в больницах. Дверь в часовню опять оказалась слишком узкой, и Терезу оставили в коридоре. Сестры с удивительной легкостью несли раку, и мы пережили прекрасные минуты молитвы с детьми, нарисовавшими для Терезы чудесный цветок, который должен был сопровождать ее на протяжении всего дальнейшего путешествия. «Пустите ко Мне детей»: они прикладывались к раке, очень довольные, и вдохновенно пели «Радуйся, Мария». Все остальное происходило сокровенно, в глубине душ. Наконец в субботу вечером 20 марта мы приехали в собор Непорочного Зачатия. В помещениях крипты нас уже ждала целая толпа (сам собор находился на реставрации и был закрыт).

Эта церковь – неоготическое здание из красного кирпича расположено напротив посольства Польши, поэтому в нее часто и много ходят поляки⁴⁶. В советские годы ее использовали как склад, покрасили в зеленый цвет и разделили на четыре этажа для разных административных помещений. Последняя этажная перегородка была снесена за две недели до нашего приезда, и наконец стали видны прекрасные пропорции первоначального строения. Отец Андрей, с удовольствием оторвавшийся от своих обязанностей, чтобы вместе с нами сопровождать Терезу, отвечал за реставрационные работы, и надеялся, что

⁴⁵ Храм был закрыт в 1930 году. Колокольню не снесли, а использовали как реле для радиопередач. Саму церковь превратили в выставочный зал.

⁴⁶ Построена она была тоже польской общиной.

собор откроют к 8 декабря, как раз к торжеству Непорочного Зачатия. Эта милость, о которой он с верой просил Терезу, была ему дана. Епископ, со своей стороны, поделился с нами своим желанием посвятить Терезе одну из боковых часовен и поместить туда, в скульптурную раку, частицу ее мощей. И его молитва была услышана. Благодаря щедрости монастыря Лизьё нам удалось поставить там прекрасную раку, и тем самым сделать собор постоянным санктуарием святой Терезы, украшенным иконой, списанной с иконы отца Зенона и подаренной отцом Рольфом в конце его пастырского визита в Россию.

Мы нашли там множество людей и всех своих друзей из православных молитвенных групп. Сарафанное радио сработало отлично, и люди все прибывали и прибывали. Отец Анри Мартен провел около Терезы очень живые реколлекции, которые прекрасно слушали. Кроме того, мы снова встретили наших верных Альфонсо и Марию Терезу, взявших на себя роль водителей, чтобы возить нас, и предложили заняться технической проверкой нашего микроавтобуса перед отъездом на Урал и в Сибирь: драгоценная в этой стране помощь! На утренней службе мы услышали Евангелие об отправлении Двенадцати на миссию: «Не берите с собой обуви, ни двух одежд»... Но разве у них были белые одежды, как у меня?

Взяв с собой икону, мы побывали на Божественной литургии отца Георгия Чистякова на другом конце Москвы⁴⁷ – очень симпатичного священника из православного прихода святых Космы и Дамиана в Шубине. Он был одним из близких учеников отца Александра Меня, и его особенно любили за жизнерадостность, юмор и вдохновенные проповеди. Он был специалистом по древним языкам, очень знающим и пытливым человеком и отдавал все свои дарования Республиканской детской клинической больнице, где служил после отца Меня, который начал эту миссию.

Больница для тяжело больных детей со всей России насчитывала больше тысячи коек. Многие из них были жертвами радиоактивного заражения после аварии в Чернобыле. Они проводили там месяцы, а иногда и годы, и родители должны были оставаться рядом. Мы хорошо знали это место, поскольку помогали им; это место было удивительным духовным горнилом. Отец Георгий заботился о детях несмотря на собственные болезни, а он был очень болен. Многие дети встретили там Господа; часто благодаря им обращались их родители, и бывало, что дети и родители вместе принимали крещение. Если дети умирали, родители уезжали в свои отдаленные деревни, но уже с силой, которой наполнял их Бог.

Иоанн Павел II, лично знавший отца Георгия, охотно приглашал его на небольшие литературные и экуменические завтраки в Ватикан и искренне радовался его приездам.

⁴⁷ Отец Георгий умер от рака в 2007 году в возрасте 54 лет.

Святейший Отец приглашал его по телефону лично: «Джедже, ты мне нужен, приезжай!» – и отец Георгий садился на первый же самолет в Рим: я сама была свидетелем этого маленького чуда. Он очень любил Терезу и непременно хотел лично проверить переводы ее автобиографических рукописей, что и сделал во время одного из таких путешествий, сочинив вдобавок акафист святой Терезе, чтобы православные братья могли молиться ей, не изменяя своей традиции.

Дети постепенно собирались в часовню – на костылях, на инвалидных креслах, а то и на носилках, со своими капельницами, шинами, но с такой невинностью, с такой радостью! Часовня была очень хороша и сделана специально для них: отдушина между лечебными процедурами, иногда очень болезненными. У детей есть замечательное свойство находиться всецело в настоящем моменте, а для нас, взрослых, страдание и радость в этот момент словно слились воедино в предвкушении Царства Божия. Отец Георгий благословил икону, и многие дети захотели к ней приложиться⁴⁸. Потом мы зашли ко всем детям, которые не могли двигаться и снова были поражены их врожденным чувством священного и благоговением к святыням. После столь утомительного дня мы жаждали немного отдохнуть и помолиться, но враг решил помешать, и мы оказались перед запертой дверью дома: открыть замок было невозможно. Наконец, уже после девяти вечера, когда мы уже решили выбить дверь, она – о чудо! – вдруг спокойно открылась поворотом ключа, и буря миновала.

Воскресение собора

Воскресенье 21 марта был великий день для собора Непорочного Зачатия: по случаю торжественной Мессы, которую служил архиепископ Тадеуш Кондрусевич, Тереза выбралась из крипты. Отец Андрей как мог обустроил храм, в котором все еще велись работы, использовав леса, чтобы повесить фотографии Терезы, и мы увидели все его пространство. Ясно было, что он будет прекрасен. Дети приготовили сценки из жизни Терезы, и Евангельское чтение дня – о воскресении Лазаря – оказалось невероятно кстати. Да, эта реставрация – знак воскресения, победы Христа.

Как Лазарь три дня находился во гробе, так и Россия на протяжении трех поколений была погружена во тьму. Кто мог бы поверить еще несколько лет назад, что эта церковь будет восстановлена?.. «Тереза приехала, чтобы утвердить нас в

⁴⁸ Мы подарили ему маленький реликварий в конце паломничества Терезы, и она потом продолжала тайно трудиться в больнице, прежде чем перебраться в другой православный приход после смерти отца Георгия.

вере», – сказал монс. Кондрусевич. – С самого начала ее путешествия по России я говорил со многими священниками, принявшими ее у себя в приходах и ставшими свидетелями чудес, которые совершались в таинстве примирения. Многие заново нашли путь к Церкви и приняли решение жить по-христиански. Тереза показала нам путь возвращения к Отцу...

Храм был полон весь день. Во время вечерней Мессы отец Анри Мартен, который горячо любил свою тезку Терезу Мартен и был грузином (о чем трудно догадаться по его имени), напомнил, что между Россией и Францией всегда существовали особые связи. Это событие – посещение маленькой француженки в столь трудное для страны время – он назвал пророческим знаком.

Поздно вечером за нами приехали отец Яцек, настоятель прихода в Саратове, вместе со своим помощником Маратом. В ту ночь мы уезжали на Кавказ, а потом в Сибирь. Рака Терезы тонула в цветах, среди них были даже орхидеи. За пределами слов и событий Тереза словно золотыми нитями ткала новую цивилизацию любви...

Улица в Оренбурге

Кавказ

С понедельника 22 марта до понедельника 5 апреля 1999 года

Мы на пути в Саратов, ночью, с отцом Яцеком, салезианцем польского происхождения, перед нами 900 километров трудной и каменистой дороги в юго-восточном направлении...

«Сердце коммунизма»: Саратов

После манифеста Екатерины второй 1763 года Саратов и его окрестности надолго стали местом поселения немцев, приехавших из Германии, чтобы возделывать земли. Таких «поволжских немцев» к началу двадцатого века насчитывалось уже около 800 тысяч. Во время Второй мировой войны многие из них были депортированы в Сибирь или Казахстан. В 90-е годы большинство воспользовались возможностью уехать обратно в Германию. До 90 года Саратов был закрытым городом, иностранцам запрещено было туда приезжать, поскольку там находились важные военно-промышленные предприятия; многие из них работали для реализации советских космических программ. По всем этим причинам Саратов вполне справедливо называли «сердцем коммунизма». Религиозные сооружения были по большей части снесены. На месте бывшей церкви Святого Климента возникло уродливое здание Дома культуры и кинотеатра.

Когда Терезу спускали в подвальное помещение, которое отцу Яцеку удалось отвоевать у торговых рядов в ожидании восстановления храма, кортеж возглавили священники и дети из хора.

Рака опять не хотела проходить в главную дверь, и нам пришлось пройти через внутренний двор, служивший складом для «Каритаса». Тереза явно предпочитала общество беднейших. Группа молодежи, объединенная отцом Яцеком, направляла ход молитвы. Молодые задавали немало вопросов о монашеской жизни. Многие дети приносили Терезе свои молитвенные пожелания, некоторые из пришедших принимали помазание больных, песнопения на русском и французском языках сменяли друг друга, бдение длилось всю ночь, и народу было очень много. Приходили и люди, прежде ногой не ступавшие в церковь, пришли члены секты Божией Матери, с которыми мы долго разговаривали.

Из Астрахани приехала целая община сестер Мириам Вифлеем, чтобы взять частицу мощей, и, конечно, воспользовалась возможностью выразить свои чувства.

Пять мексиканских сестер клариссок, которые приняли нас у себя, жили на двенадцатом этаже большого дома, с которого открывалась панорама города. Мы

находились недалеко от большого трехкилометрового моста через Волгу, который вел в города Маркс и Энгельс. Красноречивое свидетельство истории региона!

Вечером нам надо было заняться починкой раки, от которой отвалилась небольшая часть, а остальных мы тем временем отправили смотреть видео. Вместе с отцом Яцеком и молодежью мы разобрали плексигласовый футляр, защищавший раку. Было ли это одной из шалостей Терезы? Зато каждый получил возможность положить прямо около раки кто медальку, кто четки, кто образки, и мы воспользовались случаем, чтобы попросить об особой милости для отца Яцека, который при таком близком контакте получил через Терезу глубокое благословение. Молитва продолжалась всю ночь. Пришли многие православные братья и сестры и даже священники, приходили и неверующие, и совсем незнакомые люди, вдруг ощутившие непреодолимое желание исповедоваться.

На следующий день рака была в порядке и сияла, и мы пошли на прощальную Мессу. Как раз тогда, когда мы выходили из церкви, начался снегопад, сначала слабый, а потом все более обильный. Это было не совсем естественно для столь южного региона, где весна начинается гораздо раньше. Мы покинули Саратов, предварительно объехав его, и поручили молитвам Терезы будущую церковь в форме митры, которая должна была быть посвящена Пресвятой Троице.

К Марксу через Энгельс

Мы переехали через мост и отправились в сторону города Маркс, который находится в 70 километрах от Саратова. Епископ, монс. Клеменс Пиккель, принял нас у себя и повел в общину сестер-служительниц Евхаристии, основанную в Белоруссии в 1921 году. Они занимали большой загородный монастырь-дачу, в который сестры их общины со всей России приезжали проходить новициат. Сестер было пятнадцать. Первые две приехали в Маркс четырнадцать лет назад, когда там не было священника, а власти решили разрушить церковь, боясь, как бы сестры ее не востребовали. Сначала они жили на квартире, и священник приезжал к ним каждые три месяца. Потом, перед хиротонией в епископы Сибири, в Марксе поселился отец Иосиф Верт. А потом его сменил Клеменс Пиккель, который стал епископом Юга и Поволжья в предыдущем году на Пятидесятницу.

Двери их часовни были узки, но, видно, Тереза задержала дыхание, чтобы пройти туда, где ее с искренним благоговением встретили сестры.

К раке приходили одна за другой группы детей, пыл которых нас поражал. Они беспрерывно молились молитвой розария, потом был крестный путь, потом Месса с отцом

Михаилом из общины Святейшего Сердца из Иссудена и с епископом в церкви Христа-Царя. Сестры приходили молиться и ночью.

Праздник Благовещения. Терезу приглашают в Астрахань

После Мессы, которую монс. Пиккель служил у сестер, он пригласил нас к себе, в маленький домик рядом с церковью, где даже не было водопровода. Его викарий, отец Михаил, приехавший из Чечни, рассказывал, какая там царит нищета, какая заброшенность. В 17 часов мы приготовились к процессии с большой ракой из монастыря в церковь. Милиция даже согласилась остановить на это время уличное движение. Это была прекрасная процессия в праздник Благовещения, и ее транслировали по местному телевидению. Молитва опять продолжалась всю ночь. Десятки детей, одетых в белое, приходили изо всех окрестных деревень. Надо отдать должное епископу: он постарался организовать все так, чтобы люди и из отдаленных деревень могли приехать поклониться мощам. Для детей он приготовил сухие пайки, которые раздал принимавшим их семьям. Церковь была полна. Крупными хлопьями шел снег.

«Я буду посылать вам искорки света и всегда буду с вами»...

Маленькая Тереза действительно проехала Россию, можно сказать, от края до края. Вот одно свидетельство, пришедшее из глубины степей, из общины сестер Семьи Мириам Вифлеем в Астрахани. Астрахань находится в дельте Волги, в сотне километров от Каспийского моря. В этом городе с миллионным населением, окруженном бесконечными степями, живет не меньше ста разных национальностей. Католический приход, основанный в XVI веке армянами-католиками, бежавшими из своей страны, теперь собирается в церкви, построенной в 1732 году и недавно возвращенной для богослужений.

Тереза порадовала нас своим посещением⁴⁹ 24 и 25 марта. Что странно для этого времени года и наших мест, мы встретили ее под густым снегопадом. Мы готовились к этому событию на ежемесячных встречах, ждали дождя из розовых лепестков и не обманулись. Примерно двести прихожан, которым удалось прийти, очень глубоко прочувствовали это необычайное посещение, и мы передаем несколько коротких свидетельств:

⁴⁹ На самом деле большая рака осталась в Марксе и Саратове, у епископа Пиккеля, а по южному региону Европейской России циркулировали несколько малых.

Саши – здоровенный парень, полу-монгол, полу-татарин, который никак не решился попросить о крещении. Он рассказывает, что ничего не знал о Терезе, но рядом с ее мощами за день прочитал «Историю одной жизни» монс. Ги Гоше. Он был так потрясен примером этой юной девушки, отдавшей жизни Христу, что тут же попросил у всех собравшихся приготовить его к христианской жизни, сказав: «Эта девочка меня восхищает; как же я, тридцатилетний мужчина, боюсь подойти к крещению!»

Эдуард заботится о бездомных детях. Таких брошенных сирот очень много (официально по стране – два миллиона). Пока Тереза здесь, он рассказывает им все, что о ней знает. Они выражают желание с ней познакомиться. Он предлагает пойти помолиться вместе с ним. Увидев фотографию восьмилетней Терезы, они потрясены. Некоторые после долгого молчания утирают глаза, чтобы их не увидели плачущими. На выходе Эдуард предлагает им взять какую-нибудь фотографию. Они единодушно выбирают фото Терезы в детстве. Почему? – спрашивает Эдуард. – Потому что с этих пор она – наша сестренка.

Еще одна группа детей-токсикоманов, нюхавших клей, зашла случайно и тоже пленилась Терезой. Они стали возвращаться к ней каждый день и называть «принцессой». С этих пор они перестали нюхать клей и начали каждый день приходить на Мессу...

Светлана приходит в церковь уже два с половиной года. Она хотела бы чем-то помогать, но ей кажется, что у нее нет никаких талантов. Прочитав книгу монс. Ги Гоше, она преодолела свои комплексы и поняла, что, подобно Терезе, обладает главным талантом – любить. Благодаря Терезе она нашла свой путь: жить в сердце Церкви любовью.

У Анжелики трудная обязанность – заботиться о больной матери, и ее душу терзают многие вопросы. Но она улучила возможность прийти в церковь, долго стояла и плакала около раки, а после этого почувствовала большое облегчение и словно стала другим человеком. Мы были свидетелями: этот дар сохранился у нее еще на долгое время...

Мост Маркса в Энгельсе

Отъезд из Маркса

День 26 марта 1999 года в Марксе начался с солнечной погоды. Епископ заинтересовался нашим фильмом⁵⁰, а сестры рассказывали о начале своего пути пятнадцать лет назад, когда еще ничего не было, когда город предпочел лучше уничтожить храм, превращенный в фабрику, чем отдать им. Сейчас они видели в церкви людей, которых не видали уже четырнадцать лет, и для них это было знаком надежды. В целом община очень молодая, и призвания у сестер ранние – 16-17 лет. Многие приезжают из семей, живущих в Казахстане. Их харизма – катехизация, и нам довелось-таки увидеть плоды их пятнадцатилетнего труда в этом очень неблагоприятном регионе.

Епископ объявил, что в конце Мессы приглашает всех физически и душевно больных подойти к нему под индивидуальное благословение одним из малых реликвариев и взять фотографию Терезы с частичкой ткани и печатью епископа.

Всю вторую половину дня к Терезе подходят, прикасаются, фотографируют – и так до самого вечера. Чтобы поблагодарить нас перед нашим отъездом, назначенным на два часа ночи, дети поют на русском языке «Любовью жить». К микроавтобусу Терезу несут сами сестры. Вместе с отцом Яцеком мы едем в Самару праздновать Вербное Воскресенье.

⁵⁰ Мы снимали все наше путешествие.

360 километров плохой дороги... Но отец Яцек и наш водитель Марат уже закалены предыдущими переездами. Мы не только переехали в другой часовой пояс, но потеряли еще час из-за перехода на летнее время. Встретил нас отец Томас, удивленный нашим прибытием в столь ранний час. Мы расположились на жилье в комнатке на верху церковной колокольни (туалет при этом находился в крипте, и чтобы взять воды, надо было проходить через всю церковь).

Раку приняли в храме Святейшего Сердца – красивом неоготическом здании в историческом районе Самары, выходящем на Волгу. Его красота спасла его от уничтожения. Советские власти потребовали отдать им приход в начале 20-х годов, и церковь была закрыта и разграблена. В 1941 г. там разместился районный музей. Католической общине храм вернули в 1991 г., и пять лет спустя его начали реставрировать. Отец Томас, салезианец ирландского происхождения, прежде работавший миссионером в Африке, уже проделал очень большую работу.

На Мессе Вербного Воскресенья верующие были очень воодушевлены, и одна маленькая девочка лет трех, которая обычно вела себя как дикарка, в продолжение всей Мессы держала меня за рукав и неотрывно смотрела на раку, говоря: «Какая она красивая, какая она красивая!» После Мессы к раке подходили, как зачарованные, совсем маленькие дети, многие люди останавливались и долго молились около иконы, освещенной свечами. А затем мы отправились в Тольятти. Это небольшой промышленный город в 90 километрах от Самары, центр производства автомобилей «Жигули», известных по всей России.

Это производство запустила в 60-е годы фирма «Фиат». Город очень посещаемый, но исторического центра в нем нет. Впрочем, религиозного тоже: только небольшая церковка, сделанная по шаблону, похожая на церковь в Калуге, окруженная многоэтажными домами, стоящая прямо посреди перекрестка. Там, в общине бедных бабушек, иногда приезжающих издалека на чем придется, проходит наша вторая Месса Вербного Воскресенья. После поспешной трапезы прямо в храме мы вновь на пути обратно в Самару и созерцаем великолепный закат над Волгой.

Великий Понедельник, 29 марта, Оренбург

Начинается Страстная неделя, и мы, как доблестные воины, встаем в пять утра, поскольку впереди очень длинный путь до Оренбурга. Нас сопровождают не только отец Григорий и Иван, приехавшие ночью, но и эскорт из двух милицейских машин с мигалками: дело в том, что эта дорога считается опасной, на ней путешественников могут подстергать

бандиты и мафиози. Мы опасаемся, чтобы нас не взяли в заложники – уж больно привлекательная добыча!

В этих местах кто-то один в каждой семье сидел в тюрьме, а в целом – каждый третий. Это регион, очень богатый природными ресурсами, но в 1956 году здесь произошел несчастный случай на атомной станции, поэтому много людей с врожденными уродствами и больных лейкемией. Отец Григорий рассказывает о детской больнице, где очень нужна евангелизация, но для нее нет людей. Из сорока пяти православных церквей осталось пять. Зато есть восемь мечетей и один католический храм рядом с некошерной синагогой (поскольку первая лавка «Кошер» находится в Москве, в 1228 километрах к северу).

Мы въезжаем в Оренбург, легко минуя перекрестки и даже на красный свет: милиция, с воем сирен едущая впереди, открывает нам путь. Когда мы подъезжаем к церкви Божией Матери Лоретты, милиционеры с гордостью несут раку⁵¹ и ставят у алтаря, где она и останется до самой Пасхи.

Этот регион – поистине непаханое поле для апостольской работы, да только желающих мало: слишком неблагоприятный климат – от минус сорока зимой до плюс сорока летом. И, что еще хуже, Оренбург – второй город в России по уровню криминальности. Нас принимают на даче сестер-служительниц Непорочной Девы, поселившихся там недавно. Их четверо: Маргена, Тереза, Марфа и послушница Оксана. С ними мы будем встречать детей, специально приезжающих из деревень увидеть Терезу. Они занимаются катехизацией в окрестных деревнях, где все приходится начинать с нуля, поскольку не осталось никакой религиозной культуры, никаких ориентиров...

Наша сестра Сара⁵² встречается с одним любавичским хасидом: это первый шаг к нашему участию в праздновании Седер Песах в синагоге на следующий день. У сестер очень теплые отношения с иудейской общиной Оренбурга, и их иногда приглашают на молитву. Мы встречаем ортодоксальных евреев, которые уже готовятся к празднику, достают из своих запасов бутылки кошерного вина с горы Кармил... Мы узнаем, что Седер будет проходить в синагоге, поскольку приглашены некоторые важные лица: двое «любавичских хасидов» из Тель-Авива, приглашенных раввином, чтобы навести порядок. Мы не знаем, хорошо ли это, поскольку один из них говорит Саре по-еврейски, что в этом году синагога не готова принимать женщин, и приглашает нас на следующий год. Сара, конечно, не слишком рада это услышать...

⁵¹ Они больше привыкли охранять мафиози, и наша святая произвела на них большое впечатление, поэтому они очень старались оказаться на высоте.

⁵² С сестрой Сарой мы прожили вместе два года в общине в доме эфиопов на границе религиозного квартала Меа Шеарим в Иерусалиме.

Все эти городки, когда-то населенные немцами Поволжья, обезлюдели во время перестройки. Число католиков сократилось наполовину, и «исход» все продолжается. С экуменической точки зрения это место особое, как все места, где люди много страдали, вместе боролись с теми, кто был сильнее их, их различий и разделений. В первый же день к Терезе пришли евреи, мусульмане и православные. Во время Мессы мы были удивлены, увидев в первом ряду группу лютеран, которые чувствовали себя несколько стесненно и не знали, как себя вести. Не говоря уже о милиционерах – первых плодах терезиной миссии, которые вернулись вместе со своими семьями. После Мессы один из них, по имени Сергей, явно глубоко тронутый присутствием Терезы, воскликнул: «Удивляюсь, как можно ее не любить!»

Великая Среда в компании хасидов

Нас пригласили в храм на встречу с детьми. В 1932 году храм был закрыт и разорен. В 1993 его вернули, но нужны были большие реставрационные работы. Поскольку здание использовалось в качестве обувной фабрики, оно было разделено на несколько этажей. Отец Григорий показал нам альбомы с фотографиями храма во время реставрации: все время, пока она шла, он в любое время года и в любую погоду спал в своей маленькой «Ладе». В 1997 году монс. Кондрусевич освятил церковь заново. Отец был очень горд, показывая нам подвал, в котором ему удалось обустроить несколько помещений для детей: комнату для отдыха, для игр, для катехизации. Зайдя в примыкающие строения, мы побывали в библиотеке и компьютерном зале, где происходили учебные занятия: около пятидесяти студентов – представители всех конфессий – изучали там философию, богословие, догматику, иностранные языки. Там, например, преподавала дочь муэдзина и учился муфтий. Город Оренбург известен тем, что он поддержал Дмитрия Самозванца, который узурпировал престол, объявив себя последним сыном и наследником Ивана Грозного; чтобы склонить на свою сторону короля Польши, он обратился в католичество и обещал обратить в католичество Россию. Этот дух все еще ощущается в католическом приходе...

На закате солнца, по приглашению нескольких иудеев мы все же пришли в синагогу, и как раз в момент, когда раввин начал пасхальную Агаду. Мы сгрудились у дверей, чтобы побыть на Песахе в переполненном и весьма колоритном зале. Двое наших братьев, только что приехавших из Израиля, всеми силами, но безуспешно пытались утихомирить гвалт, достойный иерусалимских базаров.

Надо было найти козла отпущения, и сам Бог указал на нас. Суровым тоном нам велели следовать за одним из братьев-иудеев на выход. На иврите он спросил нас, что мы тут делаем, и на наш ответ на иврите же: «Пришли посмотреть», – сказал: «Посмотреть, но не поболтать!» Мы замолчали, но ненадолго, потому что со всех сторон на нас посыпались вопросы, и в результате получился очень симпатичный разговор. Нам дали попробовать горькие травы, дали мацы и по бокалу вина, сопровождая все это веселыми восклицаниями.

Один из членов общины, не преминув заметить, что это запрещено, предложил даже снять их молитву на камеру, надеясь потом получить фильм. Одна молодая женщина пожелала нам удачи в миссии и попросила поприветствовать Святейшего Отца от имени еврейской общины Оренбурга. Мы покинули синагогу под пение «Лешана абаа бирушалаим!» (На следующий год в Иерусалиме), счастливые, что нам все же удалось на этой Страстной Неделе присоединиться к молитве братьев-евреев в тайной компании Терезы.

Великая Пятница с великим муфтием Абдул Ахмаром

Местное телевидение выпустило про Терезу передачу, и храм каждый день побивал собственные рекорды посещаемости. Вечером в Великий Четверг на Мессу пришли один брат-лютеранин и один православный священник.

«Цветочки» Терезинового посещения все множились: одна женщина увидела во сне, что Тереза просит ее помочь, и поэтому пришла в церковь; другая пришла с больной рукой, а вышла здоровая. Третья принесла одежду своего тяжело больного ребенка и долго молилась у раки; одна красавица-мусульманка пришла помолиться о племяннике-наркомане и муже, который ее оставил, и молилась несколько часов.

В Великую пятницу у нас была назначена встреча с муфтием Абдул Амаром в мечети. После недолгой прогулки по центральному бульвару Оренбурга, где витали ароматы Востока, мы вошли в мечеть, где нас встретил муфтий, легко разрешивший снять внутренность мечети и охотно ответивший на наши вопросы. Одна женщина-мусульманка, с которой мы долго разговаривали, поделилась своей печалью по поводу того, что мусульмане теряют веру. Что касается муфтия, он явно искал диалога с братьями христианами и признался, что каждый год в Страстную Пятницу приходит на службу поклониться Кресту. И правда, мы увидели его потом на службе, благоговейно преклоняющим колени перед Крестом. В довершение всего, выйдя из мечети, мы тут же встретили одного из тех евреев, что приехали из Израиля, и долго говорили с ним. Казалось, Тереза влечет к себе всех!

С Оренбургским муфтием

По польской традиции вечером совершалось бдение у Гроба Господня, несколько смущавшее нас фигурой Христа местного производства, в натуральную величину. Потом в своего рода пещере или нише она оставалась выставленной на протяжении всего пасхального времени. Но казалось, собравшихся это не смущало, людей было много, все были очень сосредоточены.

В Навечерие Пасхи мы вдруг поняли, как трудно этим людям войти в пасхальную радость: у всех была позади тяжелая история, от которой трудно освободиться; к тому же духовность в этом приходе носила оттенок долоризма*, акцента на страданиях. Но Тереза была рядом и изливала свой бальзам нежности. Около десятка взрослых приняли крещение. Служба закончилась относительно рано из-за прекращения работы транспорта, и мы были счастливы, что можем разделить пасхальную радость с сестрами и воспеть: «Аллилуйя».

На следующий день на пасхальной Мессе храм был полон – собралось больше семисот человек. Никогда в эту маленькую церковь в Оренбурге не приходило больше народу. К мощам выстроилась длинная очередь, много были православных, у которых было Вербное Воскресенье, хватало и мусульман. Один из них спросил нас, может ли он просить

* Долоризм (от лат. «dolor» – горе, грусть, печаль, скорбь) – учение о пользе и нравственной самооценности страдания.

Терезу о такой милости – встретиться с красивой соседкой, в которую он влюблен. Вечер закончился безуспешными попытками отправить отчет в Лизьё через Москву по факсу, равно как и скопировать наше видео перед завтрашним отъездом. Словно кто-то боролся с нами, и отцу Григорию пришлось провести там часть ночи.

Сестры признались нам в тайном желании построить маленькую часовню, посвященную святой Терезе, куда можно было бы приходить молиться в этом бедном регионе на границе Европейской и Азиатской России. Они хотели бы иметь частицу мощей в постоянном распоряжении, и этот проект потом увидел свет.

Мост через Тальменку

Западная Сибирь

С 5 по 20 апреля 1999

На пути в Сибирь в неделю Октавы Пасхи

В жизни немного: только любить Любовь. (Золотая книга⁵³. Сибирь)

В понедельник после Пасхи отъезд был назначен на очень ранний час из-за милиции, которой предстояло сопровождать нас до границы Башкирии⁵⁴. Присоединившиеся к нам отцы Григорий и Станислав Помыкало (Общество иезуитов) должны были ехать впереди нас на машине. Но отец Станислав решил, что нам не нужен эскорт, поскольку «Тереза может сама постоять за себя» (с чем мы все согласились), и мы продолжали путь уже без защиты.

По дороге нам нужно было остановиться в Уфе, столице Башкирии, в приходе, который содержала община Семья Марии, но машину отца мы встретили на пути. Он возвращался из пригорода, и у него только что случилась серьезная авария: после механического повреждения он потерял колесо своего ГАЗика и приехал одновременно с нами, поэтому ничего не было готово, и пришлось искать носильщиков для Терезиной раки в магазине на углу. Тереза явно любит, чтобы ее носили незнакомцы, и все разрешилось довольно благополучно, хотя пришлось потерять драгоценное время. Мессу служили поспешно, поскольку нам надо было уезжать, но это не мешало собравшимся молиться всей душой. В тесной часовне мы были стиснуты как сельди в бочке, людям словно хотелось остановить время, и Тереза наполняла пространство и сердца.

И вот мы снова на пути – теперь в Челябинск, куда мы приехали больше чем с часовым опозданием. На въезде в город какая-то машина с портретом святой Терезы вдруг начала подавать нам сигналы: это оказался ожидавший нас отец Вильгельм. Казалось, опоздание ничуть не беспокоило его, так он был рад принять святую в своем приходе Непорочного Зачатия.

⁵³ Фразы и впечатления, которые записывают люди, приходящие молиться, в книгу, специально для этого положенную у входа в храм или около раки.

⁵⁴ Между Волгой и Уральскими горами на востоке Европейской России.

Мы подъехали к церкви из красного кирпича, удивительную со своей голубой колокольней, выделяющейся на сером фоне уродливых современных зданий промышленной зоны. За красоту ее приняли все. Мы были очень тронуты тем, как естественно и радушно нас приняли в этом приходе. Его отцы (немецкого происхождения) состояли в общине фоколяров и поистине излучали радость.

Главное здание церкви было еще на реставрации. Мессы служили в часовне, слишком маленькой, чтобы вместить всех верующих. Было много молодежи. Жили мы у сестер-американок Святой Агнессы⁵⁵, происходивших из немецких семей Поволжья. Некоторые из этих семей эмигрировали в Америку. Сестры проделали там прекрасную работу по социальной реабилитации и изучению Библии, чтобы повысить социальный уровень бедных и позволить им выйти из порочного круга, в котором они находились. Было очень холодно, но это не помешало молодежи прийти и молиться около Терезы всю ночь.

На следующий день служили Мессу для больных, поэтому все в приходе было организовано так, чтобы собрать их как можно больше. Этот регион Башкирии, что в переводе означает «Светлая вода», в 1957 году пережил большое потрясение из-за подземного взрыва радиоактивных отходов. Погибло 200 человек, 10 000 пришлось эвакуировать, а 470 000 подверглись радиационному облучению. Последствия других несчастных случаев сказались на трех поколениях, и именно этим объясняется такое количество больных. Прихожане были очень тронуты: по такому случаю одна бабушка принесла статую Воскресшего Христа, которую хранила все годы преследований. Это единственное, что осталось от прежней церкви. Отец Петер поблагодарил бабушек за то, что они никогда не оставляли молитвы и всегда были подобны закваске в тесте (одна из них не приходила в храм уже семьдесят лет!). Икона отца Зенона была окружена горящими свечами, которые ставили люди. Отношения с православными верующими и митрополитом были очень теплые, а вот со священниками – гораздо сложнее.

Часовня была полна детей: около 200 ребят приехали из окружающих деревень. Одна пятилетняя девочка пожелала стать монахиней и очень долго стояла у раки. Отец Вильгельм, рассказывая о святой Терезе и призывая их к святости, сумел привлечь все их внимание. Вторая половина дня прошла в чудесных разговорах с прихожанами.

Многие прочитали о приезде Терезы в местной газете. На вечерней Мессе было много народа, и не только членов приходской общины, но и горожан, которые, услышав о святой Терезе, пришли впервые. Она ни минуты не оставалась одна. На

⁵⁵ * Конгрегация Сестер Святой Агнессы – римско-католическая религиозная община для женщин, находящихся в Фон-дю-Лак, штат Висконсин, США.

протяжении всей ночи у раки находились бодрствующие. (Золотая книга. Челябинск)

После Мессы отцы пригласили нас на пятый этаж часовни без лифта (епископ, желая быть верным духу бедности, от него отказался). Двое из отцов учились в семинарии в Восточной Германии. Они признались нам в желании иметь частицу мощей Терезы для церемонии освящения храма, которое епископ Верт должен был совершить 15 августа. Молодая прихожанка Ирина, ощутившая внутренний призыв к посвященной Богу жизни, написала письмо настоятельнице монастыря кармелиток в Лизьё, в котором сравнивала Терезу с «голубем, не вернувшимся обратно в ковчег». Ее просьба была услышана!

Мы были буквально осаждены людьми, желавшими поговорить. Даже рабочие со стройки были очень тронуты и задавали много вопросов. Но ровно в два часа дня за нами приехал отец Станислав, чтобы везти в Екатеринбург. А Тереза опять нам «подмигнула»: когда мы выходили, несмотря на яркое солнце, шел снег!

Екатеринбург

Мы приехали в Екатеринбург вечером и из-за недоразумения оказались на посту ГАИ. Несмотря на этот инцидент, до прихода Святой Анны мы добрались вовремя. Церковь была встроена в огромное здание американского консульства, неподалеку от места, где находился прежний храм (настоятеля которого расстреляли после Октябрьской революции). Сам храм был секуляризован, а потом, около 1960 года, снесен. Место стало круговой развязкой для машин. Приход был вновь открыт в 90-е годы, и нынешняя маленькая церковь построена на месте, где раньше был хлев. В 1941 году все военные предприятия Москвы перенесли в Екатеринбург, чтобы спасти от немецких бомбардировок, и регион был объявлен закрытой зоной, каковой и оставался до 1991 года. В городе несколько раз свирепствовали ужасные эпидемии, вызванные спорами, которые как-то случайно выскользнули из военной лаборатории по производству биологического оружия.

Еще раньше нас отец Эрве Гослен приезжал проводить реколлекции о Терезе. Пришло несколько кинооператоров. Храм был набит битком. Терезу ждали, ей приготовили прекрасный временный алтарь, дети в традиционных костюмах разбрасывали розовые лепестки. Приход хорошо приготовился и не пустел ни на миг. Потом мы разделили ужин с двумя польскими отцами – Ярославом и Георгием и сестрами-палотинками – Каролиной и Агатой, жившими в бывшей квартире раввина, которая прежде служила синагогой.

После этого мы пошли к Леониде – святой женщине, матери одного из петербургских семинаристов. Она приняла у себя отца Георгия, когда он приехал из Польши, поскольку никаких пастырских структур еще не было. Пришлось все создавать заново, и к тому же его нужно было учить русскому языку. Она рассказала, что прекрасная роза, которую отец Ярослав подарил ей на день рождения несколькими днями раньше, и которая уже было завяла, с приездом Терезы вдруг снова ожила!

После вечерней Мессы в полном храме, прошедшей при большом воодушевлении собравшихся, группа православных (около тридцати человек) попросила разрешения поговорить с нами и задавала нам множество вопросов. Они недоумевали, что, оказывается, этих странных католиков интересуют мощи святых...

Тюмень

Во время Мессы молились очень горячо, и благодаря Терезе отец Георгий вдруг понял, что только любовь и доверие могут исцелить Россию. За его проповедью следовало длительное, глубокое и наполненное молчание, а когда мы выносили раку, одна женщина сказала, что у нее прошло давно и сильно мучившее ее колено.

Наконец с большим опозданием нам удалось уехать в Тюмень. Однако шофер Иван проявил чудеса мастерского вождения, и мы приехали в церковь Святого Иосифа вовремя. Закрытая в советское время, она служила по очереди складом, студенческим клубом, спортивным залом и концертным залом, а вернули ее только 25 декабря предыдущего года. Малые сестры из Словакии – Людмила, Петронилла и Консолата, к которым приходили не часто, рассказали, что их жизнь здесь вначале, шесть лет назад, была более чем скромной... Рассказали и о распространении сект, о том, как трудно нести Евангелие в деревни, катехизировать: сначала приходится объяснять людям самые элементарные вещи о жизни. Люди очень внутренне неустойчивы, и после крещения дожидаться от них постоянства трудно. Это малое стадо сильно разделено. Чем больше мы ехали в восточном направлении, тем беднее там было население, но приезд Терезы становился для них чудом, словно пробуждавшим от душевной спячки: будто само небо спустилось на землю, и их воодушевление было безгранично.

Дорогая Тереза Младенца Иисуса, мы благодарим Бога, подарившего нам этот цветок – тебя, ибо ты – цветок для всей Церкви. Ты помогаешь людям понять, что Господь смотрит на сердце каждого человека и дает благодать и помощь, чтобы творить добро». (Золотая книга. Тюмень)

После сердечного прощания отец Казимир проводил нас в приход Святых Петра и Павла, располагавшийся на «даче» в пос. Омутинском, примерно в сотне километров от города. Там нас ждало много сирот и детей из трудных семей, пришедших из местного приюта. Региональное телевидение взяло интервью у отца Станислава. Дача-часовня оставалась открытой всю ночь.

Тереза, сделай так, чтобы мы жили одной семьей и помогали друг другу. Мы благодарим Господа Иисуса за то, что нам недавно вернули здание церкви, хотя нужно еще много работать и молиться, чтобы вернуть ей облик Храма Божия. Ты хотела проводить свое небо, творя добро на земле; сделай же нас твоими руками, чтобы мы могли благовествовать о Господе Иисусе Христе, чтобы наша община несла миру добро и свет Божий. (Золотая книга. Тюмень)

Омск

Мы снова отправляемся в путь к Ичиму, в приход Милосердия, с небольшой остановкой в Саргатском – единственном в России приходе, посвященном святой Терезе. Это смешанный греко-католический и римский приход; там нас ожидают верующие обеих традиций, и мы очень сильно ощущаем молитвенное ходатайство Терезы о единстве Церквей. Нам выпадает радость впервые спеть на церковно-славянском языке гимн в честь Терезы, написанный отцом Георгием Чистяковым. Мы оставляем им частицу мощей, которую они вернут на следующий день вечером, и уезжаем в Омск⁵⁶ в сопровождении отца Мартина. Снова переводим часы на час вперед и с полуторачасовым опозданием приезжаем в храм Сретения, где какая-то журналистка, посланная спецслужбами, пытается застичь нас врасплох своими дикими вопросами. Сестра Кристель со свойственной ей тонкостью предлагает встретиться на следующий день, когда мы будем посвежее, потому что сегодня очень устали. Люди ждут нас уже два часа, и это уже третья наша Месса. Ночевать нам предстоит у сестер Паолы, Марии и Анны – двух немок и австрийки, Миссионерок Христа, которые живут здесь уже четыре года и работают в «Каритасе».

На Мессе мы встречаемся с Алиной – молодой православной, которая вернулась с миссии мира из Чечни с маленькой иконой святой Терезы, которую ей подарили в приходе Святых Космы и Дамиана в Москве. Получив этот подарок, она осознала, что всегда

⁵⁶ Омск был местом каторжных работ, и среди его узников было много известных людей, в частности, Достоевский, написавший потом об этом периоде своей жизни «Записки из мертвого дома».

почитала Терезу. Вернувшись в родной город, она узнала, что Тереза будет там проездом, была поражена этим совпадением и весь день оставалась в храме и молилась. После Мессы небольшая украинская греко-католическая община пришла отслужить молебен и спела Терезе акафист. Сестра Кристель вместе с отцом Мартином уехала на миссию на Иссык-Куль (в 150 км). В маленькой церкви-даче собралось человек сорок из окрестных деревень, в основном бабушки, несколько молодых и дети. Видно, у Младенца Иисуса все маленькое: отец Павел осторожно положил частицу мощей на мини-алтарь, рядом с Иисусом с маленьким букетом роз, и каждый вновь ощутил себя ребенком. Мы молимся, разучиваем несколько песен Терезы, в молчании поклоняемся Господу и возвращаемся поздно вечером.

Однако журналистка не потеряла надежды и снова пришла взять у нас интервью. Но так случилось, что атмосфера молитвы, присутствие Тереза, проповедь отца Станислава произвели на нее большое впечатление, и в результате она со слезами открыла нам сердце, признавшись, что пережила глубокий опыт Божественной любви. Она и впрямь кажется совершенно другим человеком. Рядом с Терезой, слушая отца Станислава она чувствовала неведомые ей до сих пор радость и сердечную теплоту. Церковь, как обычно, оставалась открытой всю ночь.

Спасибо, Тереза, что твои мощи привезли к нам в Омск. Прошу: будь нашей заступницей и заступницей нашей украинской общины, да сопровождают нас во всех наших делах мир и благодать, да научимся понимать друг друга. Моли Бога о нас, чтобы мы получили возможность построить свою церковь.

Игорь (Золотая книга. Греко-католический приход Омска)

Прощай, Омск, здравствуй, Новосибирск!

Ранним утром мы снова в пути и приезжаем в Новосибирск на два часа раньше. Однако Господь позаботился и об этом, и мы потратили сорок минут на въезде в город из-за наводнений и объездов. Это дало нашей маленькой нормандской кармелитке время убедить отца Станислава (настоятеля прихода, образованного польского иезуита), что не стоит сначала ехать к нему, в «Каритас», а лучше первым делом навестить подопечных сестер Матери Терезы. Там мы провели благословенные полчаса. Сестры, которых мы застали за работой, уже готовившиеся уходить, понесли Терезу с радостью (несмотря на ее вес!) и даже, казалось, без усилия, будто она неожиданно стала легкой.

Поспешно поставленная в коридоре и окуренная сигаретным дымом, она собрала все спонтанные комментарии и молитвы их подопечных, которые те бормотали своими беззубыми ртами между двумя папиросами. Это было колоритно, но так по-настоящему! Еще раз бедняки поразили нас.

Потом мы поехали в собор Преображения, где монс. Иосиф Верт хотел встретить Терезу прямо около микроавтобуса. Так что и раку, и икону сопровождал кортеж из священников, монашествующих и семинаристов. Монс. Верт даже отложил свой отъезд за границу, чтобы увидеть Терезу, которая посетила его в день восьмой годовщины хиротонии. Кроме того, это была годовщина учреждения апостольской администрации Сибири и его назначения Апостольским Администратором.

Приехало телевидение, было много камер и журналистов, освещавших событие в средствах массовой информации; приходили со всех сторон. Вечером нас приняли у сестер – служительниц Евхаристии, среди которых было две родных сестры монс. Верта. С их помощью ему удалось вновь вдохнуть жизнь примерно в тридцать небольших приходов, основную часть которых составляли католики немецкого происхождения.

В тот вечер мы оценили качество приема. Надо сказать, что со всей этой огромной территории священники были изгнаны или репрессированы, и в 1939 году официально оставался лишь один. Однако некоторым из них как-то удавалось на протяжении многих лет продолжать служить и действовать тайно.

В приход Преображения бесконечно стекались люди. Было много молодых, многие пришли впервые в жизни. Видно, Тереза привлекла их ей одной известными средствами. Человек тридцать молодежи лет примерно 18-25, несколько бездомных и люди, которых никто никогда не видал в церкви, оставались там всю ночь.

Посреди всего этого нам наконец удалось связаться по телефону с Францией, это было настоящее чудо. Вечер прошел за сортировкой фотографий: у нас уже образовалась значительная документация.

Храм Непорочного Зачатия находился на другом конце города, в бедных кварталах. Это был францисканский приход, на протяжении долгих лет он один был в Новосибирске действующим, пока, за два года до нашего приезда, не построили собор. Храм был полон, община бедная, но очень живая. Мессу служили на немецком, и многие из приходивших были членами семей депортированных немцев.

Потом мы побывали у Сестер матери Терезы и у Сестер Святой Елизаветы, содержавших приют для сирот. Туда месяцем раньше, после Москвы, приезжала петь Сильви Бюиссе, и все вспоминали об этом с большим чувством.

Отец Конрад рассказал, как двадцать лет назад, когда он был семинаристом, Тереза как-то всю ночь говорила с ним под большим дубом и поручила ему проповедовать Божественное милосердие...

Мы хотим поблагодарить всех священников новосибирского собора за их доброту, искренность и их простой труд, за их улыбки, которые делают наше общение гораздо проще и приятнее. Мы, православные христиане, пришли поклониться мощам святой Терезы и попросить ее даровать нам частицу любви, которой мы могли бы делиться с ближними. Господь да будет со всеми нами! Аминь. Борис и Люба, 14 апреля 1999 г. (Золотая книга. Новосибирск)

Мы все дальше углубляемся в сибирские пространства

Очень рано мы уезжаем в Барнаул⁵⁷ с молодым отцом Андреем, который едет в Бердск (160 км от Барнаула), чтобы в одиночку основать там приход. Он говорит, что православный митрополит в местном журнале резко раскритиковал приезд мощей Терезы, поэтому настоятель прихода обеспокоен. Дорога хорошая, погода солнечная, и мы снова с городской милицией во главе приезжаем в снятый по случаю театральный зал, поскольку часовня Христа-Царя слишком мала.

Многочисленное и разнородное собрание очень украшает душевная община армян. Отцы Жак и Гаэтан хорошо подготовили приход. Времени мало, но благословения льются как из рога изобилия. На время мы оставляем им икону Терезы и снова отправляемся в дорогу.

Нас останавливают ГАИшники довольно бандитского вида, почему-то спрашивают: «Все хорошо?» и отпускают.

Недалеко от Тальменки нас ждет отец Томас и провожает в приход Святых Петра и Павла – сборный голубой домик, очень хорошо обустроенный, где нас встречают песнями под гитару в исполнении сестер Екатерины, Терезы, Марии и Хильдегарды. Уже несколько лет они работают в приходе. Пришла горстка детей и бабушки, которые очень взволнованы и не решаются поверить, что действительно видят Терезу.

⁵⁷ Один из самых древних городов Сибири. Католики снова получили там приход в 1990е годы, но церковь, которая стала аптекой, им не вернули.

Барнаул

Церковь красиво украшена цветами, и Месса начинается. Молодой отец Томас не говорит по-русски, поэтому сестры переводят. Все продумано, хорошо организовано, и отец Станислав пользуется случаем, чтобы устроить приходской общине небольшие реколлекции. Бабушки, которые заботятся о приходе, не отходят от Терезы ни на шаг. Мы стараемся найти время для поклонения Святым Дарам. Но – о вожденная тишина! – они не умолкают: читают розарий, литании Святейшему Сердцу, Непорочному Сердцу Марии, новенны и т.д... Их вера трогательна, но молиться решительно невозможно! Мы выходим посмотреть на подвесной мост через реку на деревянных бревнах – единственный в своем роде, и немного отдыхаем в тишине. Всю ночь в храме продолжается поклонение, но на этот раз более безмолвное.

Сестры Сара и Кристель живут у Любы – деревенской женщины, матери троих сыновей, младший из которых служит в армии неподалеку. Но вот сюрприз! Только все передеваются в пижамы, как раздается стук в дверь и на пороге стоит солдат в полном обмундировании! Пережив минутное смятение, сестры знакомятся с сыном Любы Максимом, которому дали увольнительную, чтобы он мог поклониться мощам Терезы.

Сконфуженный тем, что напугал сестер, он переодевается в гражданское и идет в храм, где проводит всю ночь, прося Терезу об исполнении своего желания стать священником.

Мы переводим часы еще на час вперед. Прощание с нами проходит под радостное пение аллилуйя под гитару.

В это время отец Рольф ведет переговоры в Москве, и я счастлива узнать, что, кажется, нашелся способ издать автобиографические рукописи Терезы, которые появятся на русском языке в виде журнала «Огонь и свет».

Шофер Иван

В Барнауле нас ждет вся община, мы забираем икону. Прихожане пользуются случаем, чтобы еще раз попрощаться с Терезой, не покидающей машину, и мы расстаемся со слезами, чтобы продолжать свой путь – теперь в Прокопьевск. Дорога плохая. В конце концов нам приходится остановиться в небольшой деревне рядом с дорогой. Место пустынное, по улицам бегают бездомные собаки. Мы стараемся не разговаривать, потому что настроение мрачное: кажется, шофер Иван ничего не видит, но старается не падать духом и с невероятной точностью и мельчайшими подробностями рассказывает нам о самых отдаленных событиях своей жизни. В его лице Тереза обретает великолепного хрониста. Он православный, и говорит, что не очень ею интересовался, пока священник, который время от времени использовал его как шофера, чтобы дать ему работу, не попросил отвезти его в Самару за ракой. В то время он очень страдал от болей в пояснице и хронического радикулита, не дававшего ему спать по ночам. Несмотря на ночную усталость, по прибытии он вдруг почувствовал желание предложить свою помощь в переноске большой раки. К его собственному изумлению, он сделал это без труда и испытал огромную радость. А после заметил, что боли прошли, и ночью он спокойно спал. Вот в чем, оказывается, был секрет его хорошего настроения!

Скоро мы снова выехали на дорогу и, в конце концов, с некоторым опозданием приехали на место встречи с отцами Ярославом и Дарием из Кемерово и Томасом (ирландцем), и были рады узнать, что отец Дарий (из Москвы) поехал на миссию вместе с ними. Они взяли икону и два малых реликвария, и мы с отцом Ярославом и несколькими прихожанами, приехавшими встретить Терезу, поехали дальше.

О приезде Терезы в Кемерово рассказывается в письме отца Тони, написанном в монастырь Лизьё:

В нашем приходе мощи находились с 18 по 20 апреля. От места, где мы должны были встретить мощи, до сих пор около 200 километров, но поскольку их везли из другого

места, по сравнению с запланированным расписанием образовалось три с половиной часа опоздания. Я приехал в Кемерово первым и около 8.30 начал служить Мессу с людьми, ждавшими в церкви, а рака (икона, рака и крест) прибыли как раз тогда, когда я заканчивал чтение Евангелия. Проповедовал отец Дарий, молодой конвентуальный францисканец, мы подходили к мощам, а потом Месса продолжалась.

Когда она закончилась, францисканец посмотрел в окно и сказал, очень довольный, что снаружи снежная буря. Снегопад был очень густой. Я не суеверен и с трудом верю в чудеса (может быть, поэтому не имею личного опыта переживания чудес), но тут я воспринял этот снегопад как особый знак Божьего благословения, данного через Терезу. За день или два до приезда мощей казалось уже, что весна наступила бесповоротно, и почти весь снег растаял. 18-го был очень солнечный день, ничто не говорило о возможном снеге, и все-таки было чувство, что он пойдет. Можно сказать: «Но ведь это Сибирь!», – и все же его обилие и тонкая взаимосвязь с приездом Терезы не оставляли у меня сомнений, что это было ее желание, а Божие провидение довершило остальное.

С вашей стороны было очень смело отпустить мощи в такое путешествие. Если бы я был членом вашей общины, думаю, я проголосовал бы против; ведь речь шла об очень неблагоприятной стране, где возможны любые несчастные случаи. Однако теперь, после визита Терезы мне кажется, что Господь думает иначе...

Самый безобразный город, который мы когда-либо видели

Прокопьевск – один из главных центров добычи угля в Сибири. Этот город, построенный вокруг шахт, имеет тяжелое прошлое: сюда привезли тысячи русских, украинцев и поляков на поистине рабскую работу в шахтах. Большинство жителей – дети или внуки депортированных, выживших в тех страшных условиях. Церковь Божией Матери Неустанной Помощи, маленькая сборная церковь голубого цвета, каких мы видели уже много, была переполнена. Люди ждали нас уже больше двух часов, и, когда мы приехали, начался сильный снегопад.

Община состоит из украинцев греко-католического вероисповедания и поляков, принадлежащих к Римской церкви, а их пастырь, отец Ярослав, служит оба обряда.

В 1975 году редемптористы послали его в помощь одному немолодому святому священнику, который уже много лет тайно служил в этом регионе и одновременно работал на шахте, чтобы не привлекать к себе внимания. Несмотря на преследования КГБ, допросы, угрозы, постоянные задержания, они с Божией помощью и благодаря молитвам прихожан держались. Поле их деятельности и теперь очень ограничено, они не могут ни заниматься

катехизацией, ни проповедовать за пределами храма. Тем не менее, церковь была полна всю ночь.

Отец рассказал нам, как одиноко себя чувствовал после смерти старого священника, который был его другом и духовным отцом. Редemptористы попросили его доставить тело умершего на Украину, так что не осталось даже могилы. Несколько итальянских сестер попытались приехать и работать с ним, но не удержались тут: их выжили спецслужбы, по-видимому, еще сохранившее в этом регионе свое влияние. Апостольство отца Ярослава очень ограничено; он не имеет права посещать людей в больницах и должен ждать, чтобы люди приходили к нему. Его постоянно вызывают на беседы в службы безопасности, и он должен им отчитываться.

Разделив с ним очень сердечную трапезу в доме, который в годы гонений служил приходом и еще теперь словно наполнен молитвой старого священника, умершего от изнурения и в ореоле святости, мы идем ночевать к прихожанке Жене, дочери депортированных родителей, муж которой погиб на шахте: однажды он просто не вернулся с работы, оставив ее с двумя маленькими детьми. Сын ее умер в возрасте четырнадцати лет от рака дыхательных путей. Она отдала в наше распоряжение весь свой дом.

На следующий день служили византийскую литургию. Чтобы поприсутствовать на службе в годы гонений, все эти верующие, с которыми у нас были такие прекрасные разговоры, приходили ночью на кладбище. Они были так взволнованы, что Тереза приехала к ним, они так привыкли к ощущению, что никому до них нет дела! Их экономическое положение тоже ужасно. Рядом с ними ощущаешь тяжкое, невыносимое бремя нищеты и горя, но сами они держатся мужественно и достойно, не жалуются; зато их лица, словно вырубленные из камня, и узловатые пальцы говорят сами за себя. Их стойкость и вера поразительны.

Отец Ярослав со своим микроавтобусом, который подарил ему Святейший Отец (правда!) берет на себя роль таксиста и развозит бабушек: чтобы приехать в храм, им приходится проделать долгий путь в полуразвалившихся автобусах, поскольку храму выделили место, очень далекое от центра (впрочем, это фигура речи: в этом городе нет центра). Вместе с ними мы едем посмотреть город – самый уродливый из всех когда-либо виденных... На улицах сплошные ухабы и трубы, тянущиеся на километры; дома темные, обветшавшие. Нужно быть безумным или святым, чтобы решить добровольно здесь поселиться. Отец Ярослав, видимо, и то, и другое! Он рассказывает нам о своих конфликтах с ФСБ.

Перекусив у него, мы находим время для безмолвной молитвы, и оно нам действительно очень нужно, чтобы предать Богу все эти лица и ситуации, все, что мы видели и слышали, и чего нам самим не снести.

Уезжаем мы на следующий день утром после Мессы, которая на сей раз служитя по римскому обряду. Чтобы удовлетворить своих прихожан и избежать разногласий, отцу приходится все время чередовать обряды. Верующих приходит много, и они вновь горячо молятся, хотя церковь была открыта всю ночь.

По дороге в Кемерово, 20 апреля

Мы должны воссоединиться с группой из восточной Сибири: с отцом Майклом Шилдсом из Магадана, который организовал миссию в восточной Сибири, Джоном из Дома Мадонны и с отцом Дарием, который продолжает путь с нами.

Наша короткая остановка в его приходе Святого Духа не обескураживает отца Тони (настоятеля Кемеровского прихода), который, видимо, был очень счастлив тем, что ему удалось на какое-то время заполучить икону, и хотел принять у себя большую раку. Но это оказалось невозможно: Терезе было не пройти внутрь, и мы смогли только отслужить молебен в бедненьком садике-огорожке прихода, а раку поставить на бочку, заменившую ей пьедестал. Отец Дарий провел ночь в молитве около иконы: «Тереза приехала оросить землю России, – заявляет он. – Ее присутствие в этом маленьком заброшенном в глушь приходе подобно Рождеству: оно проходит незамеченным, как рождение Иисуса в Вифлееме, свидетелями которого стали лишь несколько пастухов. Тереза проходит по России, как бы поливая землю, уже засеянную семенами мученичества»... В этих немногих словах он выражает то, что мы смутно ощущаем на протяжении всего путешествия. Накануне его задержала милиция за то, что он слишком быстро ехал, чтобы добраться в свой приход. Он подарил милиционерам книжку Терезы, и они, тронутые, отпустили его. Прихожане – бедные, беспомощные люди, – собираются вокруг раки и с доверием высказывают свои просьбы в этом холоде, под начинающимся, несмотря на солнце, густом снегопаде. После более чем скромной приходской трапезы мы уезжаем в Томск.

Томск

По приезду в Томск⁵⁸ раку ставят в часовне Сестер матери Терезы на время, нужное для подготовки к ее торжественному переносу в церковь Святого Розария, где многочисленное собрание уже ожидает ее, чтобы начать Мессу.

Томский приход – один из самых крупных католических приходов Сибири. В начале XX века в нем было пятнадцать тысяч прихожан самых разных национальностей. Приходская община очень живая и молодая, много больших семей. Храм был одним из первых, возвращенных Церкви после Перестройки, и отец Антон, русский по рождению, из семьи депортированных немцев, уже девять лет делает там замечательную работу. Новый православный митрополит – тот же, который раньше был в Магадане, и у отцов Майкла Шилдса и Антона сохранились с ним очень дружеские отношения. За две недели до нас приезжали братья Жак и Гаэтан, которые проповедовали о Терезе и подготовили сердца. Церковь открыта всю ночь, и отец Дарий с гитарой вдохновляет молитвенное бдение. Пришло много молодежи, всякого рода маргиналов и просто бедняков, ищущих прибежища около Терезы. Как повсюду, она привлекает тех, кто никогда раньше не приходил. В этом приходе родилось уже немало призваний к священству и монашеству: одна кармелитка в Киеве, две сестры-служительницы Евхаристии, пять семинаристов...

На следующий день людей несколько меньше, поскольку рабочий день, но верные бабушки по-прежнему тут. Наш дорогой Иван уезжает поездом в Оренбург и покидает нас. Мы поблагодарили его за «героическое вождение». Он охотно согласился на предложение отца Станислава довезти нас до Томска и с увлечением взялся читать книгу монс. Ги Гоше. О причине своей радости и о своем исцелении он сообщает только в момент отъезда, чтобы немножко дозировать эффект... О Терезе он теперь может говорить бесконечно.

Местное телевидение берет интервью у отца Станислава, и в церковь приходит много незнакомых людей, особенно молодых. В это время большая рака находится у Сестер Матери Терезы, опекающих бездомных и умирающих, от которых больницы отказываются, чтобы снизить показатели смертности.

⁵⁸ Томск – город-крепость, основанная царем Борисом Годуновым для защиты русской колонии от набегов кочевников. В наши дни город служит местом захоронения радиоактивных отходов.

На берегу озера Байкал

На пути в Восточную Сибирь

Суббота, 22 апреля – 5 мая 1999

«Нежность Отца, нежность Отца...» Отец Станислав оставляет нас, взволнованный и страшно уставший. В своей последней проповеди он не может сказать ничего больше, потому что плачет. Но это его лучшая проповедь. Тереза сделала свое дело, и проповедник проповедовал себе самому... Он передает эстафету очень довольному отцу Майклу Шилдсу из Магадана, и мы отбываем. Вот перевернута еще одна страница, и образуется новая команда. Сестра Сара прекращает свое путешествие с Терезой. Прощание с мощами она переживает уже с другой стороны – со стороны остающихся. Мы договариваемся о встрече в Москве в начале мая. Дальше едут неразлучные сестры Тамара и Кристель, отцы Майкл с Аляски, малый брат Иисуса, польский францисканец Дарий, канадский священник Джон из Дома Мадонны и новый русский Иван. Мы неуклонно продвигаемся к востоку. Следующий этап – Красноярск, и – догадайтесь! – да, опять крупными хлопьями идет снег, и отец Станислав, который яростно отрицал этот маленький знак Терезинового присутствия, несколько смущен.

В Красноярск

Перед нами – долгий путь, и по дороге мы останавливаемся в двух маленьких приходах, которые содержат отцы кларетины. Огромный отец Мартин встречает нас в Боготоле (250 км от Красноярска), а совсем юный отец Адам – в Ачинске (на 100 км дальше)⁵⁹, где нас ждет небольшая приходская община. После молитвы нас приглашают подкрепиться у сестер общины Крови Христовой, приготовивших настоящий пир. Едим мы поспешно, как евреи при Исходе, чтобы сразу после вернуться в приход и познакомиться с очень симпатичной общиной отцов-кларетинцев. Они издают литургические книги для всей Католической церкви России, открыли радиостудию. Мы вручаем им малые реликвии для посещения отдаленных мест, больниц, тюрем и одиноких людей... Они вернут их нам на пастырской встрече всех священников и монашествующих в Иркутской епархии, которая соберет всех на недельные реколлекции вокруг нового епископа Ежи Мазура и

⁵⁹ В 1930 году окрестности Ачинска были первым местом ссылки раскулаченных крестьян.

монс. Ги Гоше, приехавшего специально проповедовать о Терезе. По этому случаю настоятель кларетинов отец Антоний Бадуря назначен викарием епископа.

В Красноярск мы приезжаем поздно вечером, за 12 часов проделав путь в 400 километров. Икона Терезы отправляется к сестрам, а рака проводит ночь в главном доме кларетинов, поскольку красноярский храм, переделанный в концертный зал, еще не возвращен для богослужений, и отцы вынуждены арендовать его у города. Отец Евгений одновременно с мощами Терезы на две недели приехал из Африки, желая понять, есть ли у него призвание к служению в России. Его участь была решена! (Что потом подтвердилось). Отцы оставались на молитве всю ночь. У них было много что сказать покровительнице миссий...

Потом все встретились в красноярском приходе, где нас ждало большое и очень живое собрание. Церковь была прекрасно украшена цветами. Отец Дарий все очень тщательно организовал, и мы рассказывали многочисленные к тому времени «цветочки» Терезино путешествие по России.

Снова нас преследовали журналисты, желая узнать совершенно невероятные детали: каковы размеры Терезы в раке и не пытался ли ее кто-нибудь когда-нибудь украсть.

Священники при входе раздавали розы и предлагали приходящим принести их Терезе вместе со своими прошениями. Образовалась чудесная процессия. Рака почти проламывалась от роз, которые отец Дарий потом засушит и отдаст прихожанам, попросившим об этом для своих особых интенций.

У нас были интересные беседы с молодежью и супружескими парами. Уезжать пришлось поздно ночью: впереди был длинный (в 1200 километров) путь к кларетинам Иркутска, где готовились первые пастырские реколлекции Восточно-Сибирской епархии. Там нам предстояло встретиться и с монс. Ги Гоше, который должен был опередить нас на несколько часов.

Иркутск

Несмотря ни на что, мы приехали на четыре часа раньше срока, в тот момент, когда отец Игнатий Паулюс, настоятель иркутского прихода, вместе с прихожанами перед Мессой начал читать о нас первый десяток славных тайн розария. Тереза приехала в маленькую часовню в крипте прежней церкви Успения. В 1938 году после многих гонений церковь была секуляризована, а многие прихожане отправились в лагерь. В 1978 году ее

реставрировали, чтобы сделать концертным залом. В 90-е годы приходская община вновь получила право арендовать храм для богослужений по воскресеньям, когда не было концерта. Но крипта была в распоряжении прихода. После Мессы, когда мы собирались уходить, появился местный епископ Ежи Мазур. По «случайности» годом раньше я оказалась в Новосибирске в день Пятидесятницы и присутствовала при его хиротонии. Как раз перед ней я рассказала ему о нашем проекте. «Я очень люблю святую Терезу», – сказал он. «Так вот она сама к Вам придет», – ответила я. Этот неожиданный подарок очень его обрадовал, и он решил устроить первые епархиальные реколлекции именно во время посещения Терезы. Ему очень хотелось отслужить Мессу в ее присутствии, и эта Месса прошла в самой тесной компании.

В это время мы узнали, что монс. Гоше все еще не приехал. Его на 23 часа задержали в аэропорту из-за печати в паспорте, которую поставили не на том месте. Служащие признавали, что его документы в порядке, но печать стояла не там, где надо, и его хотели даже отправить назад во Францию. Но сам он рассказывал об этом с юмором: мол, «первую свою ночь в России я провел в ночном баре с блондинкой» (в зале ожидания Шереметьево). Понадобилась вся дипломатия московской нунциатуры, чтобы разрешить этот инцидент. Так что в Иркутск он приехал только в понедельник утром.

После этого нас пригласили к епископу, жившему в типично советской квартире в сером многоэтажном здании. Но двери были гостеприимно открыты, и принимал он нас тепло, по-отечески внимательно и заботливо как бывалый миссионер. Пастырскую работу выполняли священники, постоянно приезжавшие из всех концов Сибири, и несколько американских священников из Хабаровска и с Сахалина. Собрался весь маленький местный миссионерский мир. Одни шли за стол, другие – работать в секретариат, третьи – отдыхать или мыться, и все это происходило в тесном трехкомнатном пространстве. Епископ с полной безмятежностью встречал свое стадо. Мы сказали, что на следующее утро, в пять часов, можем поехать встретить монс. Гоше. Прихожанка «мама Ира» отдала в наше распоряжение весь свой дом. Джон вместе с Иваном отправились ночевать в гостиницу, достойную пера русских классиков – полную тараканов и служившую для почасовых ночных свиданий, неподалеку от паркинга. Слава Богу, только на одну ночь!

На следующий день монс. Гоше рассказал нам о всех своих невероятных приключениях, но, кажется, его настроение нимало не пострадало, он был весел и общителен.

Потом мы отправились в храм, который был уже полон. За ракой, от крипты к храму образовалась процессия. Мессу служил епископ Ежи Мазур. Было уже много священников и сестер, приехавших на пастырские реколлекции. Присутствовало и телевидение. Места было мало, и образовалось большое столпотворение. Монс. Гоше должен был проповедовать прихожанам, а потом провести встречу со священниками, но молодая переводчица, не привыкшая к духовной и религиозной тематике, растерялась и не справилась с задачей. На помощь ей тотчас пришла сестра Кристель. На встрече со священниками переводчицей была «мама Ира» и худо-бедно справилась. В воздухе решительно ощущался какой-то дух борьбы. Но благодать Терезы проникала и сквозь все эти препятствия. Это была не самая пустяковая «шалость» Терезы, но и благодать восполняла все!

Потом всех повели в небольшой ресторан неподалеку. Монс. Мазур пригласил всю свою маленькую общину. Так создавались и укреплялись связи и сердечные отношения между священниками.

Передышка на берегу Байкала

Пока шли реколлекции, епископ поручил нам монс. Гоше, и мы с радостью отправились на берег Байкала – одного из истинных чудес света. Это было великолепно. Тереза подарила нам прекрасный день отдыха. В сопровождении шофера Ивана, который шел в ресторан впервые в жизни, мы попробовали легендарного омуля⁶⁰. Официанток весьма заинтересовало то, что Джон рассказывал им о Терезе, и мы раздали им книжечки и фотографии. Ги Гоше был потрясен: «Когда я говорю о Терезе в епархии Байе-Лизьё, ее не знают, а на Байкале знают!»

По городу нас повозила прихожанка Инна Мария, преподавательница истории. Иркутск был расположен на перекрестке торговых путей, ведущих на Восток. Здесь жило много торговцев сукном, которые на свои деньги строили немало церквей, желая спасти свои души. Большая часть церквей была снесена, а многие из тех, что остались, так и не вернули для богослужений. Мы довольно долго пробыли на заброшенном кладбище – месте встреч местных наркоманов, и молились там, где когда-то совершалось массовое истребление интеллигенции страны. Их арестовывали ночью и говорили, что везут в лагерь, поэтому они брали с собой вещи; а их заставляли рыть канавы и расстреливали недалеко от

⁶⁰ Рыба, которая водится исключительно в этом озере. Она особенно вкусна в копченом виде.

дома. За два-три года до нашего приезда тела жертв решили эксгумировать, чтобы восстановить память о них, поскольку многие еще отрицали то, что произошло. В конце концов решено было создать памятник жертвам репрессий, чтобы во второй раз не совершать насилие, извлекая их из земли. Все равно опознание было невозможно, и документы не сохранились.

На берегу Ангары мы встречали школьников и молодежь. Они охотно подходили к нам, и мы старались их евангелизировать.

По возвращении монс. Гоше ко всеобщей радости устроил маленький фортепианный концерт. Потом, после выхода с Мессы – вечер отдыха в ресторане, вдохновляемый отцом Бадурой. Мы пели каждый на своем языке, и трио в лице отца Ги Гоше, сестры Кристель и моем с успехом исполняет «Прекрасную Францию», а за нею – «Тореадора» в фортепианном сопровождении отца Ги. Для священников, приехавших из очень отдаленных мест, это особо благоприятное время для общения: ведь иногда в этих местах ближайший приход находится в 800 километрах, и некоторые из священников отвечают за приходы, расстояние между которыми – до 2000 километров. На всю эту территорию, составляющую около половины пространства бывшего СССР, всего 24 священника. 8 сентября будет заложен первый камень собора, в котором будет храниться частица мощей Терезы, подаренная Лизьё. А год спустя, 8 сентября 2000 года, я буду потрясена видом огромного антисейсмического здания собора, выросшего как гриб на месте бывшего городского паркинга, который монс. Ги Гоше благословлял иконой Терезы в окружении местного духовенства. Мы стояли посреди машин, и место, находящееся недалеко от университета, на другом берегу Ангары, еще даже не было куплено! Строительство этого собора, как и курии и большого епархиального центра, в столь короткий срок изумили весь город, и многие поговаривали о чуде.

Вернувшись в город, мы попытались связаться по телефону с Игорем Ковалевским в Москве и с Казахстаном, чтобы обговорить наше дальнейшее путешествие, но безуспешно, связь была ужасная.

Вечером была Месса прощания с Терезой. Собралось много людей, и все читали «Историю одной жизни», которую монс. Гоше с удовольствием подписывал всем подряд. Отец епископ был очень тронут, прихожане плакали и, не переставая, пели. Им, как и всем, хотелось хоть немного задержать Терезу, но – не судьба, поскольку вечером мы улетали.

Джону пришлось потратить много сил, убеждая таможеню не разбивать раку молотком, чтобы убедиться, «что там нет наркотиков»! Наконец Терезу погрузили в

самолет, обернутую в казахское покрывало, поскольку защитный футляр в самолет не влезал. Мы все отправились собирать вещи, а после встретились в курии, где нас ждал монс. Мазур. Ги Гоше лишь на следующий день улетал во Францию через Москву, уповая, что обратный путь будет проще. Мы поспешно попрощались с несколькими священниками и сестрами, которые еще оставались там, – и вот мы на пути во Владивосток, и снова смена часовых поясов!

На краю света

Прилетев во Владивосток 30 апреля, мы переводим часы еще на два часа. Этот город – главная морская база Тихоокеанского флота. На протяжении всего советского времени Владивосток был закрыт для иностранцев.

Мы прилетели в серую пасмурную погоду. Небольшая команда состояла из отцов Мирона и Даниила – настоятелей принимавшего нас прихода, отцов Дария и Майкла, и нас с сестрой Кристель. Мы ожидали Терезу с некоторым беспокойством: впервые она путешествовала самолетом без защитного футляра. Однако нам доставили ее очень быстро, все так же обернутую в покрывало и невредимую. Она положила начало «новому жанру» передвижения, более практичному.

Стоял туман во всех смыслах. Погода была пасмурная и дождливая, мы поставили Терезу в маленькой часовне, поскольку в храме, находившемся на вершине вулкана, велись работы. Всего два года назад его вернули Церкви. Обе колокольни были снесены, витражи уничтожены. Там служили два американских каноника – отец Мирон (астроном по образованию) и отец Даниэль. Августинцы, не слишком подчинявшиеся своей конгрегации, искавшие новые призвания, они воспитывали молодежь для жизни в Церкви, в духе литургического обновления. Они жили там уже девять лет и были первыми, кто зарегистрировал свой приход как «католический клуб» – это был единственный способ получить официальное признание. Церковь открывалась только по воскресеньям, они занимались делами «Каритаса», и вообще были очень красочны! Один жил в остатках снесенной колокольни, другой в ризнице, и оба вели вдвоем вполне упорядоченную монашескую жизнь под руководством приора-астронома. У них было время молитвы, время молчания, рекреации. Мы ели арахис и пили сладкое вино, и можно было подумать, что мы находимся на планете Маленького Принца, в другой галактике. Под ногами у нас волны Японского моря бились о гору, а дальше – ничего не видно, до головокружения.

Тереза хотела отправиться на край света: ну что ж, ее мечта сбылась!

Мы жили у сестер-испанок, которые должны были вернуться из Иркутска только в субботу вечером и оставили нам свою квартиру – бывшую коммуналку, переделанную в небольшой монастырь.

Мы с удовольствием позволили себе небольшой отдых около Терезы всего с несколькими людьми. Одна женщина по имени Тереза не могла поверить, что ее святая покровительница добралась до ее краев; она со слезами принесла ей цветы и небольшую гипсовую скульптуру из старой церкви Хабаровска, присланную в благодарность прихожанами (которые пришли потом на воскресную Мессу).

Во Владивостоке

В субботу 1 мая храм был закрыт, отцы Майкл и Даниэль приболели, и одна женщина предложила провезти нас по Владивостоку.

Японское море, пляж, порт, город были красивы, много встречалось японцев и корейцев. 1 мая, в праздничный день, когда все выходят на улицы, атмосфера оказалась довольно неприятной: звучала резкая музыка, одетые в черное молодые люди слонялись без дела и пили пиво.... В общем, мы вернулись с целым ворохом молитвенных интенций. День закончился молитвенным бдением: мы молились друг о друге и явно в этом нуждались.

На следующий день, в воскресенье, была прекрасная солнечная погода, и мы отправились в храм. Он оказался очень красив – весь белый, с высокими сводами, почти полностью обновленный. Раку внесли с процессией, церковь была полна, люди приезжали на автобусах издалека. Отец Майкл был предстоятелем и с воодушевлением молился о призваниях; многие молодые почувствовали потребность задуматься о своем жизненном выборе. Одетые в красные костюмы хористы выделялись на больших черно-белых квадратах пола белоснежной церкви, украшенной множеством цветов. После окончания литургии, которую провел отец Дарий и которая завершилась лишь к середине дня, мы поделились нашим свидетельством. Молитвы, песнопения, разговоры продолжались весь вечер и всю ночь.

Вот тут мы всю воспользовались городскими удобствами: надо было звонить и отправить несколько факсов, поскольку из Москвы дошли плохие известия: отец Игорь собирался отправить раку обратно во Францию, отменив поездку в Казахстан, поскольку не

находилось достаточно большого самолета, чтобы ее туда доставить. Мы перевернули небо и землю и, наконец, из хрипящего факса нам пришло разрешение от Лизьё перевозить Терезу без защитного футляра.

Я так рада, что она приехала к нам. Мы молились два дня и две ночи, и я всегда буду помнить это время молитвы и радоваться (написано очень детским почерком). Ольга Ивановна. (Золотая книга. Владивосток)

Владивосток

Транзитом в Москву

Тереза покинула Владивосток 3 мая, и мы вместе с отцом Дарием поехали за ней в Москву. Теперь она имела новое обличье: на казахский манер была обернута в голубое покрывало, в котором отныне ее и будут перевозить с согласия отца Замбелли из Лизьё.

Мы совершили долгий одиннадцатичасовой путь на самолете до Москвы, переехав на семь часовых поясов назад. Весь самолет знал, что Тереза летит с нами. Сестра Кристель беседовала с пилотом. По приезде нас ждал отец Игорь. Довольный, что может проявить свою галантность, он взял на себя заботу о нас. Приехали мы одновременно с нашим другом Джоном, который проделал тот же путь из Иркутска на микроавтобусе. Мы вздохнули с

облегчением, поскольку для прохождения таможни обязательно нужны были все защитные футляры, которые он вез с собой.

На следующий день отец Игорь при содействии отца Дария должен был выдержать сражение с таможней, чтобы найти способ срочно отправить Терезу в Казахстан, поскольку она не имела права оставаться в России после 5 мая. Нужно было оформить в посольстве Казахстана все бумаги. Мы снова встретились с Марией Терезой и с отцом Андреем из Туркмении. Вся эта небольшая компания, как, конечно, и отец Дарий, пришла посмотреть видео о путешествии Терезы по Сибири. Мария Тереза, жадная до всех подробностей, связанных с Терезой, поделилась с нами несколькими личными свидетельствами:

- – О смерти Раисы – одной очень больной русской подруги, к которой она пришла помолиться с частицей мощей Терезы. Та попросила о крещении и умерла на следующий день после него.
- Одна ее подруга-мусульманка из Иордана по имени Нада страдала опухолью мозга и потеряла зрение. Мария Тереза пришла к ней перед операцией с частицей мощей. Нада попросила оставить ей раку на день операции, потому что в ее присутствии ощущала глубокий покой. Операция прошла благополучно, Нада вновь стала видеть, и неделю спустя Мария Тереза вместе с ней уже ходила за покупками.
- Еще одним подарком Терезы стал дар веры Тамаре – ее преподавательнице русского языка грузинского происхождения. Когда частица мощей гостила в ее доме, она начала молиться, а вскоре после этого решила принять крещение, которое дало ей силы пережить смерть матери и не пасть духом, заболев скоротечным раком. От него она и умерла несколько месяцев спустя в душевном покое, приняв таинства Церкви.
- Еще одна преподавательница русского, Даша, некрещеная, ничего не знавшая и не понимавшая о вере, долго держала мощи в руках... Она приняла крещение в Православной церкви, теперь постоянно читает Библию. В день крещения она получила в храме подлинное внутреннее просвещение, сделавшее ее глубоко верующим человеком.

В тот момент Мария Тереза не знала еще о самом прекрасном подарке – Алонсо! Позже она говорила: «Я считаю, что Алонсо – подарок Терезы, и надеюсь на следующий подарок – что он станет священником». Алонсо – маленький брошенный родителями казахский мальчик, найденный нами месяц спустя в старой больнице Шортанды в Казахстане, усыновленный Марией Терезой и Альфонсо в рекордно короткий срок (что тоже считали явным заступничеством Терезы).

Однако времени поживать на лаврах у нас не было. На следующий день надо было вернуться в посольство Казахстана и привести в порядок все документы и дела. Соседка по площадке привела в божекий вид наши облачения, весьма пострадавшие во время путешествия. Джон вместе с сестрой Ритой приехали, чтобы уладить все с документами на микроавтобус: он не мог ехать с нами в Казахстан и оставался в Москве для миссионерских надобностей ассоциации «Триумф Сердца». Мы отправлялись без багажа. У нас оставалось время только на то, чтобы добраться до аэропорта с отцом Игорем, очень довольным, что удалось решить таможенные проблемы: Тереза могла ехать без футляра, хотя по российским законам, въехав в нем на территорию России, она должна была так же ее и покинуть. Самолет отправлялся в 23 часа, и мы приехали прямо к рейсу.

Школа любви

Отец Станислав, который был для нас драгоценным помощником в организации путешествия по Западной Сибири, сначала был в отношении Терезы очень сдержан, но потом глубоко растрогался и сам почувствовал, что должен нам помогать, а впоследствии рассказывал:

Это паломничество было настоящей авантюрой от начала до конца, и то, что все прошло хорошо, – знак Божия благословения... На протяжении всего путешествия я ни разу не столкнулся ни с одной негативной реакцией; даже городская полиция была к нам расположена. На всем пути люди, ничего не знавшие и видевшие только два постера с фотографией Терезы на микроавтобусе, были улыбки и всячески старались показать свое дружеское отношение⁶¹.

⁶¹ Иезуит отец Станислав служил в России уже десять лет; он отнюдь не был наивным человеком.

В Казахстане (близ Караганды)

Тереза в Казахстане

5-21 мая 1999

Я приду к вам, буду защищать вас; вот увидите, что я для вас сделаю.

(Тереза – своим сестрам кармелиткам).

Эта республика, возникшая в 1991 году после распада СССР, находится в центре Евразийского континента и занимает огромную площадь между Россией, Китаем, Киргизией, Узбекистаном, Туркменией и побережьем Каспийского моря. На этой необъятной и очень малонаселенной степной территории живет больше ста разных национальностей: казахи, русские, украинцы, немцы, поляки, татары, узбеки, белорусы, азербайджанцы, турки, корейцы... До 1999 года вся территория была в ведении одной

апостольской администрации. Это земля мучеников, населенная потомками жертв сталинских депортаций.

Людей забирали ночью из дома и отправляли в этот край бескрайних, плоских, голых степей, почти непригодных для жизни, где чуть ли не самый суровый в мире климат. Говорят, что даже из животных такие природные условия выносят только волки и большие сибирские орлы. Здесь депортированных, изнуренных и изголодавшихся за время переезда людей оставляли на произвол судьбы. Им говорили: «Вот ваша свободная страна», и уезжали, бросив их на месте. Дети и старики, не выдерживая холода, голода и болезней, умирали. Самые сильные выкапывали себе землянки, защищавшие от ледяного ветра, который делал и без того ужасающе низкие зимние температуры (-40 -50) совершенно невыносимыми. «Первую зиму мы жили здесь, коченея от холода и не имея никакого пропитания, кроме того, что нам давали казахи. Только вера в Бога помогла нам выжить. Многие умерли», – рассказывала одна семья.

В 20 кг багажа, которые разрешалось брать с собой, люди часто клали семейные иконы: Святейшего сердца, Непорочного Сердца Марии и... святой Терезы.

После падения Берлинской стены и распада советского блока в этих краях оказалось до 80-90% безработных; большинство семей жили на пенсии своих бабушек (30 долларов в месяц), которые к тому же задерживали иногда на несколько месяцев. Дети умирали от голода, в некоторых регионах по три-четыре года не было отопления.

Только официально Китай и Россия провели в районе Семипалатинска⁶² и Байконура⁶³ 450 испытаний атомного оружия. Колхозы приходили в запустение из-за отсутствия средств, а земля, сожженная чрезмерными удобрениями и засоренная всякого рода отходами, становилась бесплодной. Положение было такое, что даже неверующие обращались к небесам, поскольку все видели, что христиане справляются с ситуацией лучше. Сами не понимая как, они видели, что Бог день за днем помогает им. Одна молодая женщина говорила: «Иностранцы спрашивают, как нам удастся выживать; я не знаю, как, но знаю, что Бог как-то все управляет!» Она дышала радостью.

Положение Церкви здесь совершенно иное, чем в России. Большинство населения составляют казахи-мусульмане. Кроме них, много депортированных христиан всех

⁶² Одна из главных площадок для советского атомного оружия, закрытая с 1991 г. Радиоактивное излучение в этих местах после 1949 года в сотни раз превышало выброс в Чернобыле и вызвало болезни и увечья и более чем 1, 5 миллионов жителей, то есть у каждого десятого.

⁶³ Это был центр запуска межконтинентальных ракет. Именно с Байконура были запущены первые искусственные спутники, а потом полетел в космос первый человек. Это самый активный космодром в мире.

конфессий, довольно хорошо друг друга принимающих. Стрдание способствует солидарности и терпимости. Здесь надо было выживать, и для идеологий просто не оставалось места.

В момент приезда Терезы в этой стране насчитывалось примерно полмиллиона католиков и всего сорок священников на территории, в пять раз превосходящей территорию Франции. Некоторые священники отвечали за тридцать небольших общин. Во всех приходах нас приняли с большим ракой, кроме одного, очень отдаленного, куда мы доставили малую. Католики Казахстана, в основном немцы Поволжья, поляки и украинцы, по сравнению с русскими (как правило, православными) и казахами-суннитами, составляли меньшинство населения. После 1991 года (когда Казахстан стал независимым) число их не переставало сокращаться из-за постоянной эмиграции, в первую очередь, немцев, но также литовцев и поляков.

После обретения независимости Церковь в этой стране поистине возродилась. Благодаря финансовой помощи из-за рубежа немцы-католики построили много храмов, но некоторые из них теперь опустели, потому что за десять лет 700 тысяч немцев, живших в Казахстане, вернулось в страну историческую родину. «Печально, потому что они были люди крепкой веры. Но после независимости в стране возникла страшная безработица, и ничто больше их здесь не держало», – говорил отец Раймонд Конрад. Все священники произвели на нас сильное впечатление: здесь, особенно на севере страны, они жили без самых элементарных удобств: отсутствие водопровода, огромные проблемы с отоплением, постоянные отключения электричества делали жизнь невероятно трудной; телефонная связь между городами и деревнями работала очень плохо, не говоря уже о международном сообщении. Степные дороги были непроходимы на протяжении почти всех долгих зим. Один из священников говорил нам: «Чтобы жить здесь, надо быть святым или сумасшедшим!». Часто перегруженные, измученные, они уже не заботились об условиях своей жизни. Не было никаких церковных структур, которые помогали бы им встречаться и общаться друг с другом. Нельзя сказать, что эти структуры были уничтожены за 65 лет коммунизма, поскольку их тут никогда и не было; но создавать их христианам было очень трудно. Все надо было начинать с нуля, и священники, с которыми мы встречались, часто ощущали, что это бремя невыносимо для них. Терезе предстояло вселить в сердца этих людей «надежду, которая не постыжает».

Приезд в Казахстан

Степная Церковь по случаю приезда Терезы была в праздничном состоянии, а она, как дитя, знающее, как сильно его любят, приготовила нам в тот год Отца множество сюрпризов. «Такого рода странствующая миссия – именно то, что нам нужно», – сказали нам тамошние священники. И они к ней тщательно подготовились. Встреча с покровительницей миссий была для них не просто поддержкой, но и знаком того, что их жизнь, принесенная в дар, может быть предвестием новой зари возрождения.

Нам попадалось очень много безработной молодежи и детей. Ведь в этих краях действительно ничего нет! Придя в храм, они встречались с Богом, и эти места стали колыбелью многих призваний. Они приходили взглянуть на Терезу и вступали с ней в таинственный диалог. Совершенно очевидна была особенная близость между Терезой и детьми, которые сразу поддавались ее очарованию. «Невзирая на все зло и на все ограничения, история несет в себе зерно добра, которое Господь взрастит в полноте» (Иоанн-Павел II).

С тремя часами разницы во времени (в обратную сторону) в шесть утра мы прибыли в Алматы⁶⁴. Нас ждали отцы Томас Пета и Петр; они занялись бумагами, поскольку в тот же вечер мы самолетом улетали в Павлодар, на север страны. Это была радостная встреча. Францисканка сестра Альма проводила нас в свою общину, где сестры с нетерпением ждали приезда Терезы в свой приход через две недели. Они жили в красивом новом монастыре напротив братьев-францисканцев, и их часовня служила храмом для всего города, поскольку была единственной Католической церковью в Алматы. Мы узнали, что «Реновабис»⁶⁵ оказался верен своим обещаниям, и Казахстан только что получил целый парк новеньких микроавтобусов: один на каждый деканат. Только пару дней назад их растаможили, и мы могли перевозить на них Терезу. Определенно она любила машины и тщательно спланировала свое путешествие!

Отец Томас Пета устроил в аэропорту интервью с местным телевидением, и мы повстречались с молодой телеведущей, весьма интересовавшейся нашей маленькой француженкой и передавшей казахскому ТВ видеозапись столетнего юбилея Терезы. После этого к Терезе со всех сторон потекли люди. Вечером на небольшом самолете мы отправились в Павлодар – весьма негостеприимный город на севере Казахстана, расположенный посреди пустыни и степей и сильно страдавший от песчаных бурь. В 30-е

⁶⁴ Главный город и бывшая столица Казахстана. Название переводится как «богатая яблоками». По всей вероятности, из этого региона и произошел этот фрукт. В 1998 году, незадолго до нашего приезда, столицу перенесли в Астану, почти на 1200 км на север от Алматы.

⁶⁵ Немецкая благотворительная организация, с которой мы промыслительно встретились годом раньше, и которая обещала помочь нам с проектом.

годы, во время сталинской кампании против религии, церкви и минарет мечети были разрушены. Принимали нас отец Иосиф и сестра Тереза.

Как дети провели ночь в молитве около Терезы

Эпическое прибытие в старый аэропорт, который, казалось, явился из ничего на этих пустынных землях; однако Терезу выпустили без проблем. Грузовик, открытый всем ветрам, которые в момент нашего приезда неистовствовали, забрал ее, обернутую в голубое царское покрывало, чтобы вывезти из таможенной зоны; а там ее ждал совершенно новый микроавтобус, еще пахнувший краской, окруженный празднично одетыми детьми и бабушками, которые не верили своим глазам. И мы поехали в павлодарскую церковь – большое еще незавершенное кирпичное здание, напоминавшее развалину, где нас встретили одетые в белое дети, разбрасывавшие цветы на нашем пути. Тереза осталась там, а священники греко-католического прихода пришли за малым реликварием, чтобы на следующий день провести у себя в приходе молитвенную встречу. Месса, потом молитвенное бдение в честь Терезы, которая усердными стараниями бабушек вновь приобрела всю свою красоту... Дети вместе с сестрами-служительницами Евхаристии на всю ночь остались молиться в этой церкви без окон и дверей. Ночью разразилась буря, но дети оставались, несмотря на проникавший повсюду ветер, холод и тьму (электричество отключилось!), создававшие поистине апокалиптическую атмосферу. В 5 часов утра одна девочка, окоченевшая от холода и страшно уставшая, начала громко и изо всех своих душевных сил молиться Терезе, чтобы она помогла и ветер прекратился, потому что дети боятся! «Ветер, утихни!» И он действительно утих...

Мы пытались немного отдохнуть в монастыре сестер, но ураган бушевал такой, что разбил форточку, и на наши постели, стоявшие в другой части комнаты, полетели осколки стекла. Ранним утром наступила тишина. Прихожане, жившие своими огородами, после нескольких месяцев засухи молились о дожде, и начался обильный дождь. Здесь его принимали как благословение, и он стал знаком присутствия Терезы на протяжении всего ее путешествия по Казахстану.

Вот Тереза совершила свое первое чудо: уже несколько месяцев у нас не было дождя, и он наконец пошел! (Золотая книга. Павлодар)

После этой первой беспокойной ночи мы провели вполне мирный день, привели в порядок свои вещи и поближе познакомились с сестрой Терезой, сгоравшей от желания

пуститься в путь вместе со своей святой покровительницей. Она говорила только польски, но сумела как-то объясняться. К нам с бутылкой хорошего французского вина пришел отец Иосиф – иезуит, родом из тамошних краев, очень веселый и простой человек. Мы вместе с сестрами взяли малый реликварий и поехали по больницам. В большом храме дети вторую ночь бодрствовали около Терезы.

На следующий день, 8 мая, мы с большой ракой отправились в соседнюю деревню в компании нескольких детей, в том числе одной девочки из ближайшего села, еще не крещенной; так дети, не имея возможности ни умыться, ни отдохнуть, провели с Терезой третью ночь.

Отец на микроавтобусе поехал по соседним городкам, чтобы забрать оттуда несколько человек. На то чтобы всех собрать, ушло время, и Месса началась только в три часа дня. Мы находились на небольшой ферме, специально подготовленной для такого случая; опять было много детей, все молились, говорили друг с другом, спали прямо на земле – ни дать, ни взять Вифлеем.

Поскольку Тереза не проходила ни через дверь, ни через окно этого домика, принадлежавшего семейной паре немецкого происхождения и служившего часовней для всей окрестности, она осталась снаружи. Было холодно, но о ней хорошо позаботились. Рано утром мы поехали обратно в Павлодар, куда за нами приехал отец Жан-Марк из общины Семья Марии. И вот мы на пути в его приход в Шарбакты.

Путь через степь

Мы приехали вечером, проделав 300 км по голой степи, на которой встречались иногда табуны лошадей и стада быков, охраняемые конными казаками. Благодаря дождю степь покрылась травкой: весна! На месте нас ожидали девочки, одетые, как маленькие невесты. Народу было много, отслужили первую Мессу в приходе Отца Милосердия. Люди были очень воодушевлены, и церковь оставалась открытой всю ночь. Отцы Иоганн и Жан-Марк, сестры Анна Мария и Джемма были вне себя от радости, что принимают Терезу – свою сестру по сердцу – и почти не спали. Здесь молодежь ограждена от всего, что делает с людьми современная культура через масс-медиа (поскольку таковых нет); это поистине девственные земли, где Господу нетрудно создать Себе обитель. Многие чувствуют призвание и вступают на путь монашеской жизни. У нас были чудесные беседы. Вместе с отцом Жаном-Марком мы раздали короткие изречения Терезы на русском языке и

предложили людям написать письмо со своими интенциями, которое потом собирались с молитвой положить около раки. Тереза не бездействовала ни минуты, у нее всегда есть в запасе самого разного рода проделки, чтобы привлечь людей в Церковь. Одна женщина, никогда и ногой не ступавшая в церковь, в ту ночь мучилась бессонницей, поэтому пришла и надолго осталась. Ушла она в состоянии душевного умиротворения и с тех пор стала заходить в приход.

Другая за несколько месяцев до этого видела во сне меня. И тут вдруг она увидела меня, бродившую по городу, словно потерянная, и шла за мной, пока не пришла к Терезе⁶⁶. Этот феномен происходил несколько раз на протяжении нашего путешествия.

На следующий день большая рака уезжала в Шар, а мы с отцом Иоганном и малыми реликвариями отправились с миссией в два разных места, чтобы потом всем встретиться в Шаре. Мы приехали в маленький немецкий городок, где нас встретило около сотни детей и несколько бабушек. Потом остановились в Семей (он же Семипалатинск), в приходе, занимавшем что-то вроде дачи, где нас ждало несколько очень заинтересованных прихожан и одна православная женщина. Мы долго говорили с ними о значении мощей, а потом поехали обратно в Шар, куда прибыли около 10 часов вечера, проехав по плохим дорогам около 1000 километров. Еще недостроенная церковь была открыта всем ветрам, и отец провел молитвенное бдение с молодежью, большую часть которой составляли мусульмане казахского происхождения. Одного из них только что на утренней Мессе крестили. Прекрасные разговоры были у нас в этом приходе.

Большая часть детей, живущих в этих местах, из-за радиоактивности страдает от гормональных проблем. Одна девочка лет 6-7, которая больше походила на восьмидесятилетнюю старушку – седые волосы, морщинистое лицо, тело, изувеченное ревматизмом, – очарованная Терезой, долго говорила с ней, стоя перед ракой, и ничто не могло оторвать ее от этого занятия. На следующий день она молилась уже на коленях (хотя накануне и встать на них не могла).

Бабушки, не выпускавшие из рук четки, казалось, вышли из тьмы времен. Изношенные жизнью, они на самом деле были не так уж стары – не больше 75 лет. Жизнь их не баловала подарками, но они выдержали все бури, сохранили веру, и само небо приклонилось к ним. Время словно остановилось...

⁶⁶ Не обязательно она видела именно сестру Тамару; просто поскольку никогда в жизни ей не доводилось видеть монахинь в облачении, то, встретив ее на улице, она не могла подумать ничего другого.

Я провожала Терезу в небольшой городок Георгиевск с отцом Антоном, бывшим родом из этих краев, из немецкой семьи. Этому молодому, склонному к созерцательности человеку пришлось столкнуться с очень трудной ситуацией: он вынужден был в одиночку заниматься постройкой церкви, бороться с последствиями безработицы... Жил он в деревянном домике без всяких удобств.

Молинакса

Маленькая Молинакса, казашка десяти лет, не отступала от меня ни на шаг: «Я хочу быть как ты» – говорила она, держась за мой хабит. Она провела рядом с Терезой много времени, горячо молясь. «Вот вам, вероятно, и призвание! – сказала я отцу Антону. – Многообещающе!» – «Ее мать – мусульманка, которая категорически против ее крещения», – ответил он. Но когда мы уезжали, Молинакса радостно потянула меня за рукав: «Смотри, мама пришла!» Я улыбкой поприветствовала ее мать, но, казалось, та была всецело занята Терезой. Через две недели я узнала, что она согласилась на крещение дочери, и девочку крестили, выбрав для нее имя Тереза...

С Молинаксой

В Георгиевске нас сразу окружили женщины и дети, атмосфера была очень радостная, а женщины приготовили настоящий пир в приходском доме, в котором мы остановились. Мы пообщались с детьми и с одной вдовой, у которой месяц назад муж покончил самоубийством, оставив ее одну с четырьмя детьми. Самоубийств тут из-за безработицы было много. Жители немецкого происхождения уезжали, заводы закрывались, оставляя многие семьи в нужде и безысходности. И все же мы видели много детей, и пребывание в Шаре и Георгиевске оставило радостное впечатление. Женщины и дети бодровались всю ночь. Спали мы в приходском доме, размещавшемся на «даче», запертые на ключ, без воды и удобств. Было холодно, зато прием был теплым!

13 мая, день Фатимской Божией Матери, мы провели в Усть-Каменогорске, в приходе отца Серафима из общины Семья Марии. Церковь, посвященная Фатимской Божией Матери, полная людей и красиво украшенная, ждала нас в свой престольный праздник. Приехало телевидение. Молились вдохновенно. Настоятель, тоже немец по происхождению, как и большинство здешних жителей, был человеком кротким и миролюбивым, но из-за ужасающей экологической обстановки был сильно болен. Бдение длилось всю ночь, а утром мы уехали, чтобы проделать 1000 км до Талдыкоргана, и вечером прибыли в новый приход отца Клавдия – францисканца, переехавшего сюда только накануне. Тереза влезла в окно, спеша встретиться с небольшой общиной, собравшейся в полном составе. Отец был счастлив в первый же свой день принять Терезу, и провел около нее всю ночь. Отец Серафим уехал сразу, поскольку нужен был в приходе. Надо сказать, что его служение – это настоящее растянутое мученичество... Мы провели простейшую литургию слова, поскольку прихожане были почти не катехизированы; зато людей собралось очень много, много было цветов, горячей молитвы, а благодать почти осязаема. Отец Клавдий оставил себе один реликварий для однодневной реколлекции, а отец Стефано приехал за нами на новом микроавтобусе, чтобы отвезти в Капчагай, неподалеку от Алматы.

Капчагай – курортное место в центре региона, в котором ужасная безработица и при этом множество детей. Отец Стефано отвечал за маленький приход, располагавшийся в частном доме. У подножия огромного креста он поставил для Терезы шатер. Пришло много детей, которых он окормлял не только духовно, поскольку проблема питания в семьях порой стояла очень остро. Духовность здесь довольно мрачная; отец (из общины *Comunione e Liberazione*) говорит об аде бабушкам, пережившим его на собственном опыте. Наша реакция, конечно, очевидна, но ведь он полон лучших намерений, и действительность не дает ему «парить в облаках». Поэтому мы берем детей, чтобы поговорить с ними о Терезе,

спеть вместе, и Тереза, как пузырек шампанского, пробивается сквозь весь этот «коктейль» и все наполняет радостью. Это бдение в шатре позволяет нам поближе познакомиться с детьми. Отец проводит ночь около Терезы, и мы молимся, чтобы Господь через нее коснулся его Своим милосердием.

Утром вместе с детьми мы идем купаться на ближнее озеро, и после совместной трапезы в небольшой столовой, где этих детей подкармливают (ею ведают несколько прихожанок), уезжаем.

Алматы

В Алматы мы рады снова встретиться с сестрами францисканками Альмой и Кларой, которые неотступно ждут Терезу. 15 мая ее мощи торжественно встречают все священники региона – францисканцы, отцы из *Comunione e Liberazione*, один священник из Кореи, отец Жан-Люк (молодой французский священник, только что приехавший из Таджикистана, где недавно начал свое служение) – и все вместе служат прекрасную литургию. Предстоятель на этой Мессе, которую служат в присутствии апостольского нунция, – францисканец отец Гвидо. Народу много, местное телевидение передает видеофильм о Лизьё, люди отовсюду стекаются к Терезе и так естественно открывают свое сердце! После молитвы с молодежью храм остается открытым всю ночь. Нам представляется возможность пообщаться с молодым отцом Жан-Люком, который служит в очень отдаленном месте, совсем на отшибе, и договариваемся, что дадим ему для Таджикистана частицу мощей. Отцы далеких приходо́в тоже уезжают с малыми реликвариями – в Талас, около киргизской границы, на юг от Астаны, в Чимкент, город на самом юге Казахстана на севере от Ташкента, в Жезказган, к югу от Караганды (на территории которого находился Степлаг Кенгир, описанный Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ»)⁶⁷. Потом они привезут их в Астану.

Незнакомцы, казахи, православные, мусульмане, неверующие

В воскресенье собралось много народу, и храм был в буквальном смысле набит битком. Мы снова увидели молодежь отца Стефано из Камчагая. Было много людей, никогда до сих пор не приходивших, незнакомых, были казахи-мусульмане, православные, буддисты, неверующие...

⁶⁷ Туда отправляли заключенных на медные, марганцевые, железные и золотые рудники.

В это время у нас происходил разговор с корейцем отцом Михаилом, который непременно хотел на всю вторую половину дня отвезти большую раку в свой в корейский приход, а завтра провезти по городу. Наконец мы согласились передать ему ее на два часа и вместе с ним отправились в его приход, находившийся неподалеку. Там нас ждало около двадцати корейцев, очень простых, смиренных и счастливых тем, что могут поприветствовать Терезу в своей традиции. Шел дождь, большая рака не проходила в двери, поэтому Мессу служили снаружи, под дождем; тут отец Михаил наконец понял, что ее невозможно возить с собой как чемодан. Мы предложили ему малую, и он с радостью согласился. Тем временем в храм непрерывным потоком стекались люди. Приходские отцы францисканцы никогда не видели в своей церкви такого количества народа. Кассета с песнями Терезы звучала фоном весь день. Настоятель буддийского храма принял нас у себя и даже пригласил в свой храм.

После этого Тереза провела день с отцом Жаном-Люком, который – ура! – служил Мессу на французском языке. Это был радостный день, проведенный в компании местной детворы. Кроме того, мы ходили навестить нескольких стариков и Вадима – молодого туберкулезника в очень тяжелом состоянии, и долго пробыли у него, рассказывая о Терезе. Вместе с детьми, которые пришли с нами, мы молились, а он внимательно слушал.

Встреченные

Вечером мы встретились с отцом Александром – молодым иезуитом из Кыргызстана, и на следующий день решили съездить в его приход в Бишкек. По пути у нас произошла неожиданная встреча с целым автобусом казахов, которых привлекли фотографии Терезы на нашем микроавтобусе; наконец мы приехали в приход, где на Мессу собралось человек двадцать, поскольку возможности предупредить людей у отца не было. Это был единственный в Бишкеке приход, и туда приходили католики, православные, протестанты, а в тот день зашел даже один вьетнамец-буддист, осмотревшись, сказал: «Хорошо в эта церковь!» и остался. Приход очень живой; прежний, пожилой священник жил там много лет. Он написал образ святой Терезы, который поставил на видном месте во внутреннем дворе; так что она тотчас почувствовала себя дома. Отец должен был сразу уехать: одного ребенка из его прихода сбила машина, и он попал в больницу в тяжелом состоянии. Мы проводили его в больницу рядом с маленьким приходом в 60 километрах от города. Машина сбила этого восьмилетнего мальчика на обочине дороги. И вот мы с Терезой в больнице, мальчик в реанимации. Отец совершал над ним таинство соборования, а мы молились и благословляли его мощами. У нас состоялся прекрасный разговор с его матерью – очень бедной женщиной, которая жила одна с несколькими детьми и, несмотря ни на что, была невероятно жизнелюбива. Вернулись мы поздно, ночь была чудесная, и отец даже остановился, чтобы дать нам возможность полюбоваться звездами. Мальчик через некоторое время вылезился.

На следующий день рано утром мы без остановок ехали до Алматы, куда тек поток казахов, чтобы почтить Терезу. Больной туберкулезом Вадим, за которого мы молились, уехал лечиться на курорт, и мы надеялись, что это пойдет ему на пользу.

На следующий день, на полпути к Караганде у нас было несколько интересных встреч на озере Балхаш⁶⁸ – с молодыми людьми, которые заинтересовались изображениями Терезы на нашей машине. Мы говорили с ними, раздали им фотографии. За нами приехала новая команда – уже на другом микроавтобусе, подаренном организацией «Реновабис» и забравшем Терезу. Отцы отправились обратно в Алматы на крещение маленькой казашки, выбравшей себе имя Терезы.

⁶⁸ Самое большое озеро в Казахстане и второе по величине в Центральной Азии.

Озерное

На территории ГУЛАГа

21 мая – 28 июня 1999

Вместе с отцом Иосифом из Темиртау (он же посёлок Самаркандский) мы поехали в приход Святого Иосифа к вечерней Мессе, где нашли Сестер матери Терезы, принявших нас в своем маленьком деревянном доме. Мы спали в одной спальне с ними, и это была великая благодать, давшая нам возможность после всех перемещений сосредоточиться на главном. Одна из сестер была француженкой, и, прежде чем приехать в Казахстан, шесть лет жила в Руанде. Она рассказала нам о своем опыте жизни в Руанде и о внутреннем призыве молиться о душах в чистилище. В ночь своего приезда в Темиртау она во сне почувствовала сильнейшее побуждение молиться о душах, взывавших к помощи. После сестры узнали, что тысячи корейцев, привезенных сюда копать водохранилище, погибли в его водах, а выживших по окончании работ расстреляли и выбросили в воду. После

закрытия заводов люди здесь жили в страшной нищете. Безработица, алкоголизм, нужда... Сестры искали и подбирали детей, живших в землянках, сточных трубах, целыми стайками слонявшихся без работы и без дела. Вечером несколько таких групп пришло взглянуть на Терезу. Им было очень хорошо, и, казалось, Тереза лично говорила с каждым из них.

В Караганде⁶⁹ в приходе Святого Михаила нас встретило множество народа, в их числе немало детей. Это был канун Пятидесятницы. Большая церковь, которая еще строилась, была хороша, несмотря на леса. В Караганде – резиденции епископа, монс. Ленга – мы увидели собор, ставший настоящим символом «героических времен»: он был построен в годы гонений, в конце 70-х, благодаря мужеству и упорству немецкой общины. Люди готовились к нашему приезду уже несколько недель, учили песни и читали новенну.

Но Тереза ускользнула, спеша посетить первый монастырь кармелиток, открывшийся в бывшем Советском Союзе и строившийся неподалеку, на месте заброшенного детского сада. Там уже жила сестра Анна-Мария из Польши, ставшая по совместительству и руководителем стройки.

Это она приехала вместе с детьми на микроавтобусе забрать Терезу. Поскольку в этом маленьком пространстве все собирались долго, Месса началась только в полночь. Людей набилось как сельдей в бочке! Дети пели под руководством Тани – девушки из Казахстана, собиравшейся поступить в монастырь. Было много совсем маленьких детей, которые остались молиться на всю ночь. Утром мальчик, которому на вид было не больше шести лет, вдруг начал душераздирающе плакать. Крупные слезы текли по его лицу. «Почему ты так плачешь?» – «Она уезжает, уезжает!» – «Но почему ты плачешь? Ведь она останется в твоём сердце!» – «Нет, она уезжает! – и снова рыдания. – Я хочу быть священником». Много лет спустя я получила письмо от этого мальчика, он писал: «Я тот, который так плакал из-за отъезда Терезы. Теперь я семинарист».

Утром Тереза, словно воровка, вылезла из окна монастыря. Дети, одетые в белое, с пенопением шли процессией к машине. Раку несли рабочие, которых сестра Анна-Мария пыталась евангелизировать. Поскольку они отпраздновали событие на свой манер (с водкой), им было не по себе. Но все-таки они были тронуты всеобщей атмосферой радости и что-то поняли. Мы пришли в храм Святого Михаила к праздничной службе Пятидесятницы. Он был полон. После Мессы силами музыкальной школы, которую опекал настоятель прихода, был устроен в честь Терезы концерт классической музыки. Идея

⁶⁹ Это место дало название одному из самых зловещих частей архипелага ГУЛАГ – Карлагу. На строительстве города, возникшего на месте этих лагерей, работало много осужденных Карлага и военнопленных, в основном японцев.

немного странная, но музыка была хороша, а потом мы отправились в кафедральный собор Караганды – храм Святого Иосифа, где ожидалось рукоположение в священники. Григорий, которого должны были рукополагать, три года прожил в Институте Богоматери Жизни* в Воклюзе, внутренне учась у святой Терезы, но потом почувствовал, что призван вернуться в свою страну. Церковь была полна, церемония очень красива. Мы снова встретили Сестер матери Терезы, которые принесли малую раку, которую мы им вручили, когда Месса начиналась. Мы украдкой поставили ее под алтарь, и получилось, что Тереза к великой радости Григория сокровенно присутствовала на рукоположении. Сразу после Мессы семинаристы понесли раку к дверям храма, где вновь рукоположенный должен был ее встретить. Она совершила торжественный вход, и видно было, что ее очень ждали. Епископ, священники и все собравшиеся подходили к ней приложиться. Монс. Ленга был счастлив и очень гостеприимен. Он просил нас спеть по-французски, что мы и сделали вместе с о. Григорием, выбрав песню *Ah si j'avais commis...* (*Желтые тетради*, 11.7.6).

На следующий день нас всех пригласили на молитвенное бдение у отца Андрея в его общину неокатехумената. Это бдение, сколь вдохновенное, столь и шумное, длилось всю ночь, и мы снова и снова прокручивали видео о Терезе.

Тереза навестила и епархиальную семинарию, которая только что открылась в другом брошенном детском саду. Как и петербургские семинаристы тремя месяцами раньше, восемь первых семинаристов Караганды были покорены той, с которой познакомились через «Историю одной жизни» монс. Ги Гоше и ее собственные автобиографические записки. Она вправду стала их сестрой. Они задавали много вопросов: это были местные ребята, часто приезжавшие издалека, которым предстояло еще всему учиться.

Поздно вечером мы пошли собрать малые реликварии, которые успели свозить повсюду – в общины, больницы, тюрьмы, в другие места страдания, в отдаленные часовни...

* Институт Богоматери Жизни (*Institut Notre-Dame de Vie*) – светский институт Католической церкви, основанный в 1932 году в Венаске (Воклюзе) отцом Марией Евгенией Блаженного Младенца Иисуса в ноябре 2016 года, совместный для мужчин и женщин-мирян и священников. Священники осуществляют свое служение в епархиях Франции и за рубежом.

Добро пожаловать на небольшой семинар в Караганде

Своим путешествием Тереза словно упредила желание Святейшего Отца, который через два года, в сентябре 2001, несмотря на атмосферу страха и напряжения, решился предпринять долгий путь, чтобы познакомиться с этим степным народом в стране, граничащей с Афганистаном. По состоянию здоровья он не мог приехать в Караганду, хотя давно об этом мечтал. Так же, как Тереза, он хотел помолиться на этом гигантском пространстве, где за сорок лет лагерей погибли миллионы людей, хотел посетить могилы священников-мучеников и исповедников веры, созидавших здешнюю «степную Церковь». Среди них был его личный друг – отец Станислав Буковинский. Как многих верующих, его отправили в один из лагерей работать на рудниках, а когда через десять лет освободили, он решил остаться на месте, чтобы служить депортированным. Не раз он обращался за помощью к своему другу Каролу Войтыле, с которым вместе учился.

Божественная Литургия в честь Терезы

После этого Тереза поехала в греко-католический приход на встречу с отцами Василием и Виталием. Мы побывали в их деревянной часовне на Божественной Литургии. Верующие в основном были украинцы. Сам отец Виталий – монах-василианец украинского происхождения, из семьи депортированных, эмигрировавшей в Бразилию. Спустя два года он вернулся обратно, но теперь, явно будучи на пределе своих сил, сказал мне: «Знаю, что в идеале мне надо было бы остаться здесь до конца дней, но я не могу, не хватает мужества!» Он рассказывал о страданиях людей, которых выбросили здесь, как мусор, и об одном

подлинно святом священнике подпольной Церкви, очень любимом всеми верующими. Когда он умер, его похоронили на общем кладбище, и люди стали совершать паломничество на его могилу, где произошло несколько чудес. Но в один прекрасный день туда приехали на бульдозерах посланники советской власти и сказали: «Мы перенесем останки». На деле же они сровняли кладбище и на его месте построили свиноферму. Никто не хотел идти туда работать: повсюду были человеческие кости, и даже свиньи гибли, не росли и не плодились. Люди, которых присылали туда силой, заболели, и в конце концов ферму забросили.

Рассказывал он и о лагере недалеко от Караганды, куда отправляли умирать всех больных заключенных. Вечерами трупы выносили, а раз в неделю рыли рвы, чтобы закопать их, как собак. Это было место массовых смертей бесчисленных депортированных из Сибири. «Казахстан – это огромный лагерь», – сказал он в заключение. Поскольку он интересовался ракой, которую находил красивой и прекрасно сделанной, я объяснила ему, что она из драгоценного бразильского дерева, и именно Бразилия подарила ее в знак почитания святой Терезы. Он был ошеломлен так, будто Тереза пришла к нему в гости в национальном бразильском костюме. Только что он рассказал своим прихожанам, что сорок лет назад, когда был еще совсем маленьким, одна бабушка подарила ему маленькую статуэтку святой Терезы, которая осталась с ним на всю жизнь: почерневшая статуэтка, которую он постоянно носил с собой.

Мы собирались все вместе поехать с Терезой молиться на кладбище депортированных, но вместо этого пришлось поехать в монастырь кармелиток, где нашу маленькую кармелитку очень ждали. Но мы все-таки съездили на кладбище с небольшой ракой помолиться обо всех этих забытых душах. Когда, после самого сердечного прощания, мы собрались уезжать, бабушки подарили мне прекрасное самодельное, тонко вышитое их руками полотно. Мы могли бы продолжать общаться с людьми, но за нами приехала сестра Анна-Мария и мы отправились к кармелиткам, где нас ждало еще и много детей и молодежи. Сестры-служительницы Евхаристии тоже пришли, Таня играла на фисгармонии. Многие дети остались на ночь молиться и петь, и рано утром, когда мы уезжали, горько плакали, как при отъезде живого любимого человека. Над городом раскинулась изумительная двойная радуга, что-то необычное царило в воздухе... Позже отец Пьер Дюмулен, бывший тогда вице-ректором Петербургской семинарии, получил письмо от одной молодой католички, полуказашки, полурусской:

Дорогой отец Пьер,

Я хотела бы поделиться с Вами тем, что испытала в дни, когда мощи святой Терезы привезли в Караганду. Прежде всего скажу, что сам их приезд был удивительным знаком и для мирян, и для монашествующих, очень важным событием в истории Католической церкви в Казахстане.

Тереза собрала вокруг себя людей всех возрастов (молодых и старых), всех национальностей (русских, казахов, корейцев), всех конфессий и даже вероисповеданий (как христиан, так и мусульман). В храм пришли местные жители, вообще ничего не знавшие о Боге, Церкви или Терезе. Они услышали о мощах от своих знакомых или друзей. Некоторые прочитали проспекты, которые семинаристы раздавали на улицах города. Для самих семинаристов это тоже оказалось очень сильным опытом евангелизации и контакта с людьми.

Что касается лично меня, приезд Терезы перевернул все в моей жизни. Она побудила меня совсем по-другому взглянуть на то, что я пережила в последние годы. В те дни в моем сердце было все – и огонь, и боль, и горечь, и крик. Это было очень тяжело. Но я наконец перестала оглядываться назад и почувствовала желание идти дальше, продолжать жить, даже если иногда это так трудно.

Прежде я довольно прохладно относилась ко всякого рода мощам, мало понимая, зачем они вообще нужны. Теперь, видя, что произошло, как изменилось все у меня в душе, я вижу эту благодать, радость и мир. Благословите меня, отец. Спасибо! Оксана.

Шортанды

После всех этих переживаний мы снова двинулись в путь – на сей раз в Шортанды; а по пути поговорили с одной проституткой, которая заинтересовалась фотографией Терезы на нашей машине... Тереза, так желавшая сесть за один стол с грешниками, не упускала случая обратиться к ним самым неожиданным образом. Марина рассказала нам о своей каторжной жизни и оставила денег, попросив молиться о ней и ее сыне, который жил в Германии.

Наконец добравшись до Шортанды, мы узнали, что там нас ждут только на следующий день. Очередная проделка Терезы, которой Господь отлично воспользовался: так мы познакомились с отцом Тадеушем, который терпеливо и миролюбиво решил ситуацию, хотя мы уже были готовы ехать дальше до Астаны (до которой оставалось не больше 60 километров), чтобы на завтра вернуться. Он сказал, что очень счастлив нас принять, мы остались и перенесли Терезу в церковь. Этот святой человек уже девять лет

был настоятелем прихода. Он страшно устал и носил на шее длинный шрам от ножа молодых мародеров, которые пришли как-то его грабить и бросили, решив, что они его убили. Он собирался в августе вернуться в Польшу, не в силах больше оставаться.

Как многие деревни и небольшие городки, Шортанды познал массовый исход немцев в годы перестройки и лишился больше части прихожан. Заводы позакрывались, безработица гнала людей прочь, и те, на кого он привык опираться и рассчитывать, уехали. Во времена преследований настоятелем этого прихода был еще один праведный священник подпольной Церкви – францисканец отец Алоизий (ныне причисленный к лику блаженных). Уезжая, он оставил одной из бабушек маленькую частичку мощей святой Терезы, которую всегда носил с собой. Когда приехал отец Тадеуш, бабушка передала ее ему, и он всегда чувствовал, что она его охраняет. Поэтому приезд Терезы в его приход был для него важным событием.

Мы собрались на маленький совет: решить, что делать до завтра, и решили отправиться с малыми раками к больным, которых отец знал. Мы переезжали из дома в дом и повсюду видели страдание и боль. Но Терезу хорошо знали и принимали с радостью. Мы говорили о ней, пели, молились. Вернулись мы поздно, и, прежде чем остаться на всю ночь около Терезы, отец в полночь служил для нас Мессу. Мы познакомились с женщинами из прихода, а потом пошли ночевать в маленький гостевой дом без водопровода, в котором принимали проезжих гостей.

От Шортанды до Ватикана: рассказ об одной необычной судьбе

На следующий день отец повел показать нам приход, который сам обустроил: посадил деревья, построил в саду маленький ораторий, посвященный Лурдской Божией Матери. А еще там были пес Артемон, баня и строившаяся столовая для детей. Мы видели, как из соседнего села Шушинского приехала группа Сестер Младенца Иисуса: они «случайно» проезжали мимо и привезли отцу письмо, не зная, что Тереза уже здесь. Так их провинциальная настоятельница, очень огорчившаяся, что должна улететь, не дождавись Терезы, смогла с нею встретиться; для всех них это были радость и утешение. Они уверяли, что, приехав в город, сразу почувствовали присутствие Терезы!

Потом мы с частичей мощей поехали в больницу навещать больных прихожан, и могли открыто поговорить о Терезе с медперсоналом. Случайно открыв какую-то дверь в длинном коридоре, мы вдруг обнаружили чудесного трехмесячного младенца, которого

очень странно было видеть посреди пожилых пациентов. Оказалось, что слишком юная мать бросила его сразу после рождения, а поскольку детских приютов в городе не было, его растил весь персонал больницы. Этому чудесному маленькому казаху столько же лет, сколько нашему путешествию. Мы прозвали его Алоизием в честь священника, столь любимого в городе, и решили попытаться найти ему мать. Потратив много усилий, пытаясь доступными способами (то есть по факсу) связаться с людьми, которые, по нашему мнению, могли бы его усыновить, мы увидели, что задача это непростая. Но мы не учли содействия Терезы... Два месяца спустя она была решена: его усыновили Альфонсо – посол Гватемалы в Москве и его жена Мария Тереза. Дело было так: через несколько дней я должна была на короткое время приехать в Москву уладить некоторые административные проблемы. Мария Тереза, приехавшая меня встречать, хотела знать все детали нашего путешествия по Казахстану, и в числе прочего я сказала ей, что мы нашли в больнице чудесного ребенка, для которого я ищу приемную мать, спросив, нет ли у нее кого-нибудь на примете. «Я поговорю с Альфонсо», – сказала она и забрала у меня фотографии мальчика.

Вскоре после этого Мария Тереза с одним из своих сыновей, Альваро, поехала в Шортанды и провела там месяц, чтобы лучше узнать ребенка и все организовать. Весь городок был взволнован: что делает у них эта испаноговорящая жена посла? Выяснялось, что усыновить ребенка Мария Тереза не имела права; но оставалось ее упорство и неотступная молитва, и, конечно, решение Терезы. По странной «случайности» один человек из администрации говорил по-испански и учился в университете в Латинской Америке у того же преподавателя, что и Альваро (?!). В результате бумаги на усыновление были оформлены, причем без копейки денег, что тоже немалое чудо в стране, где за все требуют платы.

Два месяца спустя Мария Тереза позвонила мне во Францию, рассказала всю эту эпопею и добавила: «Это было долгое дело, сестра Тамара: два месяца! Было бы хорошо, если бы, приехав за мальчиком в Шортанды, я могла подарить им для церкви Младенца Иисуса!»⁷⁰ Желание Марии Терезы – закон. Я стала искать фигурку Младенца Иисуса. Мне нужно было, чтобы она была красивая и бесплатная, и это было непросто. Наконец однажды, разговаривая в Москве по телефону с сестрой Ритой, я сказала ей: «Я ищу для Марии Терезы Младенца Иисуса». И она тут же отвечала: «У меня есть статуэтка из старой Праги, очень красивая, но, поскольку у меня нет особого пристрастия к Младенцу Иисусу,

⁷⁰ Отец Тадеуш действительно хотел в память о посещении Терезы сделать маленькую часовню, посвященную Младенцу Иисусу.

я каждое утро спрашиваю Его: «Куда же Ты поедешь?» – «Значит, в Казахстан!» – сказала я.

Отец Томас Пета, ставший Апостольским администратором, крестил маленького Алонсо Алоизием, а в благодарность получил чудесную статуэтку из Праги, с которой совершил свою первую апостольскую визитацию по приходам северного Казахстана. Свой приход он посвятил Младенцу Иисусу, а потом подарил статуэтку приходу Шортанды для маленького санктуария, тоже посвященного Ему.

Вся семья приняла Алонсо как подарок, с великой радостью. Два года спустя Мария Тереза покинула нас, унесенная скоротечной тяжелой болезнью. Альфонсо назначили послом при Святом Престоле в Ватикане. И случилось так, что маленький Алонсо, дважды сирота, к утешению своего приемного отца растет под сенью двух пап – Бенедикта XVI и Франциска.

Многие дети приходили со своими мамами, и им очень хотелось поговорить и послушать про Терезу. Это они встретили большую раку в храме, полном народа. Отец говорил с ними о Терезе, мы тоже долго разговаривали с прихожанами. Израненные жизнью, ее страданиями, они подходили к Терезе словно дети, с сияющими лицами. Это было удивительно. После, отправившись забрать у бабушек малые реликварии, мы услышали множество драгоценных свидетельств: некоторые говорили, что прекрасно спали рядом с ними, хотя до этого годы мучились бессонницей; другие бодрствовали, одна просто не знала, как себя вести, но у всех был вид радостный и умиротворенный. Одна из них очень удивила отца: она давно была прикована к постели, обычно целыми днями жаловалась, и никто не хотел с ней быть. Но с Терезой она вдруг будто обрела душевную силу, почувствовала себя лучше и перестала сетовать. Таковы маленькие свидетельства близости Терезы к самым нуждающимся...

Мы вернулись поздно, а храм был по-прежнему полон. Очень поздно пришла группа незнакомых людей, человек сорок, и с десятков прихожан – чтобы провести ночь рядом с Терезой и отцом. Одна женщина, служившая прежде долгие годы в КГБ, следившая за верующими и доносившая на них, вдруг «случайно» зашла в храм, разрыдалась и попросила ее исповедовать...

В точке X

После утренней Мессы Тереза должна была уезжать в Камышенку. Чтобы проводить нас, отец взял напрокат микроавтобус, а перед отъездом провез по городу, чтобы мы могли помолиться на заброшенных кладбищах. Помолились мы и на железной дороге, построенной теми же депортированными, вырванными из родной среды, выброшенными здесь после многодневного пути в вагонах для скота. Именно здесь находился пункт X – первое место, где людей оставляли на произвол судьбы посреди степи. Я только собралась сфотографировать его, как мой фотоаппарат вдруг дал сбой и появился мигающий красный сингл: «Help! Help!» Точно то же самое случилось за год до этого, 9 июня, когда мы с отцом Майклом хотели помолиться о душах, находящихся в чистилище, на месте бывшего лагеря в Магадане. Когда я хотела снять вход в лагерь, фотоаппарат не сработал и замигал тот же сигнал: «Help! Help!», который выключился лишь несколько дней спустя, когда я вернулась в Москву. Это произвело на меня очень сильное и странное впечатление: будто те забытые души, прося о молитве, зывали: «Помогите, помогите!»

Но надо было ехать, все прихожане пришли проститься, снова расставание! Нас завалили цветами, но мы не могли не думать, где люди доставали их в этих краях и за какую цену! Нас провожали одна бабушка и несколько молодых людей, а дальше мы ехали на старом драндулете отца.

Заехав за бензином, мы встретили двух мусульманок – Сабину, 23 лет, в сопровождении старшей женщины. Они заинтересовались ракой и пригласили нас на чай. Мы зашли в их небольшое кафе. Это явно были жаждущие души, и в душе Сабины Господь несомненно уже делал Свою работу. Поскольку ей уже случалось приходить в церковь, она задавала много вопросов. «Там так тихо и мирно, – сказала она, – а у нас не так». Она спрашивала о целибате, о Боге. Дальше по пути отец Тадеуш сделал остановку около красивой мечети, поскольку был знаком с муфтием. Это был очень миролюбивый человек, и мы с ним прекрасно поговорили. Он тоже огорчился тем, как мало у него верующих.

Камышенка – маленькая, очень бедная деревня, где вся жизнь сосредоточена вокруг коров, их разведения и ухода за ними. После молитвы мы оказались в приходском доме, где предстояло ночевать: там не было ни водопровода, ни электричества, а еда невероятно скудна. Отец Стефан выращивал на своем подоконнике лук и ел его с хлебом: это было его основной пищей. Но пришло несколько женщин, и атмосфера была очень сердечная. В воскресенье мы прожили настоящий деревенский день; пришло много народа из окружающих деревень.

С братьями Жаккар в северных деревнях

Ну, а потом были Макинск, Костанай, Лисаковск, Петропавловск, Тонкошуровка, Шушенское, Тайынша́, Чкалово, Зеленый Гай, Кокчетав, Озерное, Заградовка...

Путешествие продолжалось. Мы погружались все глубже в мир этих маленьких, бедных, заброшенных деревень. Домашние храмы устраивали прямо в жилых домах. Священники делились с нами своим чувством усталости и одиночества. Некоторые переживали даже сильные искушения против веры, измучились, неся бремя столь страшной истории, остро ощущали свое бессилие, особенно когда к ним в поисках пищи приходили дети, а дать им было нечего. Даже у нас, бывших там только проездом, было такое чувство, словно нас зажали в тиски. Мы хватались за розарий, но и его было трудно читать, находясь словно под колесом этого безграничного страдания, горя и смерти.

Нам удалось свозить Терезу на несколько кладбищ рядом с бывшими лагерями, куда умерших заключенных сбрасывали, как животных. Иногда простой крест в начале деревни был знаком многих тысяч или десятков тысяч жертв, заплативших жизнью за стремление быть честными, свободными людьми или христианами. Эти миллионы депортированных и заключенных словно всю землю пропитали своей кровью. Проезжая по ней с Терезой, мы не могли не думать о них, и их присутствие словно наводняло нас. Приезд Терезы был в этом кошмарном месте поистине божественной улыбкой.

В Петропавловске прихожане организовали замечательную процессию по улицам на праздник Тела и Крови, и нам удалось даже пойти рассказать о Терезе в колонии молодых преступников, которую опекали сестры. Тереза, добровольно заточившая себя в монастыре Лизьё, оказалась за одним столом с алчущими и жаждущими грешниками, с великим благоговением пришедшими ее почтить.

«Въезд в город был настоящим праздником!» – сказали отцы Пьер и Раймон Жаккары, которые присоединились к нам в Караганде и остались до конца путешествия по Казахстану, то есть до Астаны, куда нам предстояло добраться в последних числах июня. Некоторые спрашивали: «Как получилось, что вы к нам приехали? Как может быть, чтобы святая Тереза находилась здесь, среди нас?» И Тереза отвечала: «Любовь всегда умалется». Такой ответ пленяет сердце.

Кардинал Даниэлс решился даже сказать: «Тереза – словно фосфоресцирующий свет, словно веха на пути людей, ищущих Бога». Говоря о ней, мы чувствовали, что для

этих христиан подпольной Церкви, переживших ужасы лагерей, наша кармелитка из Лизьё была, по выражению Пия XI, «словом Божиим».

Однажды мы расспросили Ирину – старую женщину, депортированную из Украины, о ее истории, и оказалось, что ее родители и почти все братья и сестры, приехав в эту голую степь, погибли. В шесть лет она осталась одна с крошечным шестимесячным братом, и их отправили в приют. Мы спросили, смогла ли она простить тем, кто причинил ей столько зла и был источником страданий всей ее жизни. «Если бы я не простила, – ответила она, – я бы не выжила».

Тонкошуровка, 8 июня. Станислав из французского Сопротивления

Отец Лоренц приехал нас встретить. Он был деканом самого большого прихода в Берлине, и в день, когда ушел на пенсию, вдруг объявил: «Теперь для меня начинается новый исход!» Оказалось, что он обещал Богу посвятить десять лет жизни Казахстану, и в 1990 году приехал в этот далекий и страшно разоренный северный регион страны. Ему пришлось идти искать прихожан, строить храм, выживать в самых тяжелых условиях, несмотря на возраст и болезнь. Когда мы приехали, он был близок к завершению своего договора с Господом, и визит Терезы стал для него поводом собрать прихожан со всех окрестностей. Совершенно новая церковь была полна, и для отца Лоренца это было хорошей возможностью хоть немного просветить людей, часть которых вообще никогда не видали церкви.

Это был великий день и для Станислава, который гордо нацепил все свои награды. Этим утром Тереза сделала ему прекрасный подарок, и он не знал, как ее благодарить. Во время Второй мировой войны он состоял в русском батальоне, вместе с союзниками прибывшем воевать во Францию. Случилось так, что он присоединился к Сопротивлению и оказал несколько важных услуг генералу Де Голлю. 26 августа 1945 года, перед триумфальным парадом победы, Де Голль подошел к нему, положил руку на плечо и сказал: «Станислав! Ты повезешь меня!» И Станислав вел машину генерала посреди огромной толпы, собравшейся на Елисейских Полях. Война кончилась, он вернулся в свою страну, там был сочтен предателем и за мгновения славы заплатил годами лагерей. И вот 9 июня 1999 года, в годовщину Терезиной Жертвы Милосердной Любви Господа, Франция о нем вспомнила: утром он получил письмо из самых высоких инстанций, в которых его признавали членом Сопротивления и национальным героем и в память о прошедших годах

назначали пожизненную пенсию! Старый растроганный Станислав не знал, как благодарить Терезу и пытался сделать это вслух, громко и... на французском языке!

«Я не оставлю вас ни за что»

У Розы, так прекрасно все приготовившей к приезду Терезы, не бывает полумер... Она впадает в агонию в ту минуту, когда та въезжает в ее деревню. Роза – одна из тех бабушек, которых Сталин в 1936 году выслал в степь. Ее вера, «крепче ветра и бури», поддерживала в общине Келлеровки дух молитвы. Как многие бабушки в России, она тайно крестила детей, рассказывала им о вере и привечала у себя подпольных священников. Этот городок, так долго живший без священника, хотел непременно иметь место для приходских встреч. Однажды к Розе пришел некий таинственный человек, одетый в черное, и сказал: «Поезжайте в Москву, найдите такого-то и попросите разрешение на строительство храма». Это было в 70-е годы, когда Брежнев, продолжая политику Хрущева, уничтожал церкви. Роза не сдалась, и, несмотря на то, что была неграмотна и не имела понятия о том, что такое большой город, отправилась в Москву. Четыре дня она ехала в ужасном поезде, но доехала и подала прошение в соответствующие инстанции в правительстве. Некоторое время спустя она вернулась, торжествуя: разрешение было получено! Христиане могли построить дом, только без внешних признаков храма – без колокольни и креста, а вокруг следовало посадить палисадник, чтобы прикрыть его от взглядов проходящих. Городок взялся за дело, не без проблем, конечно. Так появилась первая церковь в Казахстане, посвященная святому Франциску. Над нею, откровенно нарушая запрет, вознесся крест из красного стекла, который светился и был виден со всех сторон. Но Роза на этом не остановилась: нужно еще было украсить церковь. Она поехала в Вильнюс и вернулась с двумя огромными керамическими ангелами со светильниками в руках, весившими по 100 кг каждый, и с фарфоровыми стациями для Крестного Пути, весившими 15 кг. Ехала она со своим грузом одна, но не терялась нисколько, и на всех станциях призывала на помощь милицию. Никто не мог отказать этой женщине ростом с вершок!

Бабушка

Она принимала у себя поочередно трех польских священников, которые не могли выдержать слишком суровой зимы. Огромный отец Пшемислав заплатил за это своим здоровьем, но, найдя прибежище в полу-отшельнической жизни, все же выдержал удар. По его инициативе на этой Мессе в честь приезда Терезы весь приход молился о Розе, и она, так радовавшаяся этому событию, испустила свой последний вздох именно в это время. Тереза сама встретила ее на Небе...

Дорогая Роза, еще этим утром мы сетовали, что в храме никого не видно, кроме бабушек и детей (люди среднего возраста, сломленные атеистическим режимом, в церковь не ходили); но вот благодаря тебе все прихожане Святого Франциска здесь – молодые и немолодые, мужчины и женщины: все собрались на твои проводы в этот праздник Непорочного Сердца Божией Матери, совпавший с отъездом Терезы. Твои прекрасные ангелы светятся тысячью искр, и ты вместе с Терезой говоришь нам: «Я не умираю, я вступаю в жизнь», на Небеса. Ты не уснула....

Перед отцом Пшемиславом открывается обширное поле для евангелизации, и он не сидит без дела! Тереза – отличный адвокат: каждый, кто приходит, тронут до глубины души. Похоронив Розу, все приходят попрощаться с Терезой. Еще раз спасибо, Роза, ты сделала свое дело! «Как я буду несчастлива на небесах, если не смогу доставлять маленькие радости на земле тем, кого люблю!» (*Желтые тетради*, 29.6.2)

В Чкалово мы встретили Машу (из депортированной семьи) – представительницу среднего поколения, которое, пройдя годы комсомольского воспитания, не просто вело безбожную жизнь, но считало веру преступлением, а христианскую мораль – чем-то ненавистным. Брак был чистой формальностью, понятия о верности отсутствовали, аборты были обычным делом. Став лидером в своем регионе, она научилась пользоваться пистолетом, с которым больше не расставалась. Два года назад она «случайно» зашла в церковь, и, испытав внутреннее потрясение, открыла сердце отцу Кристоферу и стала идти вперед гигантскими шагами. Теперь она работает у отца. Именно она принимала нас, причем с удивительной деликатностью. Тереза перевернула ей душу. «Я вложу столько любви в обычные маленькие вещи, что они станут необычными»: в этих ее словах она нашла ключ, помогавший переживать ее беды (муж – безработный и алкоголик, трудные дети...).

В Кокчетаве, когда мы с Терезой ездили в больницу для туберкулезных, одна казахская мама, мусульманка, хотела поцеловать реликварий, молясь о том, чтобы Тереза послала обильные благодатные дары тем, у кого нет веры.

Озерное

В честь Терезы, которую очень почитают в этих местах, в маленьком городке Озерное были организованы трехдневные празднества. С 1990 года настоятелем там служит отец Томаш Пета, окормляя маленькую общину ссыльных с Западной Украины. Сестра Мариола писала мне: «В этом году стоят сильные холода, а у нас нет ни отопления, ни электричества. Я пишу вам почти в полной темноте, но по воскресеньям мы собираемся с молодежью в церкви и вместе совершаем посвящение⁷¹; в этом наша радость...» По случаю нашего приезда прямо посреди степи поставили большой шатер, чтобы вместить всех приходящих, которые в маленькой церкви Божией Матери Мира не поместились бы.

Когда 17 июня 1936 года здесь высадили 1500 человек, оторвав от родной земли и по приказу Сталина депортировав во время принудительной коллективизации на Украине, в этом заброшенном месте не было вообще никакой жизни. После изнурительного пути в опечатанных вагонах для скота уцелевшие должны были, прежде всего, как-то пережить страшную зиму (-40) в этих голых местах, где не росли даже деревья. Они рыли себе землянки, чтобы спастись от ледяного ветра и холода. Выживали только самые сильные, и сегодня они признаются, что верующие, уповавшие на Бога, держались лучше других. Дети и старики в основном погибали. Так в результате депортаций эти негостеприимные места заселялись украинцами, поляками, немцами, протестантскими конфессиями, византийскими и римскими католиками, православными. Нужда во взаимной помощи связала их крепкими узами. Чтение розария стало опорой их веры и вместе с тем вызовом богоборческой власти. Депортированные вынуждены были создать колхоз «Красный Восток», хотя в этих краях очень трудно было найти даже материалы для строительства. Позднее он был переименован в «Авангард». Там они оставались целых восемнадцать лет, поскольку вплоть до смерти Сталина им запрещено было покидать территорию. Единственный вокзал находился в 70 километрах, а добраться туда можно было только пешком. В 1941 году зима была особенно суровой, в колхозе царил голод, многие умерли. Выжившие молились еще горячее, чем обычно, и 25 марта, в праздник Благовещения, ветер вдруг задул с невиданной силой и образовалось большое озеро, полное рыбы! На месяц раньше обычного пришла оттепель. Жители городка, неотступно молившиеся своей Заступнице, увидели в этом знак свыше. Рыба из озера много лет кормила не только жителей городка, но и все окрестности. Неверующие руководители колхоза пользовались этим вовсю, и, организовав доставку рыбы в государственные магазины, дали «научное»

⁷¹ Речь идет о книге посвящения Марии, вдохновленной Людовиком-Марией Гриньон де Монфором, которую мы перевели на русский.

объяснение этому явлению, которое до сих пор всем памятно. Город называли Озерное. Чтение розария продолжало отмерять ритм времени. Иногда тайно приезжали священники. С 1981 года отец Ян Павел Ленга, ставший потом епископом Караганды, начал, как мог, окормлять примерно шестьдесят деревень региона.

Годами жители неотступно молились о том, чтобы у них появился священник, и 22 августа 1990 года, в праздник Марии Царицы, из Польши приехал отец Томаш Пэта. К великому удивлению этого горячего поклонника Пресвятой Девы Меджугорья, он обнаружил, что верующие с разрешения Москвы уже начали строить небольшую часовенку, подобную тамошней, ничего, однако, о ней не зная. Отец Томаш взялся за создание прихода в условиях самых неблагоприятных – без водопровода, без электричества, практически без отопления, но так вдохновенно, что это отметил даже Иоанн Павел II во время его рукоположения в епископы в Риме, состоявшейся вскоре после нашего путешествия. В 1995 году церковь Озерного стала санктуарием, посвященным Божией Матери Мира. Каждый год на праздник Иоанна Крестителя здесь организуют большое паломничество по той простой причине, что в этот самый длинный день года можно меньше зависеть от милостей колхоза, предоставлявшего электричество на несколько часов в день. Озерное расположено ровно на середине между Хиросимой и Фатимой, и монс. Глемп (Примас Польши) предсказал, что оно станет для Азии таким же важным местом паломничества, как Гваделупа или Фатима. При виде голых степей, простиравшихся вокруг, нужна была вера отца Томаша, способная переставлять горы, чтобы принять это предсказание всерьез. А он не сдавался: у него был даже замысел посадить вокруг озера лес.

Освящение собора в Астане 26 июня

Кульминацией Терезинового путешествия по Казахстану стало освящение нового храма в Астане – столице Казахстана. Монс. Ленга очень хотел, чтобы оно совпало с приездом Терезы. Накануне в ее присутствии, в предсеминарии Караганды он рукоположил в диаконы семинаристов из петербургской семинарии Мирослава и Виктора. Они закончили учебу и стали первыми плодами, рожденными этой землей мучеников. Это были два первых «братишки» Терезы, вышедших из степной Церкви Центральной Азии. Свидетельство и пример Терезы трогали всех. Приходя к мощам, люди благодарили ее, говоря: «Спасибо, что ты была нашей надеждой!»

15 августа 1998 года в Лизье несколько действующих лиц.

Слева направо, сзади: сестра Екатерина-Елизавета, о. Майкл, х, отец Бернар Ле Леаннек, сестра Тамара, епископ Ги Гоше, епископ Кондрусевич, епископ Пикель, и впереди: х, х, сестра Кристель, сестра Моник-Мария, Света.

Возвращение

Большая рака возвращается в Кармель

28 июня 1999 года, на праздник святых Петра и Павла Тереза вернулась в Москву, а 5 июля вновь благополучно возвратилась в свой монастырь. Миссия была завершена. После непредвиденной остановки во Франкфурте на праздник Посещения, Тереза в 15.30 прибыла в Руасси: было слишком поздно, чтобы оформлять таможенные документы, а поскольку дело было в пятницу, она осталась благословлять аэропорт на все выходные! Господь потребовал этой дополнительной жертвы от монастыря кармелиток, который в это время счастлив был узнать, что миссия оказалась плодотворной. Когда через несколько месяцев я привезла в Лизьё икону Терезы, я, входя в затвор монастыря, словно услышала нежный голосок, воскликнувший: «Ах, как хорошо вернуться домой!» Тереза была счастлива, что она снова у себя.

13 октября следующего года, по случаю посвящения России Непорочному Сердцу Божией Матери, санктуарий, посвященный Терезе в соборе Непорочного зачатия в Москве, был освящен. Прекрасная икона – авторская копия иконы Зенона, как и мощи Терезы, Луи и Зели Мартенов были выставлены для почитания в реликварии, подаренном монастырем Лизьё и официально доставленном Марией Терезой.

Икона Зенона задерживается в России и встречает начало 2000 года в Магадане

Название «Магадан» один раз встречается в Евангелии. После второго умножения хлебов Матфей пишет: «И, отпустив народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские»⁷² (15:39) ... Хотя местоположение этого края остается несколько загадочным, в переводе с еврейского это слово имеет такие смыслы: заброшенность, изгнание, отказ. Магадан – важный порт, основанный на Охотском море в 1933 году. Это главный город обширной территории вокруг Колымы. Дорогу, соединяющую Магадан с золотыми приисками вниз по течению Колымы, прозвали «дорогой костей», поскольку многие заключенные умерли на ее строительстве, а кости их были использованы в качестве стройматериала для шоссе. В сталинское время Магадан был одним из главных мест

⁷² Во французском варианте евангельского текста название этого края действительно созвучно названию «Магадан».

лагерной ссылки. Его особенно боялись из-за нечеловечески холодных зим; а кроме того, Магадан находится совершенно на отшибе: самый близкий город – Якутск – в 220 километрах. Он повидал поколения депортированных, среди которых было много известных людей. Завершая путешествие с Терезой по России, мы пообещали всем, с кем там встретились, молиться и просить других о молитве. «Приезд Терезы в Россию был похож на проход ледокола. Нужно помешать льду сомкнуться за ним снова», – говорил мне отец Майкл Шилдс. Именно он в первое воскресенье Адвента 1999 года начал служить в Магадане целую серию месс. Поэтому в конце декабря я поехала туда на открытие Юбилейного года, чтобы помочь все организовать и привезти первые, о, сколь желанные подарки! И материальная, и духовная нужда здесь была невероятная; она ежедневно словно погружала нас в реальность Воплощения. Я увидела своими глазами, что и на дне ада отверсты небеса, когда беда преображается светом любви и милосердия. Труднее было, скорее, вернуться после этого в наши «цивилизованные» страны. Меня сопровождала прекрасная икона Терезы, написанная отцом Зеноном, словно несшая в себе благодать единства и примирения. Недаром она завершала свой путь по России на этой земле скорби. Для всех те дни были временем благодати и утешения. Терезу приняли даже в одном православном монастыре недалеко от Магадана: нужда очень сблизила его с католическим приходом, помогавшим ему, как он мог. Монахини хорошо знали Терезу, и это дало нам возможность прекрасно пообщаться и очень интересно поговорить с ними о западных и восточных святых. На службах в Магадане было столько народу, что епископ Иркутска, монс. Ежи Мазур, попросил отца Майкла задуматься о том, чтобы построить на этой земле мучеников настоящий храм. Это было началом прекрасной авантюры – строительства церкви Благовещения в Магадане.

Мы отвели целый день на небольшое паломничество по городу с иконой Терезы, прося ее, прежде всего, показать нам место для строительства будущей церкви. Место, казавшееся нам идеальным, занимал спортивный комплекс для членов компартии, который так и не был достроен и потому стал общественной баней – заведением вполне советским по структуре. Нужно было разрешение городских властей, чтобы, во-первых, купить это место, во-вторых, построить на нем церковь, да еще и католическую! А в России вести переговоры всегда непросто. Если бы не Тереза... Три месяца спустя место было куплено, разрешение на постройку католического храма получено, и даже нашлись деньги, необходимые, чтобы начать проект! 8 сентября 2000 года во время открытия собора в Иркутске неутомимый отец Майкл уже гордо показывал мне планы своей будущей церкви.

Чуть ближе к центру города мы остановились у подножия огромной статуи Ленина высотой в несколько метров, господствовавшей над одноименной площадью, и молились о

Тереза в Магадане

том, чтобы этот символ, увы, еще очень распространенный, прекратил существование. Мы не могли удержаться, чтобы не обойти фигуру несколько раз с иконой, скандируя: «Да падет, да падет!» Дух смерти, царивший в этих местах, был так силен, что большой дом, стоявший на той же площади по соседству с памятником (и задуманный как своего рода генштаб компартии, правда, так и не достроенный), часто служил трамплином для самоубийц, которые поднимались, чтобы в самом центре города спрыгнуть оттуда вниз.

Некоторое время спустя мы оказались свидетелями двух духовно значимых событий, произошедших в этом месте. Люди видели, как на площади Ленина разобрали это огромное 16-этажное здание и начали строить большой православный собор Пресвятой Троицы, вскоре засверкавший золотыми куполами в знак победы Воскресения. В полутора

километрах от площади, на улице с тем же названием началось строительство католического храма Благовещения. Он вышел очень красивым – украшенный иконами, писаными в Москве, с витражами Сержа Нуалья из общины Блаженств (Франция). Одна часовня в храме была посвящена памяти мучеников ГУЛАГа. Там круглосуточно выставляли Пресвятые Дары, и люди могли в любое время прийти помолиться в реальном присутствии Христа. Жители Магадана и приезжие могли оставить там крестики в память о близких, погибших в лагерях, чтобы, как говорит святой Павел: «там, где царствовали смерть, ужас и отчаяние, стали преизобиловать любовь и упование» (см. Рим 5:17-21).

Нам трудно себе представить мучения душ, не знающих Бога и не имеющих возможности прибегнуть к Его любви и милосердию. Церковь в Магадане существует только 10-11 лет; а погибло в этом месте, одном из самых страшных мест сталинских репрессий, как говорят, около 20 миллионов. Ровно два года спустя после нашего «взятия Иерихона», когда люди были заняты новогодними праздниками (которые в России всегда сопровождаются обильными возлияниями), статую Ленина, возносившуюся посреди площади прямо посреди стройки собора, тихонечко разобрали. Через несколько дней она просто исчезла, и никого это не обеспокоило. Ленин покинул Магадан по-английски, без барабанного боя и литавр, тихо и без скандала.

Дух Святой совершал Свое дело, и мы чувствовали, что, несмотря на бури, тьма рассеивается. Ведь почти немислимо, чтобы в городе, который для всей России стал символом сталинских репрессий, на месте Ленина, символа коммунизма, вознесся прекрасный храм во славу Божию. По слову пророка Исаии: «слово Мое, которое исходит из уст Моих, не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно» (Ис 55:11).

Можно только бесконечно хвалить Бога за то, что Он и в наши дни незримо совершает через все возносимые Ему жертвы алтаря. Как ячменный хлеб Гедеона, который катился по стану Мадиямскому, разрушая его шатры (см. Суд 7:13), эти неожиданные плоды вселяют в нас надежду и веру в то, что евхаристический хлеб – истинная пища, способная творить добро несравненно большее, чем все, что мы в силах вообразить.

Свидетельство, пришедшее из Магадана

Повсюду Тереза оставила аромат своих благословений. Ольга и Миша, которые написали это свидетельство, пятнадцать лет жили на метеорологической станции на

крайнем севере Сибири, совершенно изолированной от мира. На последние три года они остались без электричества и отопления. К счастью или по воле Провидения, одна молитвенная группа подарила им Библию. Они пристрастились ее читать и всей душой желали принять крещение, хотя не могли решить, в какой Церкви. За две недели до того, как икона Терезы приехала в Магадан в начале юбилейного года, они вместе с двумя детьми приняли крещение у отца Майкла. Они очень хотели обвенчаться в присутствии Терезы, с которой уже успели познакомиться и подружиться, хотя понятия не имели ни о том, что такое святой, ни об общении святых. Вот письмо, которое я получила от них позже:

Во имя Иисуса Христа, примите, дорогая сестра Тамара, нашу любовь и молитву из далекого города Магадана.

Вот уже два года, как Господь подарил нам радость встречи с Ним и с Терезой. Я венчалась перед ее иконой, и с тех пор ощущаю ее присутствие в нашей жизни. Зимой 2000 года я очень сильно заболела и никак не могла вылечиться. Как-то ночью я проснулась и почувствовала, что Тереза хочет прийти навестить меня. Обычно мощи не покидают храма, но на следующий день я позвонила отцу Майклу и попросила его принести мне причастие и мощи Терезы. Он в принципе согласился, но в тот день был сильно занят в церкви, и передал мою просьбу отцу Давиду. Я освободила для Терезы место на своем домашнем алтаре, и отец Давид приехал с причастием и мощевиком. Я была счастлива.

Через час приехал отец Майкл и уже в коридоре начал извиняться, что забыл сказать отцу Давиду о моей просьбе взять с собой мощи. Вы можете себе представить его удивление, когда он увидел их у меня. Видно, Тереза впрямь хотела повидаться со мной, и тихонько сама шепнула об этом отцу Давиду.

Самое удивительное, что наши дети – 11-летняя Полина и 7-летний Артур – утром того же дня видели Терезу. Они рассказали, что видели молодую женщину в белом прозрачном одеянии с цветами в руках. Она подошла к их кровати, посмотрела на их игрушки и исчезла. Они говорили, что совсем не испугались, а когда увидели изображение Терезы с цветами, сказали: «Вот эта женщина, которая к нам приходила!»

С этих пор я начала выздоравливать, и даже наши небольшие семейные проблемы разрешились. Тереза прожила у нас две недели, и все мы чувствовали ее присутствие. Прошло два года с этой чудесной встречи, но даже сегодня я считаю Терезу своим другом и, скажу Вам по секрету, когда я одна в часовне перед ее иконой, я целую ее и говорю: «Здравствуй, милая!» До сих пор я никому не рассказывала об этих своих чувствах, чтобы люди не решили, что я ненормальная. Но, слава Богу, есть те, кто способен понять духовный мир другого человека. Благодарю Господа за эту встречу с Терезой, с Вами, за

Дом Мадонны и его миссию. Пусть Бог благословит Вашу миссию и даст Вам крепкое здоровье и много счастья в Господе Иисусе.

Некоторые зримые плоды. Год спустя

В этих местах, где побывала Тереза, для меня началось странное паломничество, в котором мы много молились, но и страдали тоже ... Кокчетав был последней каплей в горькой чаше нашего прошлого путешествия, длившегося больше четырех месяцев. Теперь же я с волнением увидела на месте бывшей городской помойки большой храм из красного кирпича. Восемью годами раньше, во время первого приезда в Казахстан Примас Польши монс. Глемп взобрался на вершушку горы помоев, возвышавшейся над городом, и там молился за эту страну. Именно в том же месте через два года появилась прекрасная церковь, из которой возносились в небеса горячие молитвы. Община Блаженств купила у одной украинской бабушки маленькую мазанку, окруженную садиком, примыкавшим к задней части церкви, и там открыла свой первый в Казахстане монастырь. Настоятель и приход были очень рады нас принять на его открытии. Молодежь тоже ждала нас, это было видно. Эта миссия была плодом Терезино посещения. Повсюду, где она побывала, не иссякали благословения. Проект начал зарождаться, когда швейцарский дом общины Блаженств организовал реколлекции, посвященные ей, чтобы подготовить людей к ее приезду. Через некоторое время Казахстан официально поручили покровительству нашего маленького Учителя Церкви и святого Франциска. По воле «случая» миссия дома началась с операции «дождь розовых лепестков» в разных приходах. Тереза прекрасно умела описать собственную историю. Свидетельства были поразительные.

На следующий день все мы отправились в Келлеровку, где была похоронена Роза. К нашей радости и радости прихода отец открывал новую колокольню, и мы благословили три новых колокола, которые отныне открыто будут созывать верных на молитву. Отец Пшемислав и сестры приняли у себя новые призвания, среди них – Марину, которая только что провела год в общине Блаженств и вернулась в свою страну, где в ее работе с молодежью была большая нужда. Во время визита Терезы она играла ее роль в поставленном ими спектакле.

В этом месте плодом Терезино посещения стал расцвет призваний, и многие из них утвердились во время фестиваля молодежи в Озерном, имевшем явный успех. Три призвания на один маленький монастырь в Озерном – это было нечто невиданное!

Возвращались мы через Шортанды, где я хотела совершить небольшое паломничество к Младенцу Иисусу из Праги, подаренному Альфонсо и Марией Терезой «в обмен» на малыша Алонсо. Приход Шортанды очень изменился. Церковь была переделана, побелена, а санктуарий Младенца Иисуса уже украшен множеством *ex-voto*. В боковой часовне на целый день выставляли для поклонения Святые Дары, которые охраняла одна бабушка, открывшая мне дверь. Сюда приехала община Сестер матери Терезы. Они приехали с улицы Дю Бак и говорили по-французски. Одну из них тоже звали Терезой.

Вернувшись в Москву прямо к восьмичасовой Мессе в Святом Людовике, я случайно повстречала Патрика де Лобье в сопровождении двух отцов-доминиканцев. Был как раз праздник святой Терезы. Один из отцов был как раз тем, который во время одной экуменической поездки в Петербург готов был поклясться, что паломничество Терезы по России не состоится. Я, не помнившая его в лицо, не нашла ничего лучше, как начать с воодушевлением рассказывать о плодах визита Терезы, которые увидела в Казахстане год спустя, и заключить: «Все-таки она сильна!» – «Чего хочет женщина – того хочет Бог!» – отпарировал он не без иронии, так и не представившись. Потом он провожал меня часть дороги, и мы познакомились поближе.

Да, чего хочет Тереза, того хочет Бог!

Заключение

По примеру кардинала Эчегарая и в память о дорогих мне африканских осликах я могла бы озаглавить это свидетельство так: «Я иду, упираясь как осел»... Тереза, видно, действительно хотела приехать в эту страну, раз преодолела все препятствия. Она проходила через все двери, а когда буквальные, материальные двери храмов оказывались слишком узкими, она входила в окно, и иногда нам казалось даже, будто она задерживает дыхание, чтобы любой ценой оказаться внутри. Единственное место, куда она не пожелала войти, был «зал Ленина» в Санкт-Петербурге...

Для нас это путешествие было школой любви и доверия, поскольку вся авантюра была начата при полном отсутствии материальных возможностей. Нужно признать, что отправиться в этот путь уже было неслыханным вызовом, но суметь проделать его без проблем – это уже настоящее чудо! «И вы не бойтесь того, что может вас ждать в

путешествии с покровительницей миссий по территории миссий?» – спросил нас один священник в отдаленном уголке Казахстана. Но Господь тщательно предусмотрел все, все наши миссионерские и материальные нужды, и все совершил как надо. Каждый из нас, как евангельский мальчик, отдал свои семь хлебцев и две рыбки, а Господь довершил остальное. Подобно евреям в пустыне, предоставленным воле Провидения, Он дал нам силы, чтобы довести дело до конца; дал и средства – и на самое путешествие, и на то, чтобы напечатать книги, открытки, постеры, молитвенные брошюры, кассеты с песнями... Чтобы каждый мог молиться и петь словами Терезы и принять благодать ее учительства, поскольку она самым несомненным образом говорила с сердцами людей.

Но та, что поступила в монастырь кармелиток, чтобы молиться о священниках, явно приехала прежде всего для них. Некоторые, как очень старый отец Иоанн, ливанец с прекрасным тонким лицом, длинной белой бородой пустытника⁷³, отвечали за приходы, находившиеся в 1000 километрах друг от друга, и им приходилось лететь самолетом через Москву, чтобы добраться из одного в другой. Им нужно было выдерживать настоящие сражения, чтобы добиться регистрации, возвращения храмов или разрешения на их строительство, чтобы отыскать позабытых, живших в изоляции христиан-католиков. Была и большая надежда, потому что через эту историю храмов создавались общины молитвы, которые зажгли огонь Воскресшего Христа там, где его никогда не было, и которые своим существованием провозглашали, что Христос воскрес и восстал из гроба. Многие дети и безработная молодежь (ведь в этих местах ничего нет!) приходили в церковь в первые и встречались с Богом. Сколько детей приходило к Терезе и оставались, очарованные, на много часов, сокровенно беседуя с той, которую спонтанно окрестили царевной. Наше присутствие было для них знаком того, что Бог их не оставил; присутствие Терезы – великим утешением. Мы же дали то, что имели: обещали всем этим священникам молиться о них.

Желание Терезы «отправиться на край света возвещать Евангелие» было исполнено!

Этот путь на восток, во все более заброшенные и бедные места, смена часовых поясов – все это похоже было на путь в глубины царства ночи. Иногда нам казалось, что мы в них тонем. Приходы, священники и люди, которых мы встречали, подобны были разным ликам Церкви. Мы приезжали к незнакомцам, а расставались в слезах как родные. Наш маленький Учитель Церкви ткал узы между сердцами. Она позволила нам пережить ее путь

⁷³ В конце следующей зимы отца Иоанна убили ради жалкой суммы денег.

безоглядного доверия на собственном опыте. Поразительно было видеть, как приходы, не имевшие ничего, подготовились к приему покровительницы миссий! Им так о многом нужно было ее попросить! Тереза находила отклик в сердцах всех этих христиан, переживших и продолжающих переживать великие страдания – физические и душевные. Ее истинно евангельское послание, ее жизнь, ее малый путь доверия и любви, стали для этих несчастных лучшим даром Христа – возможностью ощутить себя возлюбленными детьми Отца.

Чем больше городов и деревень мы проезжали, тем больше уверялись в том, что Тереза повсюду чувствует себя как дома и повсюду счастлива принести свое послание Любви.

Многие события показали, что послание это пало на подготовленную почву. У священников, сестер, прихожан зачастую была уже своя долгая история отношений с Терезой, и мы восхищались, видя, как через множество конкретных деталей Господь издавна, издавна все готовил. Отец Станислав Помыкало в одном интервью сказал:

На протяжении всего путешествия мне было ясно, что малый путь доверия и любви святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица может быть и путем примирения между Католической и Православной церквями. Я всегда удивлялся ее имени – Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица; но во время паломничества много размышлял и открыл в нем новый смысл.

Детство – это сыновнее доверие, сыновья связь с Отцом как противовес безграничному рационализму, уже несколько веков разрушающему духовную жизнь Запада. А Святой Лик дает нам возможность увидеть милосердную и безусловную любовь Отца, в противовес фатализму, искажающему духовную жизнь Востока. По-моему, Католическая и Православная церкви призваны подражать тому, что дано нам во Христе – двум путям доверия и любви; и тогда мы обретем примирение, в котором нуждаемся, и не только для себя, членов Церкви, но и для мира. Именно этого Господь ждет от нас. Фигура святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица встает в начале нашей эры, этого нового тысячелетия, возможно, как начало пути примирения, столь желанного Богу. Ее стремление быть «Любовью в сердце Церкви» приобретает в этом свете новый смысл.

Да, почва была подготовлена, пшеница побелела и поспела, жатва обильна плодами обращений, крещений, призваний, и мы даже вообразить не можем той работы, которую Дух совершает в сердцах. Как говорил отец Дарий, молодой настоятель одного из этих дальних приходов, отошедший к Отцу несколько месяцев спустя в результате автокатастрофы: «Тереза проехала по России, словно орошая землю, оплодотворенную

кровью мучеников. Ее посещение осталось незамеченным, как рождение Младенца Иисуса в Вифлееме». Посещение скромное, но чреватое богатым урожаем...

Post Scriptum

«Молитвенная осада»: Мессы за исцеление памяти

Вернувшись из путешествия со святой Терезой, мы чувствовали, что дело только начинается, и что она просто показала нам огромное поле для жатвы, познакомив и с малочисленными, страшно уставшими делателями, и с бедой этого забытого народа. Мы обещали всем этим священникам молиться о них и просить об этом других. Люди, которых мы встречали, говорили иногда: «Когда причащаетесь, причащайтесь и за нас: нам так редко выпадает счастье иметь священника! А мы будем молиться о вас!».

По случаю Юбилея 2000 года Иоанн-Павел II говорил о важности исцеления памяти о прошлом в каждой стране, чтобы принять милости, которые Господь готов даровать. Он решил сделать юбилейный год годом благословений – для исцеления от всякого зла и проклятия. Поймав на лету эту благодать, наш невидимый монастырь молитвы, посвященный Фатимской Божией Матери, предложил своего рода «мирное наступление» в виде благодарственных Месс за очищение памяти народов: чтобы евхаристическая Кровь Христа окончательно победила зло – любовью, а смерть – жизнью и освободила души жертв. Благодаря щедрым даяниям, поступавшим со всех сторон, священники России, Сибири и Казахстана могли совершить целый «букет» Месс за то, чтобы всякое страдание преобразилось и принесло плоды славы, а Господь очистил сердца и вернул их к Отцу.

Эта инициатива была принята хорошо, и благодаря полученным пожертвованиям, мы смогли действительно оказать помощь миссионерам, зачастую очень нуждавшимся. Молитвенных интенций хватает и по сей день... Мы предаем Богу и руководителей наших стран, прося о прощении и милосердии, о том, чтобы Господь использовал сложные переплетения непонятных нам политических мотивов для очищения и возвращения этих стран к Богу.

Было совершено уже больше 13000 Месс, и мы продолжаем, чтобы, согласно фатимскому обетованию, пришло царство Непорочного Сердца Богоматери, Россия обратилась, и весь мир познал мирные времена. Тогда вместе со святым Серафимом мы воскликнем: «Радость моя, Христос воскрес! Аллилуйя!»

Послесловие

Едва получив рукопись сестры Тамары, я погрузился в ее чтение, как погружаются в чтение приключенческого романа. Потому что речь действительно идет о приключении и даже о настоящей эпопее. Эту историю путешествия мощей Терезы из Лизьё по России и Казахстану непременно должна была написать та, которая его организовала и проделала от начала до конца с невероятной энергией и верой, способной двигать горы.

Со дня Пятидесятницы 1995 года, когда в базилике Лизьё родился этот замысел, и до его осуществления в 1999 году, сколько пришлось встретить трудностей, сколько препятствий преодолеть, но и какие были потрясающие, неожиданные встречи, какой ливень благодатных даров! Обо всем этом сестра Тамара свидетельствует с простотой и точностью; она рассказывает о том, что сама видела и слышала, но предоставляет слово и другим свидетелям, которые сопровождали ее и оказывали драгоценную помощь на всем протяжении этой миссионерской авантюры.

Ведь это была истинная миссионерская авантюра, осуществленная в полном согласии с епископами этих огромных территорий. Миссия, которая всегда была тайным желанием Терезы. Разве не писала она на закате своей жизни: «Я хотела бы пройти всю землю, возвещая Евангелие во всех пяти частях света. Я хотела бы быть миссионером»? (Рукопись В, 3)

Однако существовал большой риск, что с годами то, что действительно произошло, забудется. Что бы знали мы сегодня о миссионерских путешествиях Павла, если бы не было Деяний Апостолов? Именно по этой причине я очень хотел повесить в базилике Лизьё в 2001 году большую икону, посвященную жизни Терезы и написанную православным иконописцем архимандритом Зеноном, чтобы увековечить память об этом паломничестве. Эта икона – своего рода мемориал для будущих поколений.

Заканчивая чтение рассказа сестры Тамары, понимаешь, насколько эта прекрасная авантюра была промыслительной от начала до конца; ведь она позволила людям, у которых никогда не будет возможности приехать в Лизьё, принять Терезу у себя. Невозможно не заметить и того, что, благодаря этому паломничеству, произошел настоящий экуменический сдвиг. Это истинный экуменизм святых, который превышает принадлежности к той или иной Церкви. В едином стремлении почтить святую православные верующие легко и естественно смешивались с католиками.

Целые толпы народа приходили поблагодарить Терезу, открыть ей сердце и поделиться своими радостями, страданиями и заботами. Какая удивительная и таинственная близость возникала между нею и детьми, молодыми, взрослыми и стариками, как бедными и непросвещенными, так и самыми образованными; она становилась их сестрой, доверенной душой, другом, самой любимой святой после Божией Матери.

Повсюду, где Терезу принимали, она приносила свое евангельское послание любви, доверия и непобедимого упования. Невозможно перечислить полученные дары, исцеления, призвания, пробудившиеся во время ее посещения. От больших храмов до крошечных приходов, школ, больниц и тюрем – повсюду Тереза засеивала умы и сердца добрым семенем Слова Божия. Проезжая по необъятным пространствам России, Сибири и Казахстана, она оставляла за собой след, полный обещания и надежды.

Она оказалась подлинным миссионером новой евангелизации, с которым невозможно не считаться. Но стоит ли удивляться, ведь мы знаем, что с 1927 года Церковь избрала ее покровительницей миссий и миссионеров! Каждый теперь понял, что ее благое и сильное воздействие на многих людей объясняется тем, что послание ее – чистое и неискаженное эхо Евангелия, и что между тем, что она говорит, и тем, что проживает, существует полное созвучие. Случай достаточно редкий, чтобы отметить его.

Эта святая так и не перестает нас удивлять. Но разве не удивительно ее пророчество (которое исполнилось в России, как исполняется и повсюду в мире, куда она приезжает и где ее принимают), когда за несколько недель до смерти, в больнице своего монастыря в Лизьё, она заявила: «Святые говорят мне, что после смерти наступает время трудов и завоеваний»? (*Последние беседы*, 10 апреля 1897).

Раймонд Замбелли, Почетный Ректор Санктуария в Лизьё

